This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

5R5/12

БИБЛІОТЕКА

ДОМАШНЯГО ВОСПИТАНІЯ.

МЫСЛИ

О

НАЧАЛЬНОМЪ ВОСПИТАНІИ

ИЛИ

СЕМЕЙНАЯ ШКОЛА.

«Не то хорошо, что хорошо;
«а то хорошо, что къ чему
«пригодно.»

Русская поговорка.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. Глазунова и К°.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Ноября 5 дня 1838 года.

Цензоръ А. Никитенко.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ

ПОСВЯЩАЕТЪ СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ

ВѢРНОПОДДАННЫЙ

Г. Бланкъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Мысли о начальномъ воспитаніи или семейная школа:

Разговоръ о томъ, кто и какъ долженъ воспитывать . . . . . 1.

Разговоръ съ дѣтьми о познаніи и ученіи 37.

Описаніе семейной школы . . . 79.

Заключеніе . . . . . 113.

Очерки, мысли и замѣчанія:

I. Общій взглядъ на ходъ воспитанія въ Европѣ . . . . . 119.

II. О дѣтскомъ возрастѣ и приличномъ ему образованіи . . . . 129.

III. О порядкѣ ученія . . . 143.

IV. О начальномъ образованіи вообще и

стр.

раздѣленіи онаго по классамъ народа . . . . . 149.

V. О системѣ образованія Сократической или разговорной . . . 195.

VI. О методѣ взаимнаго и современнаго обученія — Ланкастера и Белла . 203.

VII. О методѣ всеобщаго ученія — Жакото . . . . . 215.

Три таблицы занятій для дѣтей 6 — 9, — 12, — 15 лѣтъ . . 237.

МЫСЛИ
О
НАЧАЛЬНОМЪ ВОСПИТАНІИ
ИЛИ
СЕМЕЙНАЯ ШКОЛА.

Разговоръ о томъ, кто и какъ долженъ воспитывать.

Вѣребки есть небольшое, но хорошо устроенное сельцо одной изъ внутреннихъ губерній Россіи; находясь въ степной ея части, оно изобилуетъ однако лѣсомъ и водою, будучи расположено при рѣкѣ, хотя несудоходной, но довольно значительной и рыбной, по берегамъ которой тянутся рощицы и кустарники, а далѣе, вокругъ, разстилаются обширныя и плодоносныя поля.

Помѣщичій домъ со службами, отстоя нѣсколько отъ деревни, красуется на

возвышенности берега и господствуетъ надъ окрестностями, составляющими прелестное мѣстоположеніе: съ одной стороны пролегаетъ большая дорога между домомъ и тѣнистымъ лѣсомъ, сквозь зелень котораго виднѣются избы Вѣребскихъ крестьянъ, овечій дворъ и гумно, наполненное желтыми скиртами ржи и красноватыми гречихи; а съ другой пестрѣетъ цвѣтущій садъ, съ плодовитыми куртинами, съ душистыми клумбами, съ длинными, темными алеями и извилистыми дорожками, то изчезающими въ густотѣ деревьевъ, то выглядывающими на лужайкахъ и насыпяхъ, то скользящими по прибрежнымъ скатамъ и низменностямъ.

Рѣка огибаетъ его полукружіемъ, извиваясь лентою и орошая каждою весною лежащія по ту сторону поёмные покосы и пастбища, которыя стелются безконечною равниною, иечезая въ синеватомъ отдаленіи.

Къ опушкѣ лѣса примыкаетъ озеро, соединенное небольшимъ протокомъ съ рѣкою: лѣтомъ туда слетается много

дичи, которая любитъ прятаться отъ жару въ его высокій камышь и густую осоку, или искать себѣ пищи по низменнымъ, кочковатымъ его закраинамъ; а зимою, что за прелесть кататься по гладкой ледяной его поверхности или любоваться, какъ мужички молотятъ на ней хлѣбъ, дружно и ловко выбивая цѣпами своими полное зерно изъ колосьевъ.

Вдали съ лѣвой стороны усадьбы шумитъ мельница, куда окрестные поселяне свозятъ собираемое въ изобиліи жито (*); — а съ правой, верстахъ въ двухъ отъ Веребокъ, возвышается храмъ Божій: сюда стекаются они благодарить Подателя всѣхъ благъ за Его дары или молить Его о своихъ нуждахъ.

Селеніе сіе принадлежало одному весьма достаточному помѣщику, который жилъ прежде со всѣмъ семействомъ своимъ въ Москвѣ; но принужденъ былъ

(*) *Жито* собственно значитъ ячмень; но во многихъ Губерніяхъ подъ симъ названіемъ разумѣютъ также и вообще хлѣбъ не на корнѣ и не въ колосѣ; отъ этого общаго значенія *жита* происходитъ значеніе слова *житница*, т: е: анбаръ, магазинъ, содержащій въ себѣ не одинъ ячмень, а и всякаго другаго рода обмолоченный хлѣбъ.

оставить столицу во время нашествія на нее въ 1812 году Французовъ.

Назовемъ владѣльца этого помѣстья *Добрòвымъ*; ибо, по прекраснымъ качествамъ души и сердца, ни какое другое прозваніе не можетъ быть для него такъ прилично.

Удалившись въ Веребки, онъ не долго наслаждался семейнымъ счастіемъ и удовольствіями сельской жизни; жестокая болѣзнь приблизила его рановременно ко гробу.

Чувствуя приближеніе смерти, онъ собралъ вокругъ себя все семейство; благословилъ дѣтей, давъ имъ спасительныя наставленія; утѣшалъ жену, и, молясь за нихъ всѣхъ Богу, — подъ сѣнію ликовъ Божіей Матери и Великомученицы Варвары перешелъ тихо, какъ праведникъ, изъ жизни земной въ жизнь вѣчную, небесную, неокончивъ креста, которымъ слабая рука умирающаго силилась ознаменовать мысль Христіанина.....

Потеря мужа была слишкомъ тяжка для сердца безутѣшной вдовы: одна вѣ-

ра только и любовь къ дѣтямъ могли призвать ее опять къ жизни и, по времени, нѣсколько смягчить мучительную грусть, ею овладѣвшую.

Не желая явиться опять въ большой свѣтъ, который потерялъ для нея всю привлекательность, она вознамѣрилась остаться въ деревнѣ и — вдали отъ суетности шумной столицы — обратить всѣ попеченія свои изключительно на воспитаніе сиротъ.

Между тѣмъ у *Добрѐва* былъ еще въ живыхъ отецъ — благоразумный и очень ученый старецъ, уважаемый всѣми за благородство души, честность и твердость характера; узнавъ о смерти сына и намѣреніи вдовы его, онъ рѣшился, по ея просьбамъ, переѣхать къ ней въ домъ и, раздѣляя съ нею труды, посвятить остатки дней своихъ пользамъ ея и внуковъ, которыхъ добрыя качества и способности подавали самыя лучшія надежды.

Ихъ было четверо: *Петруша* — самый старшій: ему только-что пошелъ 13-й годъ, когда пріѣхалъ къ нимъ дѣ-

душка, *Варинька*, которой минулъ 10-й, *Вася* 8-ми и *Маша* 6-ти лѣтъ; (и) эти сироты были вполнѣ достойны дѣдушкиныхъ попеченій: благонравіемъ, покорностію и прилежаніемъ своимъ они утѣшали его и услаждали мало по малу скорбь матери, видѣвшей въ нихъ развивающіяся добродѣтели покойнаго отца.

Чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ дѣдушки въ Веребки, *Г-жа Добрѣва* пришла однажды совѣтываться съ нимъ о своихъ дѣтяхъ: не нужно ли, по примѣру прочихъ, для приготовленія старшаго сына въ казенно-учебное заведеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для обученія другихъ дѣтей языкамъ и наукамъ, нанять имъ какого нибудь пожилаго, свѣдущаго учителя — иностранца?

Дѣдушка вполнѣ одобрилъ намѣреніе ея дать сыновьямъ общественное образованіе, приносящее столько выгодъ какъ характеру, такъ и уму молодаго человѣка, основательно подготовленнаго и утвержденнаго родителями съ самаго нѣжнаго дѣтства въ хорошей нравствен-

ности; онъ полагалъ даже помѣщеніе въ казенное заведеніе необходимымъ звѣномъ при переходѣ молодаго человѣка изъ нѣдръ семейства въ нѣдра общества, изъ жизни безпечной, лелѣемой и направляемой предусмотрительною любовью родителей, въ жизнь дѣятельную, самостоятельную, такъ сказать: въ большой свѣтъ, — отъ обязанностей покорнаго сына къ обязанностямъ добраго подданнаго, сына и слуги отечества; дабы этотъ рѣзкій переходъ былъ для юноши непримѣтенъ и пріуготовленъ, дабы онъ могъ вступить въ совершенно новое для него состояніе съ необходимою опытностію, испытавъ уже нѣсколько силы и способности свои въ обществѣ сверстниковъ, какъ бы въ маленькомъ мірѣ. Но дѣдушка, однако, не согласился поручить это пріуготовленіе, равно какъ и ученіе прочихъ дѣтей, наемному учителю, особливо же иностранцу, говоря, что въ выборѣ наставниковъ легко можно ошибиться, тѣмъ болѣе, когда этотъ выборъ будетъ заглазнымъ и неоснованнымъ на соб-

ственныхъ замѣчаніяхъ: ибо свѣдущіе изъ нихъ и добросовѣстно исполняющіе свою обязанность такъ рѣдки, что искать ихъ и испытывать надъ собственными дѣтьми, значитъ рѣшительно губитъ золотое время съ ущербомъ образованности и даже нравственности сихъ послѣднихъ.

«Я самъ» — продолжалъ *дѣдушка*: — «довольно учился въ молодости, много читалъ и трудился во всю жизнь мою: а слѣдовательно и могу замѣнить для твоихъ дѣтей какого нибудь француза, нѣмца или англичанина. Почему же не извлечь мнѣ и этой пользы изъ трудовъ моихъ? Конечно Петруша требуетъ уже нѣсколько глубокаго ученья, къ предположенной цѣли направленнаго; но прочіе еще такъ малы, что ихъ занятія должны ограничиваться не собственно такъ называемымъ ученьемъ, но основательнымъ, общимъ къ нему приготовленіемъ; Машу же только еще надо пріучать къ тому, чтобы она современемъ могла заниматься чѣмъ нибудь дѣльнымъ и нашла въ томъ удо-

вольствіе (II и III): а эта наука заключается вся въ игрушкахъ. Игры для дитяти не простая забава; нѣтъ! это для него дѣло важное: это сго занятія, труды, науки; это его нравоученіе; это для него весь міръ, — конечно игрушечный, — но совершенно удовлетворяющій его маленькимъ понятіямъ, способностямъ, желаніямъ, нуждамъ; — міръ, сохраняющій начало его опытности, знаній, образа мыслей, будущей роли въ большомъ настоящемъ мірѣ, къ которой оно предназначается. И такъ я буду заниматься различно съ каждымъ изъ дѣтей твоихъ: старшаго стану понемногу вводить въ область необходимыхъ для него наукъ; двухъ среднихъ знакомить съ основными свидѣніями и трудами — будущими ихъ спутниками и товарищами въ жизни; а съ этою милою малюткою — буду просто играть въ куклы; я такъ тряхну стариною, что ты сама примешь меня въ младшіе къ себѣ сынки.»

Г-жа Добрѐва. «Счастливы мои дѣти, что у нихъ есть такой *дѣдушка*, какъ вы! Впрочемъ не слишкомъ ли вы нападa-

ете на учителей и гувернеровъ, которые сущій кладъ для тѣхъ семействъ, гдѣ нѣтъ подобнаго вамъ *дѣдушки?* Да и кажется вы ужъ черезъ чуръ пріувеличиваете затрудненіе пріискать для этого — я неговорю какое нибудь совершенство — но такъ..... честнаго и довольно образованнаго человѣка.»

Дѣдушка «О! я не спорю, что истинно достойный своего званія наставникъ или даже и гувернеръ, какъ ты сказала, то есть просто: дядька, есть сущій кладъ; но сомнѣваюсь, чтобы кладъ легко доставался въ руки. — Положимъ, что тебѣ по счастію и попался бы честный, образованный человѣкъ; но развѣ этого довольно для воспитателя? Онъ неотъемлемо останется честнымъ, и образованнымъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ можетъ быть совершенно неспособнымъ къ той обязанности, какую на себя приметъ: откуда возметъ онъ качества, нужныя для наставника? Что будетъ понимать подъ этой должностью: просто ли передатчика тѣхъ знаній въ наукахъ какія самъ имѣетъ —

или опытнаго руководителя ,готовящаго умъ молодаго своего воспитанника — уже я не говорю про сердце — къ отвѣтамъ на всѣ вопросы, которые встрѣтятся въ долгой, неизвѣданной жизни нашей? Будетъ ли имѣть способность передать ему понятно и ясно свои собственныя свѣдѣнія? Можетъ ли говорить съ нимъ его языкомъ; приноровиться къ его понятіямъ? Въ состояніи ли пріобрѣсть значеніе его друга и ровестника: сдѣлаться съ ребенкомъ — дитятею, съ отрокомъ — отрокомъ, съ юношею — молодымъ человѣкомъ? Будетъ ли даже имѣть къ тому склонность и довольно любви и привязанности къ постороннему ребенку, а тѣмъ еще болѣе къ иноземцу? — Вотъ совершенства, которыя необходимо должны требоваться отъ наставника и безъ которыхъ онъ будетъ носить это званіе лишь по имени и ужь рѣшительно не можетъ ни для кого считать кладомъ.»

Г-жа Добрѣва (смѣясь). «Да вы хотите, чтобы наемный учитель любилъ моихъ дѣтей, такъ какъ я сама ихъ люб-

лю — или какъ вы ихъ любите: возможно ли это?»

Дѣдушка. «Разумѣется нѣтъ. Но какъ же ты хочешь, чтобы онъ, безъ такой любви, сталъ, за деньги, внимательно заниматься твоими дѣтьми съ утра до ночи, не спуская ихъ съ глазъ? тогда какъ ты сама — признайся-ка по совѣсти! — при всей родительской любви своей, готова платить тысячи, лишь бы только избавиться отъ несносной обязанности сидѣть съ указкою и твердить вмѣстѣ съ дѣтьми: *бе—а, ба; ве—а, ва;*— *міръ,* — *le monde,* — die Welt..... очень занимательно! не правда ли?

Г-жа Добрѣва. «А особливо когда дѣти лѣнятся, зѣваютъ, своенравничаютъ..... это хоть кого изъ терпѣнія выведетъ, не только родную мать, которая все принимаетъ такъ горячо къ сердцу, которая всѣмъ этимъ такъ огорчается, и которая поставлена тогда въ самое затруднительнос положеніе: глядѣть на дѣтскую лѣность сквозь пальцы — значитъ потакать этой дурной наклонности и приготовить изъ своего сынка или

дочьки совершеннаго невѣжду; а безпрестанно наказывать — значитъ поселить въ нихъ равнодушіе къ наказаніямъ, ко гнѣву родительскому и наконецъ истребить всякое чувство стыда и страха. Вотъ почему и нуженъ въ этомъ случаѣ посторонній человѣкъ; онъ..... Что вы улыбаетесь?»

Дѣдушка (съ насмѣшкою). — «Продолжай, мой другъ, продолжай доказывать, что въ дѣлѣ воспитанія нуженъ болѣе посторонній человѣкъ, нежели родной отецъ или мать; это для меня ново и потому очень занимательно.»

Г-жа Добрѣва. «Вы заставляете меня краснѣть вашею сатирическою улыбкою. Но согласитесь, что посторонній будетъ имѣть въ этомъ случаѣ съ дѣтьми болѣе хладнокровія, необходимаго въ преподаваніи наукъ; да и самое его послабленіе къ ихъ недостаткамъ не такъ для нихъ вредно, какъ послабленіе со стороны родителей. Впрочемъ откровенно сказать: нельзя и взыскивать много съ малютокъ, которые хотятъ играть, рѣзвиться — что весьма свойственно ихъ

лѣтамъ — между тѣмъ какъ ихъ заставляютъ сидѣть битыхъ два часа, или еще и болѣе за книгою, на одномъ мѣстѣ, безъ всякаго движенія, учить наизусть то, чего они рѣшительно непонимаютъ и заниматься сухими предметами, которые неприносятъ имъ никакого удовольствія.»

Дѣдушка. «И никакой пользы — прибавь. Не такъ ли?»

Г-жа Добрѣва. «Разумѣется: пользы-то въ этомъ ученьи ужь очень немного. Да чтожс дѣлать? вѣдь нельзя же ихъ и такъ оставить: — изшалятся; это и еще того хуже.»

Дѣдушка. «Жалкая участь дѣтей! — Но впрочемъ ты меня совершенно убѣдила, что если для нихъ изъ *ученья* сдѣлать *мученье*; то ужъ конечно лучше поручить это чужому равнодушію, нежели родительской горячности; тѣмъ болѣе, что оно не будетъ достигать своей цѣли съ такою ревностію: учитель будетъ зѣвать вмѣстѣ съ ученикомъ; смотрѣть на безуспѣшность своихъ уроковъ какъ на вещь весьма обыкновенную;

бросать всѣмъ пыль въ глаза вершками, которые ученикъ его успѣетъ схватить волею или неволею;.... брать тысячи;..... а между тѣмъ время будетъ летѣть, летѣть..... и вотъ наконецъ явится на паркетѣ молодой человѣкъ, большой лепетунъ, самонадѣянный педантъ и невѣжда, мечтатель, думающій о себѣ Богъ знаетъ что; но въ самомъ дѣлѣ неполучившій ни о чемъ основательныхъ и прочныхъ свѣдѣній, неспособный ни къ чему дѣльному, даже не привыкшій разсуждать о вещахъ какъ слѣдуетъ и трудиться для своей и общей пользы; человѣкъ, непринимающій ни въ чемъ участія, всѣмъ недовольный, со скукою въ сердцѣ, съ пустотою въ головѣ..... жалкая участь! А согласись, что это вѣрный сколокъ большей части нашей молодежи, которой воспитаніе было пренебрежено родителями и брошено..... на жребій случая или въ руки иноземцевъ.»

Г-жа Добрѣва. «Такъ; что правда, то правда. Но развѣ всему этому виною учителя?»

Дѣдушка. «О! избави Боже меня отъ такого поклепа! (грозя пальцемъ) маменька, маменька! это бы значило съ больной головы да на здоровую.»

Г-жа Добрѣва. «Вы меня совсѣмъ уничтожили вашимъ упрекомъ. Знаете ли, что вы разшевелили какъ будто что-то очень горестное у меня на сердцѣ. Поговоримъ откровенно: неужели вы замѣчаете, что нибудь похожее на вашу картину въ моемъ Петрушѣ?»

Дѣдушка. «Нѣтъ; онъ далекъ отъ этого: Богъ одарилъ его основательнымъ разсудкомъ, который подаетъ мнѣ большія надежды; сверхъ того у всѣхъ твоихъ дѣтей доброе сердце и прекрасный нравъ. Это видно, что послѣдними занимались сами родители; ну, а первымъ..... съ грѣхомъ пополамъ! Отъ того-то онъ и не такъ свѣдущъ, какъ бы долженъ быть по своимъ лѣтамъ и способностямъ.»

Г-жа Добрѣва. «Не забудьте, что ему недавно только минулъ 13-й годъ — что же это за лѣта? Притомъ же, хотя онъ и не глупъ, но вѣдь и не геній; чего

же вы отъ него хотите? посмотрите какъ онъ *говоритъ чисто* по-французски и по-нѣмецки, какъ *знаетъ твердо* (1) исторію, географію, даже алгебру, — можетъ быть впрочемъ теперь сталъ немножко призабывать, отъ того что ужь давно безъ учителя; но вѣдь ему стоитъ только повторить.»

Дѣдушка. «Такъ это-то называешь ты свѣдѣніями, что можетъ быть забыто безъ учителя? О! коли такъ, то побьемся объ закладъ: ты заставь учить опять наизустъ всѣ эти науки своего Петрушу — а я попугая; черезъ нѣсколько времени сдѣлаемъ испытаніе обоимъ— и я тебя увѣряю, что мой попугай на всѣ вопросы будетъ отвѣчать скорѣе и тверже твоего Петруши. — Я не называю свѣдѣніями пустые звуки, затверженные памятью, безъ всякаго участія разсудка, воображенія, вкуса и другихъ способностей, безъ вліянія на характеръ и нравственность, безъ примѣненія къ практическимъ случаямъ и дѣйствіямъ, даже безъ связи и занимательности. Такимъ образомъ сколько ни учись, все-

таки останешся неучемъ. Ничего незначитъ: знать что нибудь; но важно извлечь изъ того пользу. Учить безполезно, если ребенокъ самъ не въ состояніи постигать ученья: свѣтъ не нуженъ слѣпому. Но дѣло *воспитанія* — развить внутреннія способности человѣка и тѣмъ самымъ содѣйствовать *ученію*, которое составляетъ только одну его отрасль. Ни чему не научишся, слушая уроки, читая книги: для этого нужно заставить дѣйствовать всѣ вообще нравственныя и умственныя силы, которыя дѣлаютъ насъ способными: замѣчать, понимать, сличать, судить, выбирать, примѣнять къ разнымъ обстоятельствамъ жизни»....

Г-жа Добрѣва. «Да! такъ вы совершенно раздѣляете воспитаніе отъ ученья?»

Дѣдушка. «Разумѣется; потому что предметъ *воспитанія* составляетъ, такъ сказать, *весь человѣкъ*; тогда какъ *ученіе* ограничивается только однимъ его *умомъ*, точно также какъ *нравоученіе* — однимъ *сердцемъ*, а *усовершенствованіе физическихъ способностей* — однимъ *тѣ*

ломъ. Но такъ какъ человѣкъ заключаетъ въ себѣ качества *физическія, умственныя* и *нравственныя*; то и *воспитаніе* имѣетъ всѣ эти *три* отрасли. У насъ какъ будто вошло въ обыкновеніе поручать: *первую* нянькамъ, *вторую* иностранцамъ, а *третью*..... кому? частенько судьбѣ, а еще чаще товарищамъ и романамъ. Скажи же мнѣ: какую при этомъ роль играютъ родители? — Самую жалкую..... роль постороннихъ людей; потому что другой они себѣ не оставили.»

Г-жа Добрѣва. «Къ несчастію такъ. Признаюсь: мы съ покойнымъ мужемъ, хотя и обращали вниманіе на физическое и нравственное воспитаніе нашихъ дѣтей; но не вмѣшивались въ ихъ ученье, для того, чтобы не оскорбился тѣмъ учитель, которому мы очень довѣряли.»

Дѣдушка. «Это еще наименѣе вредно: отъ того-то дѣти ваши не колѣки и не уродцы, не имѣютъ дурныхъ привычекъ и наклонностей, милы, добры, покорны, благородны; но умственныя качества ихъ были бы лучше развиты,

если бы вы, изъ какой-то ложной деликатности къ учителю, не отклонили сами отъ дѣтей вашихъ того спасительнаго руководства, которое мягкіе, молодые умы находятъ въ опытности родительской.»

Г-жа Добрѣва. «Однако мы не могли бы въ этомъ случаѣ имѣть такой хорошей методы, какую пріобрѣтаетъ учитель чрезъ свою практику, посвятивъ на то всю жизнь.»

Дѣдушка. «Ошибаешся: твое сердце открыло бы тебѣ методу, ближайшую къ природѣ и слѣдовательно самую лучшую; къ тому же отъ родителей несокрыты всѣ опыты наставниковъ, описанные въ столькихъ превосходныхъ сочиненіяхъ; практику же ближе всего могутъ они имѣть надъ своими дѣтьми, которыхъ такъ довѣрчиво подвергаютъ опытамъ совершенно неизвѣстныхъ имъ людей. Скажи: развѣ неприлично родителямъ поучиться самимъ — быть воспитателями своихъ собственныхъ дѣтей? Хорошо, что ты имѣешъ состояніе и можешь бросать тысячи для того,

чтобы нанимать порядочныхъ, хотя дорогихъ учителей и гувернеровъ; но если бы ты не имѣла способовъ платить имъ большія суммы: простительно ли было бы тебѣ пренебречь тогда самой ихъ науку, и изъ безпечности лишить дѣтей своихъ хорошаго воспитанія, поручая ихъ невѣждамъ или шарлатанамъ?»

Г-жа Добрѣва. «Но иногда родители не такъ образованы, чтобы въ состояніи были учить сами дѣтей своихъ разнымъ предметамъ.»

Дѣдушка. «Развѣ ребенку надо быть профессоромъ. Не достаточно ли ему тѣхъ свѣдѣній, какія можетъ передать совершенный человѣкъ, одаренный здравымъ смысломъ и имѣющій хотя нѣкоторое образованіе? Дитя его будетъ не такъ учено — согласенъ; но пріучится лучше и правильнѣе судить о вещахъ; а это развѣ менѣе важно? Съ такою способностью оно всегда перегонитъ какого нибудь ученаго попугая, потому что его разсудокъ будетъ болѣе развитъ и подготовленъ къ основательной дѣятельно-

сти, тогда какъ умъ педанта лишь обремененъ кучею поверхностныхъ знаній и полонъ хвастливости и упрямой самонадѣянности; тотъ найдетъ утѣшеніе и пользу въ занятіяхъ, а этотъ будетъ бѣгать труда — какъ огня. Впрочемъ, почему тѣмъ, кто имѣетъ достатокъ, и не облегчать себя въ дѣлѣ воспитанія, принимая въ помощь себѣ, но съ большею осторожностію, хорошихъ нянекъ, дядекъ или наставниковъ? Даже весьма полезно, въ нѣкоторыхъ уже лѣтахъ, разумѣется, учителямъ учить ребенка наукамъ и въ особенности языкамъ, которые даже и въ самомъ нѣжномъ дѣтствѣ не помѣха. Но при этомъ родители не должны переставать направлять сердце дитяти, руководить его разсудокъ или, что называется по-Русски: *учить уму-разуму*; не должны предоставлять собственному произволу наставниковъ цѣль и порядокъ воспитанія; оставлять безъ особеннаго вниманія ихъ дѣйствія и вліяніе на дѣтей..... Напротивъ, во всякомъ случаѣ, родители должны быть полными распорядите-

лями и, такъ сказать, хозяевами воспитанія, дабы каждый шагъ къ усовершенствованію молодаго человѣка былъ ими самими предусмотрѣнъ и подготовленъ.»

Г-жа Добрѣва. «По вашему родители, — не переставая учить уму-разуму дѣтей, — должны вѣчно водить ихъ на помочахъ? Такимъ образомъ они никогда не научатся размышлять сами, имъ всегда нужна будетъ помощь.»

Дѣдушка. «Развѣ ты водишь и до сихъ поръ на настоящихъ помочахъ дѣтей твоихъ? Не бѣгаютъ ли они уже и сами? А вспомни: какъ направляла ты ихъ первые шаги; какъ потомъ поддерживала ихъ, когда они, ходя, шатались; какъ подымала, когда падали; какъ наблюдала за всѣми движеніями ихъ, предупреждая всякій вредъ. Такъ точно и въ воспитаніи: они не должны примѣчать твоего руководства, которое постепенно исчезнетъ, пріучивъ ихъ дѣйствовать для пользы, поступать согласно съ совѣстью и здравымъ разсудкомъ, хотя и по своей волѣ.

Г-жа Добрѣва. «Однако воспитывать такимъ образомъ, какъ вы говорите, очень трудно; вѣдь для этого надобно согласовать волю ребенка съ его совѣстію и разсудкомъ. Шутка-ли это?»

Дѣдушка. «Правда. Но трудъ въ этомъ отношеніи равняется важности самаго дѣла. — И по моему мнѣнію пусть затрудненіе будетъ лучше со стороны воспитателей, нежели воспитанниковъ: первые благоразумнѣе, опытнѣе; они имѣютъ всѣ для того способы; а послѣдніе никакихъ. Невозможно, чтобы что нибудь сдѣлалось по нашему желанію, такъ — само собою; а требовать всего отъ дѣтей — еще безразсуднѣе. Безъ труда и терпѣнія ничего не дается: это правило установлено свыше. Потрудись — и ты увидишь плоды; но если ты равнодушна къ участи дѣтей твоихъ, если тебѣ не горько будетъ видѣть въ нихъ ничтожныхъ плясуновъ или напыщенныхъ пустозвоновъ; то предпочти спокойствіе труду — ни кто тебѣ не помѣшаетъ; да ужъ потомъ и не пѣняй ни на кого другаго.»

Г-жа Добрѣва (улыбнувшись). «Я не сержусь на васъ за эту выходку; мое возраженіе ее стоило. Только вы не такъ меня поняли: я хотѣла сказать, что не всякій отецъ можетъ посвятить на воспитаніе дѣтей столько времени, сколько для того необходимо: вѣдь это значитъ быть съ ними каждую минуту; а родители могутъ имѣть другія, очень важныя обязанности.»

Дѣдушка. «Другъ мой, я не говорю объ изключеніяхъ. Впрочемъ, согласенъ: каждый изъ отцевъ можетъ быть занятъ или службою отечеству или хозяйствомъ для пользы своихъ же дѣтей, которой онъ пренебречь не можетъ. Но что ты мнѣ возразишь, ежели я скажу: что эта обязанность возлагается вполнѣ на матерей самою природою и положеніемъ ихъ въ обществѣ? Развѣ ты мнѣ укажешь на важныя занятія женщинъ по туалету, на выѣзды, удовольствія, поддержку свѣтскаго блеска, даже на самыя хлопоты по хозяйству?»

Г-жа Добрѣва. «Нѣтъ; я только ска-

жу, что къ сожалѣнію не многія матери могуть исполнить этотъ священный долгъ; отъ того что онѣ рѣшительно къ нему неспособны. Да и при томъ же надо имѣть ангельское терпѣніе, надо самой быть просто совершенствомъ. Замѣтили ли вы это неудобство въ вашей системѣ воспитанія?»

Дѣдушка. «Разумѣется, безногому трудно нести на плечахъ хромаго; а слѣпой неможетъ указывать путь слѣпому. Чтобы поднять тяжесть, надо имѣть и силу; но вѣдь безъ нея же и тяжесть не передвинется на другое мѣсто. И такъ — неудобство не въ системѣ, а въ недостаткахъ человѣческихъ. Кто хочетъ открыть путь къ усовершенствованію своимъ дѣтямъ, тотъ первый долженъ показать имъ примѣръ; останавливаться же за этимъ грѣшно; право грѣшно!..... Да и чего же достигнешь безъ терпѣливаго стремленія къ совершенству? Это ключъ ко всему, даже ко вратамъ возможнаго для насъ счастія. Развѣ кто нибудь не пожелаетъ войти въ нихъ потому только, что трудно отыскать этотъ ключъ?

Другъ мой, усовершенствованіе есть первый и высочайшій законъ премудрости Божіей; только къ его содѣйствію установлены всѣ прочіе законы. Неужели матери ничего не скажетъ совѣсть, когда она отыметъ у дѣтей своихъ возможность быть лучшими, отъ того что это ей самой трудно сдѣлать? Неужели и любовь ея къ нимъ будетъ молчать въ этомъ случаѣ? Только въ этой-то любви мать можетъ найти силу, чтобы нести столь тягостное бремя; одна эта любовь можетъ сдѣлать его пріятнымъ для нея самой и безконечно полезнымъ для ея дѣтей. Тутъ не помогутъ ни иностранцы, ни книги.»

Г-жа Добрѣва. «Грустно убѣдиться, что объ этомъ почти ни кто и незаботится: насъ, женщинъ, съ самаго нѣжнаго дѣтства готовятъ болѣе для гостиной, нежели для семейства.»

Дѣдушка. «Изъ этого самаго ты видишь, что надо прежде понять назначеніе человѣка, а потомъ уже дать сообразное съ тѣмъ направленіе его воспитанію. Кто можетъ вникнуть въ этотъ

важный предметъ, какъ не родители? Всякій человѣкъ имѣетъ *двоякое назначеніе* въ жизни: *одно* общее всѣмъ, какъ людямъ; *другое* различное и особенное для каждаго, смотря по его полу, состоянію, даже способностямъ. Отсюда и *воспитаніе* бываетъ *двоякое*, ибо оно тѣсно соединено съ назпаченіемъ каждаго человѣка: *общее*, приличное для всѣхъ, и *особенное*, приспособленное къ положенію каждаго въ свѣтѣ (IV). Твой сынъ долженъ быть здоровъ, добродѣтеленъ и разсудителенъ: не то ли же требуется и отъ дѣтей крестьянина? Но какая разность въ оттѣнкахъ и особенностяхъ? Нужна ли имъ та гибкость органовъ, то милое обхожденіе, та нѣжность и возвышенность чувствъ, та тонкость вкуса, та обширность познаній, та умственная дѣятельность, та сила и обработка воли, которыхъ потребуетъ свѣтъ отъ твоего сына? Поприще воспитанія гораздо обширнѣе, нежели какъ привыкли думать: оно есть дѣло цѣлой жизни — отъ колыбели до могилы; ибо человѣкъ долженъ безпрестанно совершенствовать-

ся. Весь земный путь его долженъ быть успѣхомъ къ лучшему, такъ какъ конецъ этого пути — великимъ преображеніемъ. Эта наука жизни преподается человѣку двумя различными способами. Богъ, вложивъ въ него сѣмена всѣхъ качествъ и способностей, подчинилъ развитіе ихъ непременному закону: онѣ, въ самомъ началѣ, неразвертываются безъ посторонней помощи, которая для нихъ тоже, что воздухъ и дождь для растеній, и потому *первое* воспитаніе каждый получаетъ отъ себѣ подобныхъ. Оно не творитъ ничего; но помогаетъ успѣхамъ силъ — даровъ природы. Кому же ближе какъ не родителямъ научить дѣтей употребленію этихъ даровъ, положить первое звѣно ихъ будущаго совершенства? Не въ родительской ли любви начерталъ столь ясно Господь священнѣйшій законъ для нихъ? — *Другое* воспитаніе даетъ человѣкъ самъ себѣ: оно начинается тогда, когда первое оканчивается, а прекращается лишь съ концемъ земной жизни нашей: такъ Сократъ и въ старости говаривалъ — *Учусь.*

Отсюда цѣль перваго воспитанія должна состоять въ томъ, чтобы пріуготовить къ послѣднему, чтобы дать возможность молодому человѣку продолжать собственными силами пріобрѣтеніе успѣховъ, которыми сначала былъ обязанъ другимъ. Слѣдовательно есть *общее начальное воспитаніе* точно также, какъ и *общее начальное ученіе*; и то и другое пріуготовительное: общее начальное воспитаніе вводитъ на поприще жизни, равно какъ ученіе — въ область наукъ. Оно есть достояніе всѣхъ и каждаго, самое твердое и единственное обезпеченіе всей будущности человѣка. — Такъ какъ я берусь быть наставникомъ твоихъ дѣтей и помогать тебѣ моими совѣтами и содѣйствіемъ вообще въ воспитаніи; то мнѣ нужно прежде знать: какъ понимаешь ты назначеніе ихъ въ жизни?»

Г-жа Добрѝва. «О! я очень рада высказать вамъ то, чтобы хотѣла въ нихъ видѣть! Дѣти мои должны быть: достойными Христіанами, истинно Русскими, вѣрными подданными и полез-

ными сынами отечества! Какъ Христіане — они должны вѣровать православному ученію Церкви, благоговѣть предъ Святою Троицею, чтить Творца болѣе міра сотвореннаго и твердо ступать по пути, указанному Спасителемъ, трудясь во времени для блаженной вѣчности! Какъ Русскіе — они должны нераздѣльно любить своего Царя и Россію; должны быть преданы волѣ Помазанника Божія и жертвовать для него всѣмъ, даже жизнію! Какъ добрые подданные и сыны отечества — они должны посвятить всѣ свои силы, способности, свѣдѣнія на службу Царскую, на пользу своего семейства и соотечественниковъ. Вотъ троякая ихъ цѣль.»

Дѣдушка. «Эта цѣль общая для всякаго изъ насъ! И такъ воспитаніе должно внушить имъ полное понятіе объ ихъ важныхъ обязанностяхъ, пріучить ихъ стремиться къ своему назначенію, дать имъ возможность исполнить его. Съ самой колыбели оно должно быть направлено къ той мысли, чтобы ни что не противорѣчило въ нихъ цѣли

жизни, для которой они предназначены. Оно все должно быть проникнуто чувствомъ религіозной нравственности, преданности къ Царю и отечеству; оно должно развить каждую изъ ихъ способностей, не для блеска, но для пользы: ибо имъ мало слыть пріятными и любезными въ гостинныхъ, непристало влачить дни свои въ праздности, легкомысліи, нѣгѣ и роскоши, прилѣпляться къ модному свѣту и пустой суетности; нѣтъ: имъ предстоитъ быть твердыми въ добродѣтели, строгими къ самимъ себѣ, справедливыми ко всѣмъ, дѣловыми на службѣ, расчетливыми въ оборотахъ, неутомимыми въ трудахъ, главами своихъ семействъ; конечно я говорю это о сыновьяхъ твоихъ..... Но дѣвушка — дѣвушка должна готовиться составить благополучіе своего мужа и семейства: нѣжностію, добротою, пріятностію, талантами дополнить одностороннюю важность мужчины, сдѣлаться его сотрудницею и составить съ нимъ одно счастливое цѣлое, называемое супружескимъ союзомъ; она не можетъ

быть ни его потѣхой, ни рабою, ни куклою на паркетѣ, ни затворницею въ теремѣ; она должна соединить въ себѣ милую, домовитую хозяйку; образецъ пріятной обходительности и скромности; добродѣтельную, привлекательную жену, и истинную мать, полагающую всѣ радости свои, все блаженство въ дѣтяхъ; но безпристрастную и вполнѣ постигающую это высокое званіе!»

Г-жа Добрѐва. «Однако, какъ же вы хотите объяснить это ребенку? Онъ непойметъ еще такихъ важныхъ уроковъ.»

Дѣдушка. «Напрасно такъ думаешь, другъ мой. Всякую идею, всякую науку, даже науку жизни, можно представить дѣтямъ въ объемѣ имъ приличномъ, изобразить языкомъ имъ понятнымъ, объяснить примѣрами ихъ лѣтамъ и кругу ихъ занятій свойственными. Нѣтъ такого знанія, нѣтъ такого правила, которыхъ бы семена нельзя было посѣять въ умъ и душу ребенка, какъ благодарную почву. Что выше истинъ откровенія? Что было невѣ-

жественнѣе и трубѣе ветхаго человѣка? Не былъ ли онъ дитя мрака, разсѣяннаго ученіемъ Спасителя? Но вникни въ способъ этого ученія; вникни въ его умилительную простоту, постепенность, въ разговорную, вопросительную форму объясненія; послѣдуй за Іисусомъ, окруженнымъ Его блаженными учениками: не возвышаетъ ли Онъ ихъ безпрестанно отъ міра вещественнаго къ міру духовному и не снизходитъ ли для того безпрестанно Самъ до нихъ, приноровляясь къ ихъ понятіямъ? Не приводитъ ли Онъ ихъ всегда къ высокимъ истинамъ отъ обыкновенныхъ случаевъ, изъ быту ихъ заимствованныхъ? Не заставляетъ ли ихъ самихъ извлекать спасительныя заключенія изъ каждаго предмета, который представляется глазамъ и на который обращаетъ Онъ ихъ вниманіе? Ключь живой воды, древо, больной, дитя, монета, цвѣтокъ — все дѣлается текстомъ Его Божественныхъ притчъ. Не заставляетъ ли Онъ рыбарей давать самимъ себѣ отвѣты на духовныя сомнѣнія? Не дѣйствуетъ ли вмѣстѣ и на

ихъ разсудокъ и на сердце и на совѣсть? — Вотъ способъ, избранный самимъ Богомъ, удостоившимъ людей слышать гласъ Высочайшаго разума и святой добродѣтели! Воспитаніе, слѣдуя благодѣтельному пути, открытому предъ нами Божественнымъ промысломъ, должно принаровить этотъ способъ къ образованію юности: тогда только усовершенствованіе рода человѣческаго станетъ на твердомъ, незыблемомъ основаніи. — Желая доказать на дѣлѣ, что отвлеченныя понятія, всегда можно легко объяснить обыкновенно окружающими насъ предметами, прошу тебя привести завтра ко мнѣ дѣтей твоихъ, и я начну съ ними наши *уроки* или лучше сказать *бесѣды*.»

Разговоръ съ дѣтьми о познаніи и ученіи.

—

Какая была радость въ мелкомъ народѣ, когда объявили ему, что *дѣдушка* самъ станетъ учить его! Плутишки предчувствовали, что въ устахъ того, который такъ часто съ ними играетъ, котораго они такъ любятъ, ученье не будетъ казаться имъ букою: они ждутъ не дождутся назначеннаго часа — и вотъ 8 пробило! Маменька посылаетъ ихъ къ дѣдушкѣ, слѣдуя сама за ними.

Запыхавшись прибѣжали они въ кабинетъ, принесли съ собою много тетрадокъ, много книжекъ, по которымъ учились у прежняго своего учителя, и чинно усѣлись вокругъ *дѣдушки*.....

Маша одна осталась въ дѣтской — играть въ куклы съ нянею.

«Мы пришли къ вамъ» — сказала *Варинька*: — «учиться: быть умными и добрыми.»

«И готовы исполнять всѣ ваши приказанія,» — подхватилъ *Петруша*: — «будемъ прилежно учить уроки и дѣлать всё, что вамъ угодно; чтобы только заслужить отъ васъ похвалу и этимъ доказать, какъ мы чувствуемъ вашу любовь и попеченія.»

«Я также просился идти къ вамъ, милый дѣдушка,» — примолвилъ *Вася*, печально: — «Маменька мнѣ сказала: пожалуй ступай; но я думаю, ты не поймешь того, что дѣдушка будетъ толковать твоему брату и сестрѣ; ты еще очень малъ и ни чему почти неучился. — Вотъ я и пришелъ; да знаете ли что? я буду стараться всё, всё запомнить, слово въ слово, что вы станете разсказывать; когда же выросту большой — такой большой какъ братецъ Петруша — тогда и пойму всё и буду также ученъ.» (1)

«Дѣти мои!», отвѣчалъ *дѣдушка*: — «Я называю васъ дѣтьми моими потому, что и родство и любовь моя къ вамъ, и смерть отца вашего поставили меня на его мѣсто! — Съ такимъ расположеніемъ къ ученью, и съ такою доброю волею, какая видна въ васъ, я уже заранѣе предугадываю большіе успѣхи; если же вы оправдаете мою догадку, то подумайте: вы утѣшите этимъ вашу добрую маменьку и сдѣлаетесь достойными покойнаго вашего отца. А я-то какъ буду счастливъ, когда Богъ поможетъ мнѣ образовать изъ васъ такихъ же добрыхъ Христіанъ, такихъ же вѣрныхъ подданныхъ и полезныхъ людей, каковы ваши родители!»

Петруша. «Вы насъ станете учить точно также, какъ учили папеньку; а мы также, какъ и онъ, будемъ во всемъ вамъ послушны.»

Дѣдушка (къ *Г-жѣ Добровой*). «Лѣта Петруши и Вариньки и предварительное ихъ образованіе позволятъ мнѣ говорить съ ними о математикѣ, логикѣ, географіи, исторіи, ботаникѣ, зоологіи, мине-

ралогіи, физикѣ, химіи, сельскомъ хозяйствѣ, промышленности, и другихъ наукахъ. (II, III и IV). (къ Васѣ) Впрочемъ я постараюсь объяснять ихъ такимъ образомъ, чтобы онѣ были понятны и тебѣ, мой маленькій дружокъ Вася. Сверхъ того старшій братъ и сестра будутъ тебѣ толковать то, что они сами знаютъ (V, VI и VII).»

Вася (бросившись къ нему на шею). «Ахъ! милый дѣдушка! Такъ и я буду учиться, какъ большой! Да скажите-ка, чтожъ мнѣ для этого дѣлать?»

Дѣдушка. «Чтобы мои уроки были всѣмъ вамъ полезны, дѣти; надобно только, чтобы вы были ко всему *внимательны*; *спрашивали* у меня про то, чего не знаете, и сами *размышляли* хорошенько о томъ, что буду вамъ говорить (V).»

Варинька. «Мы это исполнимъ съ радостью; но разскажите же намъ, дѣдушка, какъ мы будемъ учиться? надобно ли намъ твердить наизусть по нѣскольку листовъ? дадите ли вы пере-

писывать ваши тетрадки? нужно ли намъ много книжекъ? (1).

Петруша. «У насъ есть и географія*..... и исторія*..... и курсъ математики*..... я принесъ также и новенькую мою грамматику Русскаго языка*....., которую маменька мнѣ недавно подарила; у насъ также есть другая грамматика*....., по которой проходилъ нашъ учитель, и еще Французскія и нѣмецкія грамматики, постепенныя занятія переводами*.....

Вася. «А у меня только одна красненькая книжка, въ которой все есть: и о Богѣ, и о природѣ, и о свѣтилахъ небесныхъ, и о животныхъ, и еще объ многомъ, объ многомъ!..... да другая, пестринькая..... ужъ правда очень старая — въ ней Французскіе и нѣмецкіе вокабулы, по которымъ учились и братецъ и сестрица: я ужъ ихъ всѣ почти наизусть знаю; пора подарить эту книжку Машѣ.»

Дѣдушка. «Это все очень хорошо, мои милые; но мы теперь пока непритро-

немся ни къ одной изъ этихъ книжекъ: я буду васъ учить безъ нихъ (v).»

Г-жа Добрѣва. «Вотъ ужъ этого и я не понимаю. Разтолкуйте мнѣ хорошенько: какъ же вы обойдетесь безъ книгъ? Положимъ, что для васъ онѣ не необходимы, потому что вы сами учены; но какъ же дѣти-то безъ книжки станутъ протверживать заданные имъ уроки? (1)»

Дѣдушка. «Имъ ненужно будетъ никакой другой книги, кромѣ той, которую сама природа раскрываетъ (v) предъ глазами людей и въ которой начертаны неизгладимыми, для всѣхъ понятными буквами: Благость и Величіе Божіи!

Въ ней-то надѣюсь почерпнуть все ученіе, для нихъ необходимое, а именно: познавать Творца изъ Его твореній; удивляться Его премудрости во всякой малѣйшей вещи; всегда исполнять Его законы такъ, какъ исполняются они во всемъ окружающемъ насъ, и любить всѣмъ сердцемъ Того, Который говоритъ: *пусть придутъ ко Мнѣ дѣти и Я благословлю ихъ!*

Слѣдуя развитію и усовершенствованію разума и очищая его отъ всякихъ предразсудковъ, я потщусь ввести ихъ постепенно въ храмъ нравоученія и самопознанія, гдѣ откроются предъ ними тѣ истины, столь важныя и столь ясныя, которыя однако молодый человѣкъ, самъ собою, безъ искуснаго руководителя, постигнуть не можетъ и въ которыхъ многіе такъ безразсудно заблуждаются: они узнаютъ самихъ себя, поймутъ цѣль жизни, всѣ свои обязанности. Слова: — *долгъ*, *честь*, *правда* и *добродѣтель*, — не будутъ для нихъ звучать пустымъ звукомъ или блистать ложнымъ свѣтомъ, который придаетъ иногда имъ общество.

Я постараюсь украсить умы ихъ всѣми *свѣдѣніями*, необходимыми или полезными въ нашемъ состояніи. Они увидятъ, что Провидѣніе держитъ въ десницѣ Своей оба конца той цѣпи произшествій, которую развернетъ предъ ними исторія. Краснорѣчіе, изобрѣтенія, искуства и художества явятся какъ произведенія высокаго ума, которымъ

одарилъ насъ Богъ. Таинства и чудеса природы вознесутъ умъ и душу дѣтей къ Нему и укажутъ Его могущество какъ въ устройствѣ свѣтилъ небесныхъ, такъ и въ сотвореніи полеваго цвѣтка или бабочки и другаго насѣкомаго.»

Варинька. «Ахъ, дѣдушка! я очень люблю бабочекъ и цвѣточки! Вы вѣрно будете намъ разсказывать про нихъ: какъ они родятся, какъ растутъ?»

Дѣдушка. «Да, моя душенька. Я вамъ буду разсказывать про всѣ вещи, которыя вы видите вокругъ себя и на которыя смотрите такъ равнодушно, какъ будто онѣ недостойны вашего любопытства. Вы увидите: какъ занимателенъ всякій камушекъ, всякій червячекъ; вы узнаете: для чего сотворены они, какія занятія каждаго животнаго? какую пользу приносятъ они человѣку? отъ чего происходитъ этотъ запахъ, которымъ вы восхищаетесь въ розѣ? откуда берутся эти краски, эти узоры, которыми испещрены листки тюльпановъ, гвоздикъ, маковъ или крылушки бабочекъ?»

Петруша. «О! да какъ пріятны будутъ ваши уроки! Я вижу, что ихъ и затвердить-то будетъ гораздо легче тѣхъ, которые мы учили у нашего учителя. Помнишь Варинька какъ мы ихъ вмѣстѣ *долбили*? (1) Бывало положишь на ночь подъ подушку и думаешь себѣ: вотъ ужъ славно-то вытвердилъ! Анъ, не тутъ-то было! встанешъ утромъ: хоть снова опять учи!»

Дѣдушка (смѣясь). «Надѣюсь, что вамъ не придетъ въ голову *долбить наизусть* мои уроки.»

Петруша и *Вася* (въ большомъ удивленіи): «Какъ не *долбить*?»

Г-жа Добрѣва. «Это и мнѣ очень любопытно знать.»

Варинька. «Да какъ же мы иначе *что нибудь узнаемъ*?»

Дѣдушка. «А вотъ какъ: (v, vi и vii.) *знаешь* ли ты какого цвѣта бываютъ розы?»

Варинька. «*Знаю*-съ; розоваго и бѣлаго.»

Дѣдушка. «Почему же ты знаешь? развѣ ты это учила?»

Варинька. «И нѣтъ-съ!..... да вонъ это *видно* въ окошко: въ саду у насъ много розановъ.»

Дѣдушка. «Слѣдовательно ты это *сама видѣла, сама узнала*?»

Варинька. «Да; *сама.*»

Дѣдушка. «Ну, а ты, мой Вася; зналъ ли ты это или нѣтъ?»

Вася (съ важностію). «Какъ не знать! Да это и сестрица Маша знаетъ, а ей всего только шестый годъ. Вѣдь ужъ я не такой ребенокъ!»

Г-жа Добрѣва. «О! ты Вася превеликій человѣкъ; кто въ этомъ сомнѣвается? (къ *дѣдушкѣ*) Только я все-таки не понимаю, къ чему вы это ведете?»

Дѣдушка. «Имѣй терпѣніе: безъ него ничего не дается. Впрочемъ ты видишь: вѣдь дѣти нескучаютъ моимъ важнымъ урокомъ? (къ *Васѣ*)— И такъ, господинъ большій человѣкъ, ты вѣроятно это то же *самъ* видѣлъ?»

Вася. (Указывая пальцами на глаза) «Да-съ *самъ*: вотъ этими самыми *глазами.*»

Дѣдушка. (схвативъ ето за носъ) —

«А вотъ этимъ самымъ *носомъ* не нюхалъ ли ты розановъ?»

Вася. (проворно поцѣловавъ его руку) «Нюхалъ.»

Дѣдушка. «Чтожъ ты тогда *чувствовалъ*?»

Вася. «*Чувствовалъ*, что они хорошо пахнутъ.»

Дѣдушка. «А щипалъ ли ты ихъ своими *ручонками*?»

Вася. «Какъ не щипать! Ужъ этимъ розанчикамъ отъ меня чаще всѣхъ цвѣточковъ достается!»

Дѣдушка. «А будто тебѣ отъ нихъ и не доставалось?»

Вася. «Ну-съ! бывалъ и этотъ грѣшокъ.»

Дѣдушка. «Какъ! твоимъ собственнымъ *ручкамъ*?»

Вася. «Да не только *ручкамъ*: и щечкамъ, и лобику, и всему лицу, и шейкѣ..... потому что я разъ, въ горѣлкахъ, бѣжалъ — бѣжалъ отъ сестрицы, да и упалъ въ розовой кустъ.»

Дѣти всѣ расхохотались.

Дѣдушка. «Ну, чтожъ ты тогда *почувствовалъ*?»

Вася. «Что *почувствовалъ*? да то, что они очень больно колятся.»

Дѣдушка. «Ты вѣдь это *чувствовалъ* и щечками, и лбомъ, и руками и шейкою? не правда ли?»

Вася. «Да ужъ такая-то правда, что это вы у меня спросите.»

Дѣдушка. (потрепавъ его по плечу и по спинѣ) «Ну, а теперь ты *чувствуешь ли* что нибудь?»

Вася. «*Чувствую*, что вы меня *трогаете*.»

Дѣдушка. «Стало быть ты не одними *руками*, а и плечами и спиною, и ногами и вообще *всѣмъ тѣломъ* можешь *чувствовать*, когда до него что нибудь, или оно до чего нибудь *дотронется*.»

Вася. «Такъ-съ; я *всѣмъ тѣломъ чувствую*.»

Дѣдушка. «А можешь ли ты всѣмъ тѣломъ *видѣть* или *нюхать*?»

Вася. (засмѣявшись) «И нѣтъ-съ! на то есть *глаза* и *носъ*.»

Дѣдушка. «А всѣмъ тѣломъ *кушать* или слышать?»

Вася. «Тоже нѣтъ-съ: потому что на это Богъ намъ далъ только *ротъ* да *уши*.»

Дѣдушка. «Но вѣдь ты *чувствуешь*же ротикомъ сладкій и горькій вкусъ, а ушами пріятное пѣніе или непріятный крикъ.»

Вася. «Очень *чувствую*: повѣрьте, что я непромѣняю яблочко на рѣдьку и ужь очень разберу, когда запоетъ соловей или сестрица и когда замычитъ коровка или замяучитъ кошка.»

Дѣдушка. «Мнѣ странно Вася: какъ же ты этого *неразличишь* руками? Вѣдь ты ими также можешь *чувствовать*?»

Вася. «Ахъ, дѣдушка! да это совсѣмъ *другое дѣло*: я *руками* только то *чувствую*, что я могу *ощупать*; а какъ же я дотронусь до сестрицына голоса?»

Дѣдушка. «Ну, по крайней мѣрѣ *глазами* или *носомъ*?»

Вася. «Опять-таки это еще *другое*: *глазами* я могу только *видѣть*, а *носомъ* только слышать *запахъ*.»

Дѣдушка. «Но, смотри же, вѣдь ты *чувствуешь*: и вообще всѣмъ *тѣломъ* и *глазами* и *носомъ* и *ртомъ* и *ушами*. Развѣ эти всѣ *чувства различны*?»

Вася (махнувъ рукою). «Совсѣмъ *различны*, дѣдушка!»

Дѣдушка. «Коли они совсѣмъ различны; то какъ же они называются?»

Вася. «Какъ: какъ называются?..... этого я непонимаю».....

Дѣдушка. «Припомни-ка хорошенько, не слыхалъ ли ты когда нибудь въ разговорѣ: какъ называются эти *различныя чувства*, каждое особенно?»

Вася (задумавшись). «Когда я что нибудь *вижу глазами*..... Какъ бы это могло называться?..... Дѣдушка! вѣдь это кажется *зрѣніе*?»

Дѣдушка. «Такъ, мой другъ.»

Вася. «О! такъ подождите же, я теперь до всего доберусь! когда..... я..... *тьмъ ртомъ* и чувствую..... да, да, да, да! — *вкусъ*; это чувство и называется *вкусомъ*. Когда я *слышу ушами*..... ну — *слухъ*! Когдажъ я *нюхаю носомъ*, то чувствую *запахъ*..... да

вѣдь это чувство не называется запахомъ..... Эхъ! какъ бишь это?..... *Обоняніе! обоняніе!* Ну теперь, когда *я трогаю руками* — да еще и не одними руками: а когда *я чувствую* всѣмъ *тѣломъ*, тогда что?..... Вотъ тебѣ и задача!»..... (поглядываетъ на *Петрушу* и *Варинькy*, которые улыбаются.)

Варинька «Ну-ка Вася: вотъ это-то *чувство* какъ называется?»

Вася призадумался. Общее молчаніе.

Вася (захлопавъ въ ладоши). «Нашелъ, нашелъ!..... Троганіе, то есть: *осязаніе! осязаніе!*»

Дѣдушка. «Такъ мой другъ. Да мы съ тобою такимъ образомъ и въ самомъ дѣлѣ до всего сами доберемся. Нетакъ ли, *маменька*?»

Г-жа Добрѣва. «Теперь вижу я, до чего вы добрались, добрый *дѣдушка*: вы мнѣ совершенно доказали, что этимъ способомъ можно превратить ученье въ веселье, а не въ мученье, какъ это до сихъ поръ было. Только я еще все-таки сомнѣваюсь, чтобы можно было дѣ-

тей довести до чего нибудь серьезнаго или важнаго, и чтобы этотъ способъ годился для 12-ти лѣтняго, которому надобно уже начать учиться дѣльнымъ образомъ, всякимъ наукамъ.»

Дѣдушка. «А вотъ попробуемъ и это. Впрочемъ слишкомъ важнаго дѣтямъ и знать-то ненужно; согласись сама: на что ихъ заранѣе старить? Кто-жъ побольше, и долженъ заниматься по серьезнѣе, съ тѣмъ мы станемъ и говорить иначе: способъ останется тотъ же самый, а слова и смыслъ будутъ другіе. (v, vi и vii.) (къ *Васѣ*) Скажи-ка теперь, мой другъ: *сколько* числомъ всѣхъ этихъ *различныхъ чувствъ*?»

Вася (отгибая одною рукою пальцы на другой) «Когда я вижу глазами — *зрѣніе*..... одно! Когда я чувствую ртомъ — *вкусъ*..... другое! Слышу — *слухъ*..... третье! Чувствую запахъ — *обоняніе*..... четвертое! Чувствую что нибудь руками или всѣмъ тѣломъ — *осязаніе*..... пятое! Вотъ и все тутъ! *всѣхъ пять чувствъ*.»

Дѣдушка. «Какимъ *чувствомъ* ты уз-

наешь, что роза имѣетъ красный или бѣлый *цвѣтъ*?»

Вася. «*Зрѣніемъ.*»

Дѣдушка. «А что она *пахнетъ*?»

Вася. «*Обоняніемъ.*»

Дѣдушка. «Ежели тебѣ завязать глаза и дать въ *руки* двѣ розы: одну настоящую, а другую, положимъ, вылепленную изъ воску; различишь ли ты ихъ и узнаешь ли настоящую?»

Вася. «Вѣрно узнаю.»

Дѣдушка. «Какимъ *чувствомъ*?»

Вася. «*Осязаніемъ.*»

Дѣдушка. «Но ежели ты возмешь листокъ розы въ *ротъ*: — узнаешь ли ты его?»

Вася. «Ну, по *вкусу* хоть трудно узнать, да все-таки еще можно.»

Дѣдушка. «А *слухомъ* можно ли узнать розу?»

Вася. «Вотъ ужъ этого вовся нельзя, потому что она не *поётъ*!»

Дѣдушка. «Слѣдовательно сколькими *чувствами* ты можешь разпознать розу?»

Вася. «Четырмя: *зрѣніемъ, обоняніемъ, осязаніемъ* и *вкусомъ.*»

Дѣдушка. «Ежели ты *узнаешь что нибудь* или зрѣніемъ или обоняніемъ или какимъ другимъ изъ твоихъ *пяти чувствъ*, развѣ ты это учишь наизусть или развѣ тебѣ кто нибудь въ этомъ помогаетъ?»

Вася. «Нѣтъ-съ: я этого и наизусть неучу и ни кто мнѣ въ этомъ не помогаетъ; а это я *самъ собою* узнаю.»

Дѣдушка. «Скажи-же теперь ты, Петруша, — вотъ мы и до тебя добрались! незнаешь ли ты, какъ иначе, т. е. однимъ словомъ, назвать то, *когда мы узнаемъ какую нибудь вещь сами собою, посредствомъ пяти нашихъ чувствъ, безъ всякой посторонней помощи?*»

Петруша (подумавъ). «Это, дѣдушка, называется *опытомъ*; потому что ежели я собственно *самъ* вижу что нибудь или осязаю или нюхаю — вѣдь значитъ, что я *узнаю* это самое *по собственному моему опыту.*»

Дѣдушка. «Понимаешь ли ты, Вася?»

Вася. «Какъ непони́мать. О! я те-

перь догадался, что я узналъ и цвѣтъ и запахъ и колючьки розановъ по *собственному* моему *опыту*, потому что это мнѣ сказали *мои* глазки, *мой* носикъ..... и бѣдная *моя* собственная рожица.»

Дѣдушка. «Ну, хорошо; если ты все это узналъ по *собственному* твоему *опыту* — такъ и помни впередъ, незабывай какъ это узнается. Теперь скажите мнѣ, дѣти: знаете ли вы, что розы бываютъ желтаго и чернаго или почти чернаго цвѣта?»

Вася (съ удивленіемъ). «Вотъ ужъ этого-то я и незналъ!»

Варинька. «А я такъ *знала*.»

Дѣдушка. «Почему?»

Варинька. «Да намъ какъ-то разъ маменька это *сказывала*; помнишь Петруша?»

Петруша. «Да; очень помню.»

Дѣдушка. «Только разъ? Да какъ же вы это упомнили: развѣ твердили наизусть?»

Варинька. «Что тутъ твердить: это

намъ такъ *полюбилось*, что мы съ разу *запомнили*.»

Дѣдушка. «Однако вѣдь ты *не сама* это видѣла? и *не сама узнала*?»

Варинька. «Нѣтъ-съ; *не сама*.»

Дѣдушка. «Слѣдовательно ты это *узнала* единственно *по разсказамъ* маменьки?»

Варинька. «Да-съ; только *по разсказамъ* маменьки.»

Дѣдушка. «И ты ей *повѣрила*?»

Варинька. «Какъ-же не *вѣрить* маменькѣ?»

Дѣдушка. «А ты, Вася, *вѣришь* ли этому?»

Вася. «*Вѣрю*-съ.»

Дѣдушка. «Ты-то ужъ кому-же *вѣришь*?»

Вася. «А я *вѣрю* братцу и сестрицѣ, что они точно это слышали отъ маменьки.»

Дѣдушка. «Ну, если бы тебѣ это сказала твоя няня; тогда бъ что ты сдѣлалъ?»

Вася. «Я-бъ прибѣжалъ къ мамень-

кѣ, да и спросилъ бы у нее: правда ли это?»

Дѣдушка. «Хорошо: теперь дѣти вы видите, что *узнать какую нибудь вещь можно:* или *по собственному опыту* или..... какимъ образомъ? какъ вы думаете?»

Петруша. «*По разсказамъ другихъ.*»

Дѣдушка. «*Въ первомъ случаѣ* вамъ *нужны* ваши *пять чувствъ*; а *во второмъ* что?»

Варинька. «*Надо вѣрить* тому, кто разсказываетъ.»

Дѣдушка. «Слѣдовательно тутъ *нужно довѣріе*, т. е. чтобы тотъ, кто разсказываетъ, заслужилъ, а тотъ, кто слушаетъ, имѣлъ бы къ нему *довѣріе.* Понимаешь ли ты меня Вася?»

Вася. «Понимаю, какъ большой.»

Дѣдушка. «Ого! вижу я, что ты шибко добиваешся въ большіе; по этому ты мнѣ теперь и долженъ повторить: *какимъ образомъ* можно *узнать то, до чего нельзя дойти самимъ собою?*»

Вася. «А такимъ, что мнѣ *скажутъ*

это другіе..... да еще когда я имъ *повѣрю.*»

Дѣдушка. «А кому бъ ты, напримѣръ, *повѣрилъ?*»

Вася. «Да вотъ: маменькѣ и вамъ.»

Дѣдушка. «Почему же ты намъ *вѣришь?*»

Вася. «Потому, что вы всегда *правду* говорите.»

Дѣдушка. «Такъ, мой другъ. Помните дѣти: *тому только вѣрять, кто всегда говоритъ правду; а кто разъ солжетъ, тому никогда ужъ вѣрить небудутъ. Солгать,* есть большой *грѣхъ* передъ Богомъ. Да и что ужъ за человѣкъ, которому никто невѣритъ? Онъ станетъ говорить, что ему пить-ѣсть хочется — а ему неповѣрятъ; онъ станетъ жаловаться, что ему холодно, — а ему неповѣрятъ; онъ станетъ увѣрять, что онъ невиноватъ въ какомъ нибудь проступкѣ — а ему неповѣрятъ: горькое ему житье на свѣтѣ! Но чтобы вѣрили оправданіямъ, надобно заслужить это тѣмъ, чтобы всегда самому приходить чистосердечно признаваться во всемъ,

что случится сдѣлать дурнаго. — Теперь дѣти объясните мнѣ еще одно: можетъ ли вырости роза на дубу?»

Вася. «Ха, ха, ха, на дубу! Какъ же это можно!»

Г-жа Добрѣва. «И дѣдушка! не слишкомъ ли это для *насъ* философскій вопросъ?»

Дѣдушка. «Ничего, мой другъ; — пусть поломаетъ свою головку: вишь онъ какой хохотунъ! А чего ужъ самъ не разсудитъ, то растолкуютъ ему братъ и сестра. Прошу-ка покорно сказать мнѣ: *почему* же это не можетъ быть?»

Вася (непреставая смѣяться). «Ха, ха, ха, *почему?* Вотъ мило-то! *отъ того* что..... *отъ того*..... *отъ того,* что дубъ дерево, а роза кустъ.»

Дѣдушка. «Ну да смородина вѣдь тоже кустъ, — а на ней не могутъ же вырости розы.»

Варинька. «Эхъ, братецъ Вася, ты не такъ отвѣчалъ; вотъ видишь ли: роза *отъ того* не можетъ вырости на дубу или на смородинѣ, что ужъ ихъ Богъ не такъ сотворилъ. — Смородиновый

кустъ Богъ сотворилъ такъ, что на немъ растетъ смородина; дубъ — такъ, что на немъ родятся жолуди; а розовый кустъ — такъ, что на немъ выходятъ розы. Вообрази себѣ, еслибъ розаны выросли на дубу, вѣдь это было бы чудо и дубъ пересталъ бы быть дубомъ, а сдѣлался бы большимъ розановымъ деревомъ.»

Дѣдушка. «Прекрасно! ты умно *разсудила* Варинька; но скажи: откуда ты это все узнала?»

Варинька. «Ни откуда, дѣдушка; *я* такъ *думаю.*»

Дѣдушка. «Такъ ты это *сама размыслила?*»

Варинька. «Да-съ.»

Дѣдушка. «И будто никто тебѣ этого никогда неговорилъ?»

Варинька. «Нѣтъ-съ, никто; я точно *сама размыслила.*»

Дѣдушка. «*Чѣмъ* же ты это размыслила?»

Варинька. «Головою-съ.»

Дѣдушка. «А изъ чего состоитъ твоя голова?»

Варинька. «Какъ изъ чего? изъ лба, глазъ, носа, рта» .....

Дѣдушка. «Постой, постой! душа моя, я тебя теперь поймаю: такъ стало быть ты *размыслила* лбомъ или носомъ?»

Мальчики расхохотались.

Варинька (покраснѣвъ). «Нѣтъ-съ; *я размыслила разсудкомъ.*»

Дѣдушка. «Такъ вотъ, дѣти, еще *можно узнать что нибудь размышленіемъ: а для того нужень здравый разсудокъ.* Не такъ-ли Вася?»

Вася. «Да-съ, точно такъ: когда и я *поразмыслю* хорошенько, такъ» .....

Дѣдушка (улыбаясь). «Такъ что-жъ: ты много *узнаешь?*»

Вася. «Много? да; какъ бы да не такъ! У меня и головка-то маленькая и *разсудокъ*-то въ ней сидитъ маленькій..... хоть не много, а все-таки кой-что да узнаю. Дѣдушка! а какъ бы мнѣ много *узнать*, очень много, *все?*»

Дѣдушка. «*Все знаетъ одинъ Богъ*: Онъ знаетъ не только то, что мы дѣлаемъ; но даже и то, что думаемъ. Отъ Бога скрыться никакъ и нигдѣ нель-

зя: чтобъ ты ни затѣялъ — еще ты ни кому не сказалъ — а ужъ Богъ все знаетъ. Вотъ почему не должно никогда не только дѣлать дурнаго; но даже и думать о дурномъ. Вспомни, что Богъ все это видитъ и знаетъ, такъ все дурное и вылетитъ тотчасъ изъ головы; но чтобы этого никогда и незабывать, справляйся почаще съ своею *совѣстью*: это качество вложено въ насъ Творцемъ для того, чтобы всегда сказывать намъ, что *хорошо*, что *дурно*. — *Человѣкъ* же, другъ мой, можетъ знать столько, сколько Богъ ему позволилъ знать; однако Богъ позволилъ и ему многое знать; да *чтобы* это *знать*, во первыхъ: *надо* имѣть зрѣлый *разсудокъ*, а не дѣтскій; во вторыхъ: надобно *учиться* всему полезному.»

Вася (вздохнувъ). «По крайней мѣрѣ скажите мнѣ, *какъ* же *учиться*?»

Дѣдушка. «Надобно хорошенько *размышлять* о томъ, что самъ узнаешь или услышишь отъ другаго; *спрашивать* обо всемъ тѣхъ, кто тебѣ говоритъ правду, напримѣръ: меня и ма-

меньку; да главное: *быть внимательну* ко всему, что тебѣ мы скажемъ или что самъ узнаешь. Тогда ты *многому научишся*, а что *выучишь*, того *незабывай*. Вотъ видите ли, дѣти, когда что *ясно поймешь* и *живо себѣ представишь*, тогда это *надолго врѣжется въ памяти*, да и врядъ ли когда нибудь забудется; но чтобы ясно понять умомъ вещь — надо также чтобы она была объяснена понятно и просто; а чтобы живо представить въ воображеніи — надо чтобы она была разсказана занимательно и любопытно. Размышлять и быть внимательными зависитъ собственно отъ васъ, друзья мои; а разсказывать вамъ понятно и пріятно — это ужъ дѣло вашего наставника. Напримѣръ: поняли ли вы *какимъ образомъ можно чему нибудь научиться?*»

Варинька. «Да-съ. *Должно* хорошенько обо всемъ *размышлять*, что узнаешь, и *быть внимательнымъ* когда разсказываютъ что нибудь другіе.»

Дѣдушка. «Прекрасно, Варинька! это значитъ, что ты теперь исполнила и то

и другое. Но поняли ли вы, *какимъ образомъ можно узнать что нибудь?*»

Дѣти (всѣ вмѣстѣ). «*Поняли*-съ; по *тому что* это очень *ясно*.»

Дѣдушка. «Такъ разтолкуйте же это теперь мнѣ?.... (дѣти хотятъ говорить всѣ разомъ)..... Постойте, постойте; говорите порознь, иначе я ни котораго изъ васъ неуслышу. Пусть начнетъ старшій.»

Петруша. «*Узнать что нибудь можно: или собственнымъ опытомъ и размышленіемъ или по разсказамъ другихъ.*»

Дѣдушка (къ прочимъ). «Сколько *различныхъ способовъ* сказалъ намъ Петруша?»

Варинька и *Вася*. «*Три*.»

Петруша. «Нѣтъ только *два* (VI).»

Варинька. «Какъ два, братецъ? ты шутишь; ну слушай! — я сочту: *опытъ* — первый; *размышленіе* — вторый; а *разсказы* — третій. Вотъ видишь ли? *три*.»

Вася. «Да; точно *три*.»

Дѣдушка (смѣясь). «На вашей сторонѣ большинство голосовъ, господа! Но

вотъ послушаемъ, что Петруша на это скажетъ.»

Петруша. «Мнѣ все-таки кажется *два*: когда *я узналъ* что нибудь по *опыту*, вѣдь это *я узналъ самъ*, т. е. *моими собственными чувствами*; точно также, ежели бы *я узналъ* и чрезъ *размышленіе*, вѣдь это опять я бы размыслилъ *самъ* же, т. е. *моимъ собственнымъ разсудкомъ*; стало быть я все-таки дошелъ до этой вещи *самъ собою*, безъ всякой посторонней помощи. Теперь, ежели мнѣ что нибудь *разскажутъ*; вотъ ужъ я и *не самъ узналъ*, а только *повѣрилъ* чужимъ словамъ: стало быть я это *узналъ отъ кого нибудь другаго*. И выходитъ только *два способа узнать что нибудь*: *первый — самому*; а *второй — чрезъ другихъ*.»

Дѣдушка. «Послушаемъ, что на это скажетъ маменька? Въ чью пользу она подастъ голосъ?»

Г-жа Добрѣва. «По моему мнѣнію Петруша правъ.»

Вася (прыгая и хлопая въ ладоши).

«Ну теперь одинъ дѣдушка остался. Что-то онъ скажетъ?»

Дѣдушка. «То же что и маменька. *Первый способъ познанія* называется *непосредственнымъ*, потому что *не требуетъ посредства другихъ* людей; а *вторый — посредственнымъ*, потому что *не можетъ обойтись безъ ихъ помощи.*»

Варинька. «Ну, такъ мы съ Васей и побѣждены!»

Дѣдушка. «Да, друзья мои; Петруша на этотъ разъ остался побѣдителемъ. Всѣ ли вы однако *поняли* то, о чемъ мы теперь говорили?»

Дѣти. «Всѣ-съ.»

Дѣдушка. «А будете ли *помнить?*»

Вася. «Какъ непомнить! это такъ легко.»

Дѣдушка. «Стало быть моихъ *уроковъ* и наизусть твердить ненадо, да и подъ подушку ихъ незапрячешъ; потому что они будутъ и въ травкѣ и въ муравкѣ и въ цвѣточкѣ и въ камушкѣ и въ воздухѣ и въ водѣ; за то на какую вещь вы ни взгляните, такъ уже вѣрно вспом-

ните, что мы о ней говорили. Не такъ ли?»

Вася. «Какъ не вспомнить? Я хоть когда хотите — даже съ просонокъ — всѣ пять чувствъ такъ по пальцамъ и перечту.»

Варинька (съ усмѣшкою). «Дѣдушка! да будто это *урокъ?* вѣдь вы еще не начинали *класса!*»

Дѣдушка. «Какъ же не *урокъ?* вѣдь вы *чему нибудь* да *научились* въ это время? Стало быть и *слушали урокъ*, который уже теперь и кончился, потому что мы всѣ устали сидѣть на одномъ мѣстѣ и заниматься однимъ и тѣмъ же предметомъ — да еще такимъ важнымъ, гдѣ всѣ ваши умишки работали. — (Петруша и Варинька поглядываютъ то другъ на друга, то на книжки, которыя были сложены на столѣ). — А что дѣлаютъ наши книжки? Они кажется преспокойно спятъ. Вотъ, дѣти, вы теперь по собственному опыту узнали, что для ученья не надобно безпрестанно только *долбить* на память книжки (1); можно учиться и иначе (v); а *книжки* дол-

но *читать*, да *размышлять* о томъ, что прочтешь: это и будетъ все равно, если бы кто нибудь *разсказалъ* вамъ то, что въ нихъ *написано*. Мнѣ очень жалки дѣти, которые не понимаютъ и слѣдовательно непомнятъ того, что читаютъ: они по неволѣ должны затверживать все наизусть; потому что надобно же какъ нибудь выучиться — вѣдь неоставаться на вѣкъ дуракомъ, ни къ чему неспособнымъ, котораго всякій станетъ презирать. — Но хотя вы теперь хорошо *знаете* все, про что мы съ вами толковали, и долго будете *помнить*; однако, если бы, напримѣръ, вамъ никогда въ жизни больше не случилось объ этомъ говорить или читать или даже хоть подумать, такъ вѣдь наконецъ поневолѣ все само собою бы *забылось*. Не правда ли?»

Петруша. «Конечно, дѣдушка: хоть не такъ скоро, а все-таки бы *забылось*.»

Дѣдушка. «Вотъ для чего и непремѣнно нужно *повторять* или лучше сказать *упражняться* въ томъ, что разъ

узнаешь: *упражненіе есть душа ученія.* Однако, чтобы это небыло скучно, я для васъ придумалъ превеселый способъ (VII).»

Вася. «Чтожъ бы это такое было?»

Петруша. «Развѣ мы и *повторять*-то будемъ не по книжкамъ?»

Дѣдушка. «Да вы у меня сами себѣ будете *сочинять книжки.* Слушайте-ка!»

«Мы станемъ какъ можно менѣе сидѣть дома: такъ какъ для нашего класса ненужно ни стола, ни много книжекъ, ни бумаги; то мы будемъ ходить учиться въ садъ, въ полукруглую бесѣдку изъ акацій, которую вы сами сажали два года тому назадъ, или въ ту..... что на горѣ.»

«Но чтобы хорошенько понимать и помнить ученье, а въ особенности чтобы *упражняться* въ слогѣ, вы станете вести по очереди *журналы* нашихъ *уроковъ*, или лучше сказать утреннихъ и послѣобѣденныхъ *бесѣдъ*: — тамъ будетъ записываться все, о чемъ въ продолженіи дня было разсуждаемо. Сверхъ того Петруша, а потомъ и всѣ вы, ко-

гда подростете, станете *обработывать каждую науку*, составляя, съ моею помощію, особыя, небольшія *руководства* или *книжки*, на подобіе тѣхъ, по которымъ вы до сихъ поръ учились. Въ библіотеку же мы станемъ заглядывать для справокъ — ежели старая память моя рѣшительно откажется въ чемъ нибудь мнѣ служить. Но такъ какъ маменька не всегда можетъ участвовать въ нашихъ прогулкахъ, а и ей вѣрно любопытно будетъ знать, что вы съ каждымъ днемъ станете пріобрѣтать новенькаго, въ чемъ мы обязаны давать *отчетъ*; то вы и будете *читать* по вечерамъ вслухъ ваши *журналы* и *руководства*. — Эти *практическія упражненія* займутъ насъ въ дурную погоду, а тѣмъ болѣе осенью и зимою.»

Г-жа Добрѣва. «Вотъ это мнѣ очень нравится: я и сама съ вами буду всему учиться, дѣти.»

Дѣдушка. «Да мы и *всѣ станемъ учиться — другъ отъ друга* (VI). Когда же вы дѣти будете приходить, въ извѣстные часы, ко мнѣ въ кабинетъ; то

для васъ будутъ тамъ приготовлены: по утру — завтракъ; а послѣ обѣда — лакомства. Согласны-ли вы на эти условія?»

Пешруша и *Варинька* (съ довольнымъ видомъ). — «Очень согласны, милый дѣдушка.»

Вася (прыгая отъ радости). — «Отъ всего сердца! отъ всего сердца! Всѣ эти условія мнѣ очень понравились — и ужъ я ручаюсь, что вы будете нами всегда довольны.»

Дѣдушка. «О когда такъ, то я въ награду вашего прилежанія и благонравія, стану вамъ *разсказывать* прелюбопытныя происшествія изъ жизни славныхъ людей, отрывки изъ разныхъ путешествій, описанія чудесъ природы, а иногда повѣсти и сказочки: мы станемъ вмѣстѣ *разсуждать* о нихъ и, коли хотите, также *записывать* ихъ въ особый *журналъ*.»

Дѣти бросились на шею дѣдушки, прерывая поцѣлуями обѣщанія во всемъ угождать ему.

Дѣдушка. «Не хотите ли, дѣти, съ эта-

го же дня начать *практическія* наши *повторенія*? я васъ сей часъ же научу, какъ это дѣлать. Бери Вася перо и вотъ этотъ листъ бумаги, садись *писать*... Сиди прямо, другъ мой, не перекашивайся на одну сторону, чтобы не сдѣлаться кривобокимъ, и держи перо, не сгибая пальцевъ крючками.... вотъ такъ! — Теперь, придерживай лѣвою рукою листъ..... хорошо.....пиши, что я буду тебѣ *диктовать* (VII).»

ВОПРОСЫ:

Урокъ о познаніи.

1. Какимъ образомъ можно *узнать* что нибудь?
2. Сколько на то есть *способовъ*?
3. Какія?
4. Что они значатъ?
5. Что нужно для *посредственнаго способа познанія*?
6. Къ кому можно имѣть *довѣріе* и къ кому нѣтъ?

7. Хорошо ли *говорить правду* и хорошо ли *лгать?*

8. Какъ раздѣляется *непосредственный способъ познанія?*

9. Что значитъ *размышленіе* и что для него необходимо?

10. Что значитъ *опытъ* и что для него нужно?

11. Сколько *чувствъ* въ человѣкѣ?

12. Какія?

13. Объясни каждое изъ нихъ.

14. Что Богъ намъ далъ для каждаго изъ этихъ *чувствъ?*

15. Объясни всѣ свои отвѣты *примѣрами.*

Урокъ объ ученіи.

1. Можетъ ли человѣкъ *все знать?*

2. Кто *все знаетъ?*

3. Можетъ ли быть что нибудь сокрыто отъ *Бога?*

4. Какой лучшій способъ предохранить себя отъ всего дурнаго.

5. Что такое *Совѣсть?*

6. Сколько можетъ *знать* человѣкъ?

7. Чтобы *знать*, что долженъ онъ дѣлать?

8. Какъ надобно *учиться?*

9. Что нужно, дабы *твердо врѣзалось въ памяти* то, что хочешь знать?

10. Что нужно, чтобы *ясно понять умомъ?*

11. Что нужно, чтобы *живо представить въ воображеніи?*

12. Что значитъ *урокъ?*

13. Какъ должно употреблять *книги?*

14. Къ какому *способу познанія* онѣ относятся: къ *посредственному* или *непосредственному?* и почему?

15. Когда *забывается* то, что разъ узналъ?

16. Что нужно дѣлать для того, чтобы *сохранить въ памяти* выученное?

17. Необходимо ли *повтореніе* и въ чемъ оно должно состоять?

18. Что значатъ и какая польза *практическихъ упражненій?*

19. Объясни всѣ свои отвѣты *примѣрами.*

«Ну, теперь довольно; конецъ!» — продолжалъ *дѣдушка*. — «Петруша и Варинька! просмотрите со вниманіемъ: не надѣлалъ ли Вася *ошибокъ*, писавъ подъ диктовку? да и *объясните* ихъ ему, какъ сами знаете (VI).»

Старшіе исполнили это приказаніе и растолковали меньшему брату своему грамматическія правила, противъ которыхъ онъ погрѣшилъ.

Дѣдушка. «И такъ изъ нашихъ разговоровъ вышли сегодня *два урока*: (VII) одинъ *о познаніи*, другой *объ ученіи*. Вотъ вы, друзья мои, Вася и Варинька, приготовьте-ка на бумагѣ, къ вечернему чтенію *отвѣты* на всѣ эти *вопросы* — одинъ на первые, а другая на послѣдніе. Петруша, какъ старшій, сочинитъ на оба эти предмета коротенькія *разсужденія*. Мысли же и выраженія каждый изъ васъ долженъ *заимствовать* изъ нашей съ вами бесѣды.»

Дѣдушка разрѣзалъ исписанный листъ и роздалъ каждому свои *вопросы*.

Варинька (присѣдая). «Покорно благо-

дарю, дѣдушка; я постараюсь приготовить мои отвѣты къ обѣду.»

Дѣдушка. «Спѣшить не надо, милая; лучше сдѣлать не такъ скоро, да хорошенько обдумать (v); знаешь пословицу: *тише поѣдешь, дальше будешь?*»

Вася. «Какъ это забавно, что я буду дѣлать *отвѣты!* Дѣдушка! а когда же вы и мнѣ дадите *сочинять?*»

Дѣдушка. «Когда ты будешь больше.»

Вася. «Больше! это мнѣ всѣ безпрестанно твердятъ. Да когда-же я буду большимъ-то?»

Дѣдушка. «Тогда, душа моя, когда будешь во всемъ искать пользу, а не забаву, — иначе хоть сто лѣтъ проживи и вырости длиннѣе трехъ аршинъ, все-таки останешся ребенкомъ.»

Вася закусилъ свою маленькую губку — или отъ того, что онъ непонялъ смысла дѣдушкиныхъ словъ, или отъ того, что слишкомъ хорошо его понялъ; что даже и не мудрено: ибо умишко его, хотя еще ребячій, но отъ природы

острый и смѣтливый, былъ приведенъ въ нѣкоторую дѣятельность.

Дѣдушка. «Смотрите, дѣти, какъ теперь хорошо на дворѣ! ни одного облачка нѣтъ; ни одна вѣтка не колыхнется; роса съ травки ужъ давно улетѣла на небо гулять по воздуху; то-то любо порѣзвиться! Къ полудню будетъ слишкомъ жарко. Пойдемте-ка въ садъ: вы ступайте теперь за своими шляпками и фуражками, а потомъ бѣгите въ рябиновую залу — знаете, что тамъ..... на углу, близь купáнья, — и мы туда же придемъ съ маменькою. Какъ нарѣзвитесь, да устанете, такъ чуръ собираться отдыхать вокругъ меня: я вамъ разскажу что нибудь веселинькое. Ну, слушай! на лѣ-во кру-гомъ! маршъ!»

И дѣти бросились бѣжать взапуски, помахивая въ воздухѣ листиками.

Такимъ образомъ въ *Веребкахъ* учредилась маленькая *семейная школа* сократическаго образованія. (v, vi и vii).

Ея *занятія* были, по большой части, на открытомъ воздухѣ; они перемѣнялись, разнообразились безпрестанно; (iii) образъ ученія состоялъ въ *разсужденіяхъ дѣтей* съ *дѣдушкою* о различныхъ предметахъ (v), во *взаимномъ объясненіи* ихъ дѣтьми другъ другу (vi) и въ безпрерывныхъ различныхъ *упражненіяхъ* въ томъ, что уже ясно было умомъ постигнуто (vii). Ученики мало пользовались посторонними пособіями: они — какъ намъ извѣстно — подъ наблюде-

ніемъ дѣдушки, составляли сами для себя *краткіе журналы и руководства* по всѣмъ почти отраслямъ наукъ, сообразные ихъ возрасту, понятіямъ и написанные языкомъ, для нихъ совершенно знакомымъ; они также чертили для себя карты и планы, дѣлали глобусы, разныя модели, нѣкоторыя простыя машины и т. п.

Дѣдушка, руководствуя образованіемъ дѣтей, былъ вмѣстѣ *наставникомъ* ихъ и *другомъ*: основательныя его свѣдѣнія, пріобрѣтенныя чтеніемъ и неутомимымъ трудолюбіемъ, соединенныя съ превосходною, обдуманною и на опытѣ испытанною методою воспитанія, дѣлали его совершенно къ тому способнымъ; а особенное чувство привязанности къ дѣтямъ, въ наставникѣ необходимое, заставляло его почитать подобное занятіе, столь скучное и тягостное для другихъ, усладительнымъ долгомъ, который онъ отдавалъ своему потомству, полагая всю награду въ надеждѣ, что сѣмена, имъ посѣянные, принесутъ добрые плоды, и гордясь мыслію, что онъ, проведя

всю жизнь свою въ трудахъ на службѣ Царской, подъ старость даже лѣтъ можетъ еще быть полезенъ ближнему и переживетъ смерть свою въ памяти людей, которымъ сдѣлалъ добро.

Онъ такъ умѣлъ *привязать* къ себѣ маленькихъ внучатъ, что они любили его не менѣе доброй своей маменьки, боясь огорчить малѣйшею невнимательностію или дурнымъ поступкомъ, хотя однако онъ рѣдко употреблялъ строгія *наказанія*: самымъ ужаснымъ изъ нихъ было то, когда *дѣдушка* котораго нибудь изъ дѣтей оставлялъ нѣкоторое время рѣшительно безъ всякихъ занятій и сажалъ на одно мѣсто съ сложенными на крестъ руками; такъ привыкли они къ дѣятельности, что праздность считали уже самымъ тяжкимъ наказаніемъ, употребляемымъ только въ случаѣ какой либо великой вины.

Время трудовъ и *удовольствій* расположено было у нихъ (II и III) по назначенію *дѣдушки*, который часто говаривалъ, что *порядокъ есть душа всего*, и что *занятія суть вѣрное лекар-*

ство отъ скуки и единственный способъ провесть жизнь пріятно и съ пользою.

Они вставали рано — въ *шесть* часовъ; ложились спать тоже рано — въ *десять: дѣдушка* зналъ по опыту и вычиталъ, изъ многихъ полезныхъ книгъ, что ребенку должно *спать* непремѣнно *восемь* часовъ въ сутки, а здоровому молодому человѣку никакъ не болѣе *семи*; въ противномъ случаѣ сонъ, вмѣсто подкрѣпленія силъ, ослабляетъ ихъ, дѣлая духъ лѣнивымъ, а тѣло дряблымъ и вялымъ.

Но *дѣдушка* соглашался иногда вставать отъ сна и среди глубокой *ночи* выходилъ съ своими внучатами въ садъ или для того, чтобы наблюдать спящую землю съ ея произведеніями и изучать природу во всѣхъ ея видахъ, дополняя такимъ образомъ свѣдѣнія, въ теченіи дня пріобрѣтенныя, — или для того, чтобы объяснять дѣтямъ расположеніе, свойство и теченіе небесныхъ свѣтилъ, замѣчать лунныя затмѣнія, разсматривать кометы, отблески сѣвернаго сіянія, которыя бываютъ видны въ тѣхъ

краяхъ Россіи, и другія любопытныя явленія. Онъ толковалъ имъ происхожденіе и причины этихъ чудесныхъ дѣйствій свѣта и воздуха и они всѣ вмѣстѣ благоговѣли предъ всемогуществомъ и благостію Творца вселенной, давшаго всему столь премудрые законы. Какъ занимательны были для дѣтей объясненія дѣдушки! Какъ восхищались они его огромнымъ телескопомъ! Бывало *Вася* восклицалъ: «Братецъ! сестрица! поглядите-ка сюда! — вся луна какъ будто на ладонкѣ: то-то вы чудесъ-то насмотритесь!»

По *утрамъ*, позавтракавъ, дѣти работали въ саду или огородѣ и занимались рукодѣльями, искуствами и гимнастикою, чтобы начать день *тѣлесными упражненіями*, развивающими силу, гибкость, проворство, ловкость и укрѣпляющими мускулы; добрый *дѣдушка* всегда присутствовалъ при этихъ утреннихъ занятіяхъ, которыя впрочемъ иногда повторялись еще въ *серединѣ* и къ *вечеру дня*, вмѣсто прогулокъ.

Въ *восемь* часовъ утра дѣти иногда

приходили въ дѣдушкинъ кабинетъ: сколько тамъ было шкафовъ, наполненныхъ книгами, сколько картинъ, плановъ, чертежей, машинъ и моделей! Нѣкоторые изъ нихъ были трудовъ самихъ дѣтей вмѣстѣ съ *дѣдушкою*. Какъ пріятно имъ было слушать тамъ назидательные его разсказы; какъ весело было заниматься и учиться!

Впрочемъ у нихъ не было особой горницы, куда бы они сходились именно для *ученія*; — ихъ классная была вездѣ: и въ саду и въ рощѣ и въ оранжереѣ и въ огородѣ и на полѣ и на гумнѣ и въ деревнѣ и во всѣхъ комнатахъ дома; въ кабинетъ же они ходили въ *опредѣленные часы для практическихъ занятій*, которыя требовали пособія бумаги и чернилъ, машинъ, ландкартъ, книгъ и т. п., или тогда, когда погода не позволяла быть на дворѣ.

Такимъ образомъ дѣти учились во всякое время и во всякомъ мѣстѣ; *дѣдушка*, который рѣдко былъ врознь съ ними, неупускалъ ни одной минуты, ни одного случая, чтобы не дѣйствовать

разнообразно на ихъ умственныя, душевныя и физическія способности, слѣдуя однако постоянно во всемъ одной предположенной цѣли, одной методѣ. Онъ обращалъ вниманіе дѣтей на всѣ окружающіе ихъ предметы, на всѣ произшествія, непревышающія ихъ понятій, по видимому совершенно обыкновенныя и незамѣчательныя, и заставлялъ ихъ самихъ извлекать изъ всего точныя и опредѣлительныя познанія, такъ сказать: *неприметно составлять самимъ для себя науку* (v и vii). Онъ пользовался для того и внѣшними обстоятельствами и внутреннимъ расположеніемъ ихъ духа, воли и способностей, которыя онъ развивалъ въ *совокупности* для пріобрѣтенія свѣдѣній, и обогощалъ *постепенными* знаніями для большаго ихъ развитія.

Какова была обязанность *дѣдушки*? Не правда ли, что для многихъ она показалась бы несносною? — Малютки, хотя еще не вполнѣ понимали всю тягость и важность его трудовъ, но чувствовали его заботы и очень, очень бы-

ли ему за то благодарны; а между тѣмъ они привыкали быть всегда дѣятельными, не пропускать ничего безъ замѣчанія и учились непренебрегать указаніями опыта, но изъ всякаго случая почерпать полезные уроки для будущаго.

Къ *полудню* (пі) они *оканчивали* свои *учебныя занятія* и изслѣдованія. Тутъ начинались музыка и пѣніе, чему учила дѣтей сама *Г-жа Добрѣва.*

Во *второмъ* часу все семейство обѣдало; послѣ того, отдохнувъ и погулявъ съ *часокъ*, дѣти или садились всѣ рисовать, подъ руководствомъ матери, или мальчики начинали чертить, клеить какія нибудь модели и устраивать машины подъ руководствомъ *дѣдушки* съ помощію столяра, слесаря, кузнеца, токаря и другихъ мастеровыхъ, которые составляли дворню; — а сестры ихъ, въ то время, шили, кроили, вышивали, вязали и вообще занимались разными женскими работами — каждая по своимъ лѣтамъ.

Въ *четыре* часа дѣти опять приходи-

ли къ *дѣдушкѣ* въ кабинетъ или слушать правоучительныя *наставленія* его, основанныя на догматахъ Православной Вѣры, или *заниматься практически* языками; а потомъ бѣжали за нимъ, *учиться* естественнымъ наукамъ, въ садъ — въ бесѣдку.

Къ *шести* часамъ снова *прекращались уроки* и все семейство, напившись чаю, шло гулять въ лѣсъ, въ деревню, на мельницу, по берегамъ рѣки; обходило гумно, овчарни, и другія хозяйственныя учрежденія, или ѣздило на поля, на сѣнокосъ и въ недавно выселенный хуторъ, гдѣ находился скотный дворъ.

По утру и вечеромъ, т. е. два раза въ день непремѣнно, дѣти въ жаркое время купались, что укрѣпляло тѣлесныя ихъ силы. Сверхъ того кромѣ разныхъ другихъ гимнастическихъ упражненій, они часто ѣздили верхомъ; а когда рѣка и озеро крѣпко замерзали, имъ расчищали мѣсто для катанья на конькахъ или устраивали горы для катанья на салазкахъ.

Въ *назначенные* для наставленій или практическаго упражненія *часы*, дѣти *учились нешуточно*; *дѣдушка*, считая вреднымъ обращать всегда ученіе въ игру, старался пріучить ихъ къ перенесенію трудностей и пріохотить къ дѣятельнымъ занятіямъ, чтобы въ послѣдствіи они небоялись никакихъ трудовъ. Ученіе хотя и не легко имъ доставалось, однако и неотталкивало ихъ своею сухостію и незанимательностію (v, vi и vii).

Такъ какъ дѣти учились и *языкамъ*: Русскому и Англійскому у *дѣдушки*, Французскому и Нѣмецкому у маменька; то, для *упражненія* въ нихъ, была распредѣлена вся недѣля слѣдующимъ образомъ: *Понедѣльникъ* и *Четвергъ* назначались для Французскихъ, *Вторникъ* и *Пятница* для Нѣмецкихъ, *Середа* и *Суббота* для Англійскихъ, а *Воскресенье* для Русскихъ *разговоровъ*; при чемъ постановлено было правиломъ, чтобы ни кто изъ дѣтей не объявлялъ какого либо желанія или не просилъ чего нибудь иначе, какъ только на томъ язы-

кѣ, который былъ назначенъ для цѣлыхъ сутокъ; въ противномъ случаѣ надѣвался на проговорившагося кардонный значекъ съ надписью: «*Помни, что разъ приказано,*» — и въ исполненіи просьбы отказывалось. Слѣдовательно дѣти поневолѣ должны были узнавать всѣ выраженія и всѣ названія, относящіяся къ кругу ихъ желаній, — а по мѣрѣ, какъ онъ увеличивался и измѣнялся, имъ необходимо было пріобрѣтать въ языкахъ новыя познанія.

Осенью, зимою и вообще во время дурной погоды, когда поневолѣ надо было сидѣть дома, всѣ собирались по *вечерамъ* въ диванную; тамъ начиналось *чтеніе*: дѣти читали по очереди, прочіе слушали, — а дѣвочки занимались при томъ рукодѣльями.

Любимымъ чтеніемъ были: *отрывки изъ отечественной исторіи*, превосходныя *творенія* для юношества — *Шишкова* и *Карамзина*, Басни *Крылова*, изъ которыхъ, большую часть дѣти знали наизусть; впрочемъ они имѣли понятія и о нѣкоторыхъ другихъ образцо-

выхъ сочиненіяхъ отечественныхъ авторовъ и читали иногда лучшія произведенія Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ писателей, ихъ возрасту приличныя; повѣсти изрѣдка являлись въ вечернемъ кружку этого семейства и то по самому строгому выбору: иногда ихъ разсказывали *дѣдушка* и маменька, иногда же сочиняли или переводили ихъ и сами дѣти; а романы — никогда (вопреки обыкновенію нѣкоторыхъ сосѣдей, заставлявшихъ дѣтей своихъ читать себѣ въ слухъ безъ разбора всѣ получаемыя ими книги и журналы); дѣдушка ни какъ не могъ придумать, какую бы можно было извлечь изъ такаго чтенія пользу для его питомцевъ; да и дѣти не премѣняли бы ни на какой романъ любопытныхъ его разсказовъ.

Преимущественно же дѣдушка обращалъ все свое вниманіе на сердце, душу и совѣсть дѣтей. Онъ заставлялъ ихъ рѣшать разные нравственные вопросы и задачи; размышлять: какъ бы кто изъ нихъ поступилъ въ тѣхъ или дру-

гихъ обстоятельствахъ? вызывая этимъ ихъ самихъ къ сужденіямъ и къ составленію себѣ правилъ жизни, основанныхъ на высокомъ ученіи Вѣры; онъ доставлялъ имъ разнообразные случаи приводить въ дѣйствіе эти правила, дабы они привычкою тверже въ нихъ вкоренялись; во всѣхъ своихъ бесѣдахъ, во всѣхъ урокахъ, онъ, какъ-бы не нарочно, разливалъ чистыя, нѣжныя наставленія, доходящія до глубины дѣтской совѣсти и плѣняющія сердце.

Но дѣдушка не выставлялъ имъ свѣта съ одной хорошей стороны: внушая имъ добро, онъ нескрывалъ отъ нихъ и зла; ибо боялся дать имъ о чемъ бы то ни было ложное понятіе, могущее направить ихъ и по ложному пути. Напротивъ онъ съ самаго нѣжнаго дѣтства поселялъ въ нихъ отвращеніе отъ всего дурнаго, объясняя, сообразно надобности и возможности, главныя черты пороковъ въ настоящемъ ихъ видѣ, со всѣми ужасами послѣдствій и противудѣйствуя тѣмъ развитію злыхъ качествъ, конхъ сѣмена къ несчастію при-

мѣчаются и въ самыхъ благонравныхъ дѣтяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, какое иногда выходитъ противорѣчіе въ наставленіи! Юношамъ твердятъ: *твори добро, убѣгай зла.* Но ежели имъ неизвѣстно: въ чемъ именно состоитъ добро и зло и какое между ними различіе? Если имъ раскрыто одно, а сокрыто другое? То какимъ образомъ исполнятъ они желаніе наставниковъ? что будутъ творить и чего убѣгать?

Неимѣя настоящаго понятія ни о чемъ худомъ, будучи укрытъ попечительностію родителей даже отъ всякой дурной мысли, юноша, съ невинною, неопытною душою, непривыкшею ясно различать всѣхъ оттѣнковъ порока, исполненною общей любви ко всему, неосторожной довѣрчивости ко всѣмъ, — ибо весь свѣтъ считаетъ онъ столь же безпорочнымъ, столь же чистымъ, какъ свою совѣсть, — такой юноша часто, очень часто увлекается пріятною, соблазнительною приманкою зла и уже поздно узнаетъ его собственнымъ опытомъ.

Чтобы отвратить отъ этой незримой бездны шаги своихъ внучатъ, дѣдушка заранѣе указывалъ имъ тропы порока и, ведя ихъ по настоящему пути, подавалъ руку опытной помощи при малѣйшемъ уклоненіи. Онъ неслѣдовалъ ложному правилу: скрывать вообще все дурное, чтобы не возродить какъ нибудь о немъ идей, которые можетъ быть навсегда или по крайней мѣрѣ надолго были бы отъ дѣтей сокрыты. Нѣтъ; никогда, въ особенности же въ столь важномъ дѣлѣ, каково образованіе нравственности, дѣдушка не допускалъ для своей цѣли сомнительнаго — *можетъ быть*, ни для своихъ дѣйствій любимаго многими изъ насъ — *авось*.

Конечно въ объясненіи видовъ и оттѣнковъ порока онъ поступалъ весьма осторожно, раскрывая и объясняя только тѣ изъ нихъ, которые считалъ приличными или которые замѣчалъ въ самихъ дѣтяхъ; онъ старался заблаговременно поселить въ нихъ отвращеніе отъ всего худаго, даже нѣкотораго рода страхъ, истинною картиною ужас-

Въ *назначенные* для наставленій или практическаго упражненія *часы*, дѣти *учились нешуточно*; *дѣдушка*, считая вреднымъ обращать всегда ученіе въ игру, старался пріучить ихъ къ перенесенію трудностей и пріохотить къ дѣятельнымъ занятіямъ, чтобы въ послѣдствіи они небоялись никакихъ трудовъ. Ученіе хотя и не легко имъ доставалось, однако и неотталкивало ихъ своею сухостію и незанимательностію (v, vi и vii).

Такъ какъ дѣти учились и *языкамъ*: Русскому и Англійскому у *дѣдушки*, Французскому и Нѣмецкому у маменька; то, для *упражненія* въ нихъ, была распредѣлена вся недѣля слѣдующимъ образомъ: *Понедѣльникъ* и *Четвергъ* назначались для Французскихъ, *Вторникъ* и *Пятница* для Нѣмецкихъ, *Середа* и *Суббота* для Англійскихъ, а *Воскресенье* для Русскихъ *разговоровъ*; при чемъ постановлено было правиломъ, чтобы никто изъ дѣтей не объявлялъ какого либо желанія или не просилъ чего нибудь иначе, какъ только на томъ язы-

кѣ, который былъ назначенъ для цѣлыхъ сутокъ; въ противномъ случаѣ надѣвался на проговорившагося кардонный значекъ съ надписью: «*Помни, что разъ приказано,*» — и въ исполненіи просьбы отказывалось. Слѣдовательно дѣти поневолѣ должны были узнавать всѣ выраженія и всѣ названія, относящіяся къ кругу ихъ желаній, — а по мѣрѣ, какъ онъ увеличивался и измѣнялся, имъ необходимо было пріобрѣтать въ языкахъ новыя познанія.

Осенью, зимою и вообще во время дурной погоды, когда поневолѣ надо было сидѣть дома, всѣ собирались по *вечерамъ* въ диванную; тамъ начиналось *чтеніе*: дѣти читали по очереди, прочіе слушали, — а дѣвочки занимались при томъ рукодѣльями.

Любимымъ чтеніемъ были: *отрывки изъ отечественной исторіи*, превосходныя *творенія* для юношества — *Шишкова* и *Карамзина*, Басни *Крылова*, изъ которыхъ, большую часть дѣти знали наизусть; впрочемъ они имѣли понятія и о нѣкоторыхъ другихъ образцо-

выхъ сочиненіяхъ отечественныхъ авторовъ и читали иногда лучшія произведенія Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ писателей, ихъ возрасту приличныя; повѣсти изрѣдка являлись въ вечернемъ кружку этого семейства и то по самому строгому выбору: иногда ихъ разсказывали *дѣдушка* и маменька, иногда же сочиняли или переводили ихъ и сами дѣти; а романы — никогда (вопреки обыкновенію нѣкоторыхъ сосѣдей, заставлявшихъ дѣтей своихъ читать себѣ въ слухъ безъ разбора всѣ получаемыя ими книги и журналы); дѣдушка ни какъ не могъ придумать, какую бы можно было извлечь изъ такаго чтенія пользу для его питомцевъ; да и дѣти не премѣняли бы ни на какой романъ любопытныхъ его разсказовъ.

Преимущественно же дѣдушка обращалъ все свое вниманіе на сердце, душу и совѣсть дѣтей. Онъ заставлялъ ихъ рѣшать разные нравственные вопросы и задачи; размышлять: какъ бы кто изъ нихъ поступилъ въ тѣхъ или дру-

гихъ обстоятельствахъ? вызывая этимъ ихъ самихъ къ сужденіямъ и къ составленію себѣ правилъ жизни, основанныхъ на высокомъ ученіи Вѣры; онъ доставлялъ имъ разнообразные случаи приводить въ дѣйствіе эти правила, дабы они привычкою тверже въ нихъ вкоренялись; во всѣхъ своихъ бесѣдахъ, во всѣхъ урокахѣ, онъ, какъ-бы не нарочно, разливалъ чистыя, нѣжныя наставленія, доходящія до глубины дѣтской совѣсти и плѣняющія сердце.

Но дѣдушка не выставлялъ имъ свѣта съ одной хорошей стороны: внушая имъ добро, онъ нескрывалъ отъ нихъ и зла; ибо боялся дать имъ о чемъ бы то ни было ложное понятіе, могущее направить ихъ и по ложному пути. Напротивъ онъ съ самаго нѣжнаго дѣтства поселялъ въ нихъ отвращеніе отъ всего дурнаго, объясняя, сообразно надобности и возможности, главныя черты пороковъ въ настоящемъ ихъ видѣ, со всѣми ужасами послѣдствій и противудѣйствуя тѣмъ развитію злыхъ качествъ, конхъ сѣмена къ несчастію при-

мѣчаются и въ самыхъ благонравныхъ дѣтяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, какое иногда выходитъ противорѣчіе въ наставленіи! Юношамъ твердятъ: *твори добро, убѣгай зла.* Но ежели имъ неизвѣстно: въ чемъ именно состоитъ добро и зло и какое между ними различіе? Если имъ раскрыто одно, а сокрыто другое? То какимъ образомъ исполнятъ они желаніе наставниковъ? что будутъ творить и чего убѣгать?

Неимѣя настоящаго понятія ни о чемъ худомъ, будучи укрытъ попечительностію родителей даже отъ всякой дурной мысли, юноша, съ невинною, неопытною душою, непривыкшею ясно различать всѣхъ оттѣнковъ порока, исполненною общей любви ко всему, неосторожной довѣрчивости ко всѣмъ, — ибо весь свѣтъ считаетъ онъ столь же безпорочнымъ, столь же чистымъ, какъ свою совѣсть, — такой юноша часто, очень часто увлекается пріятною, соблазнительною приманкою зла и уже поздно узнаетъ его собственнымъ опытомъ.

Чтобы отвратить отъ этой незримой бездны шаги своихъ внучатъ, дѣдушка заранѣе указывалъ имъ тропы порока и, ведя ихъ по настоящему пути, подавалъ руку опытной помощи при малѣйшемъ уклоненіи. Онъ неслѣдовалъ ложному правилу: скрывать вообще все дурное, чтобы не возродить какъ нибудь о немъ идей, которые можетъ быть навсегда или по крайней мѣрѣ надолго были бы отъ дѣтей сокрыты. Нѣтъ; никогда, въ особенности же въ столь важномъ дѣлѣ, каково образованіе нравственности, дѣдушка не допускалъ для своей цѣли сомнительнаго — *можетъ быть*, ни для своихъ дѣйствій любимаго многими изъ насъ — *авось*.

Конечно въ объясненіи видовъ и оттѣнковъ порока онъ поступалъ весьма осторожно, раскрывая и объясняя только тѣ изъ нихъ, которые считалъ приличными или которые замѣчалъ въ самихъ дѣтяхъ; онъ старался заблаговременно поселить въ нихъ отвращеніе отъ всего худаго, даже нѣкотораго рода страхъ, истинною картиною ужас-

ныхъ послѣдствій; внушить твердость къ борьбѣ съ желаніями и страстями, увлекающими иногда во всѣ крайности порока; развить въ совѣсти чувство укора при каждомъ уклоненіи отъ добродѣтели; и наконецъ укрѣпить въ душѣ вѣру въ милосердую помощь Божію и въ награду, которую заслужимъ мы для вѣчности на временной землѣ доброю жизнію, указанною намъ святымъ ученіемъ Спасителя.

Вотъ подробное описаніе *занятій цѣлаго дня* (ш), который маленькіе *Добрѣвы* обыкновенно встрѣчали и провожали теплыми *молитвами*, въ коихъ имена *маменьки* и *дѣдушки* занимали первое мѣсто.

Такъ протекало время въ безпрестанныхъ *упражненіяхъ для ума, сердца* и *тѣла*. *Дѣдушка* умѣлъ разнообразить занятія, перемѣшивая ихъ такимъ образомъ, чтобы ни одна способность неоставалась долгое время безъ дѣятельности и ни одна неутомлялась отъ слишкомъ большаго напряженія. Мало этого: онъ сообразовался съ возрастомъ

своихъ внучатъ, замѣчалъ различіе въ ихъ характерахъ, неединообразные ихъ способности и, принаравливая къ тому труды ихъ и свои наставленія, безпрестанно дѣйствовалъ особымъ образомъ на каждаго изъ нихъ для физическаго, умственнаго и нравственнаго усовершенствованія, изощряя то память, то воображеніе, то разсудокъ, то качества сердца, то тѣлесныя силы, и стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы каждая изъ способностей развитіемъ своимъ содѣйствовала развитію другой (II, III и V).

Слѣдуя правилу: *мѣшать дѣло и забавы, трудъ и покой*, — *дѣдушка* на этотъ счетъ разсуждалъ такъ: (IV) *Движеніе* необходимо для здоровья, развитія силъ и усовершенствованія членовъ. Оно должно быть разнообразно, правильно, умѣренно: потому что всѣ качества, всѣ способности, всѣ органы, всѣ мускулы требуютъ дѣятельности, имъ свойственной. Дѣти не должны долго сидѣть на одномъ мѣстѣ, еще менѣе оставаться въ одномъ положеніи: природа требуетъ безпрестанно *перемѣны* (III), чрезъ пол-

часа и самый отдыхъ уже становится для дѣтей тягостію — перемѣна служитъ имъ отдохновеніемъ; для нихъ нужны безпрерывно разнаго рода дѣятельность и разнаго рода положенія тѣлесныя; разнаго рода трудъ и разнаго рода покой. Тутъ тѣсно связаны духъ съ тѣломъ: дитя, чувствующее усталость, немѣетъ уже той свободы ума, той охоты къ занятіямъ, того вниманія, какъ при свѣжести силъ. Ежели не предупреждать усталости частыми перемѣнами покоя и движенія, утомленный ребенокъ затѣетъ самъ шалости и рѣзвости или невольно впадетъ въ сонливость и конвульсивную зѣвоту — словомъ сказать: *зальнится*; на немъ взыскивать: но онъ исполняетъ только непремѣнный законъ природы; въ противномъ случаѣ, долгое бездѣйствіе его членовъ, также какъ и слишкомъ продолжительное напряженіе, вредитъ ихъ развитію, изнуряетъ ихъ силу и лишаетъ нужной гибкости, нѣжности и проворства. Тоже самое относится и къ способностямъ; Русская пословица: *лѣ-*

шай дѣло съ бездѣльемъ съ ума не сойдешь — выражаетъ неоспоримую практическую истину. Метода ученія, основанная на долгихъ сидячихъ занятіяхъ однимъ и тѣмъ же предметомъ, оказывается для дѣтей весьма вредною: не отъ ранней ли сидячей жизни пропадаетъ у нихъ свѣжесть лица — вывѣска здоровья и правильнаго обращенія крови, — огонь и быстрота взгляда, а иногда даже и соображеній? Не эта ли причина или одна изъ важнѣйшихъ причинъ ихъ вялости, неловкости, унылаго вида и духа, преждевременной устарѣлости всѣхъ ихъ способностей и органовъ, не свойственной рѣзвымъ лѣтамъ? Дитя не должно входить въ классъ какъ въ гробъ; но должно жить тамъ полною дѣтскою жизнію. Насиліе, дѣлаемое природному его темпераменту, причиняетъ ему мученье, тягость, связываетъ его, разслабляетъ, и — что всего вреднѣе — нерѣдко побуждаетъ его къ дурнымъ привычкамъ, а иногда даже и къ нѣкоторымъ порокамъ. *Дѣятельность* тѣлесная имѣетъ большое

вліяніе и на характеръ ребенка; она поддерживаетъ въ немъ веселость и живость, которыя располагаютъ къ понятливости и скорому послушанію. Недостатокъ движенія наводитъ на нихъ уныніе, неудовольствіе, которыя часто имѣютъ послѣдствіемъ нетерпѣливость, своенравіе и шумное непокорство; а излишество тѣлесныхъ занятій бываетъ часто причиною разслабленія нервъ, праздности умственной, иногда дерзости и привычки къ безпорядку. Нуженъ строгій выборъ въ положеніяхъ тѣла, ухваткахъ, обхожденіи, даже въ выраженіяхъ лица, въ приличіи вида и взгляда, — точно также какъ и дальновидное, постоянное наблюденіе за умственными и нравственными упражненіями дѣтей и ихъ направленіемъ. Сколько бы сутуловатыхъ, кривобокихъ, имѣющихъ дурныя привычки и наклонности, порочныхъ, даже можетъ быть колѣкъ и уродцовъ — выпрямилось, выросло, исправилось, получило пріятныя и нѣжныя манеры, ежели бы родители болѣе обращали вниманіе на ихъ *покой*

и *движеніе* во время дѣтства? Въ этомъ отношеніи нельзя ни чѣмъ пренебрегать безъ горкихъ послѣдствій. Слѣдовательно, не только во время ученія, но и при рѣзвостяхъ и играхъ, дѣти не должны быть вовся предоставлены самимъ себѣ, безъ руководства и наставленія: это важный недостатокъ воспитанія! Въ рѣзвостяхъ, подобно ученью, должно быть строго выполнено правило, на которомъ естественно слѣдуетъ основать всѣ дѣтскія занятія: чтобы *соотвѣтственно упражнять* всѣ мускулы тѣла, *въ постоянной гармоніи*, и привесть ихъ *постепенно* къ самой высшей степени точности, проворства и силы въ движеніяхъ разнаго рода. Кто станетъ оспоривать, чтобы игры въ ребячествѣ не способствовали къ образованію характера, развитію воображенія и нѣкоторыхъ другихъ умственныхъ силъ, также какъ онѣ содѣйствуютъ стройности — а иногда къ несчастію и безобразію тѣлосложенія и наружности? Можно ли оставить безъ вниманія столь важный предметъ и не извлечь изъ не-

го никакой пользы для воспитанія? И почему бы кажется даже не обратить — хотя въ нѣкоторомъ уже возрастѣ — самое желаніе рѣзвиться, дѣлать безпрестанныя движенія, на упражненія относящіяся къ какимъ нибудь искуствамъ и ремесламъ? Развѣ не полезно дать о нихъ понятіе дѣтямъ (IV) — и при томъ еще такимъ дешевымъ образомъ на счетъ траты времени, которое они убиваютъ-же, сидя сверхъ силъ за книгою въ бездѣйственности, и убиваютъ совершенно даромъ, пріучаясь только къ погубной праздности — матери всѣхъ пороковъ?

Тѣлесныя движенія, подчиненныя извѣстнымъ правиламъ теоріи, на законахъ природы основаннымъ, составили еще въ древности особую науку, названную *Гимнастикою*. Нынѣ же подъ именемъ *гимнастическихъ упражненій* разумѣются вообще: бѣганіе, прыганіе, танцы, лазанье по веревкѣ или дереву, катанье на конькахъ и на салазкахъ, верховая ѣзда, плаваніе, фехтованіе, борьба, поднятіе тяжестей, разныя игры

въ мячекъ, воланъ и всѣ подобныя упражненія, сопряженныя съ движеніемъ мускуловъ, даже практическія занятія ремеслами и искуствами, называемыя рукодѣльями и требующія дѣйствія всѣхъ или большей части тѣлесныхъ органовъ.

Само собою впрочемъ разумѣется, что многія изъ этихъ *гимнастическихъ движеній* приличны только однимъ мальчикамъ, отъ которыхъ въ послѣдствіи и требуется болѣе физической силы, нежели отъ дѣвочекъ.

Недавно *гимнастика* опять возобновлена въ тѣсномъ своемъ смыслѣ, т. е. какъ *наука тѣлесныхъ упражненій*; но она недостигла еще до той степени совершенства, въ какой была у древнихъ, и не введена въ правильную, полную систему.

Физическое воспитаніе, имѣющее предметомъ усовершенствованіе тѣлесныхъ органовъ (о которомъ вообще такъ мало думаютъ), не менѣе важно для человѣка, какъ *умственное* и *нрав-*

ственное; ибо душа тѣсно связана съ тѣломъ и одно на другую дѣйствуетъ: состояніе и дѣятельность его органовъ имѣетъ постоянное, разнообразное, сильное вліяніе на развитіе ума и сердца. Физическое воспитаніе прежде прочихъ нужно младенцу — еще въ самой его колыбели — и состоитъ тогда въ сохраненіи его жизни, направленіи первыхъ его движеній и способствованіи къ дѣйствію пяти чувствъ его. Оно должно укрѣплять члены, упражнять зрѣніе, слухъ, даже пріучить дитя къ механизму роднаго языка, когда оно еще не понимаетъ смысла словъ. Оно принадлежитъ совершенно и исключительно матерямъ, хотя многія изъ нихъ незнаютъ или пренебрегаютъ обязанности и важныя преимущества, какія оно имъ представляетъ: онѣ думаютъ замѣнить себя вполнѣ кормилицами и нянъками! Какое непростительное заблужденіе, гибельное для успѣховъ воспитанія!

Дѣятельная жизнь, ожидающая человѣка въ обществѣ, требуетъ большаго

запаса силъ и здоровья: вотъ обширное поприще *физическаго воспитанія*, которое должно предудовлетворить этому требованію; и такъ оно заключаетъ въ себѣ кромѣ правилъ движенія или *гимнастики*, еще двѣ важныя отрасли: *Гигіену* и *усовершенствованіе пяти чувствъ*, въ особенности же главнѣйшихъ изъ нихъ: *зрѣнія* и *слуха*.

Гигіена имѣетъ предметомъ *сохраненіе здоровья*. — *Опрятность* есть одинъ изъ первыхъ ея рецептовъ: она предупреждаетъ многія болѣзни, сохраняетъ свѣжесть тѣла и слѣдовательно способствуетъ правильному дѣйствію органовъ; въ ней еще есть и нравственная сторона, ибо она внушаетъ человѣку приличіе, стыдливость и привычку къ порядку въ вещахъ, мысляхъ и дѣяніяхъ; заставляетъ его быть внимательнымъ къ самому себѣ; пріучая къ чистотѣ наружной, живо напоминаетъ о чистотѣ внутренней — невинности; привлекая невольно расположеніе другихъ, содѣйствуетъ въ нѣкоторой степени общежитію — связи общества. Наиболѣе

пренебрегаютъ въ низшихъ сословіяхъ этимъ добрымъ качествомъ, которое впрочемъ доступно всѣмъ состояніямъ— даже самой бѣдности: мыть руки, лице, все тѣло, полоскать ротъ, держать въ чистотѣ одежду, вещи, жилище, можетъ каждый и во всякое время. Тоже самое можно сказать и о двухъ другихъ не менѣе важныхъ добродѣтеляхъ: *воздержаніи* и *умѣренности* — въ пищѣ и питьѣ, въ трудахъ и покоѣ, въ желаніяхъ и намѣреніяхъ, въ издержкахъ и бережливости. Какъ тѣсно связаны эти физическія привычки съ нравственными, особливо въ низшемъ классѣ народа! Но еще болѣе дѣйствуетъ на нравственность дѣтей, въ высшемъ кругу общества, нѣжное и радушное *обхожденіе* съ ними и справедливый, но строгій выборъ *поощреній* и *наказаній*, которыя никогда не должны быть такого рода, чтобы могли причинить ребенку какое либо поврежденіе и уронить или слишкомъ возбудить въ немъ самолюбіе.

Наконецъ, просторное и сухое *помѣ-*

щеніе, свѣтъ солнца въ комнатахъ, умѣренная теплота и частая перемѣна въ нихъ *воздуха*, суть условія необходимыя *для сохраненія здоровья*; а прививаніе *оспы*, выборъ *пищи*, безпрестанный *присмотръ* за дѣтьми — мѣры, предупреждающія ихъ недуги; даже объясненіе причинъ при какихъ либо болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ и извлеченіе изъ того нѣжныхъ, но не суровыхъ наставленій, можетъ служить цѣлительнымъ на будущее время лекарствомъ и для тѣла и для души.

Вотъ главнѣйшіе предметы, входящіе въ составъ одной отрасли *физическаго воспитанія*, образующей особую науку — *Гигіену*.

Упражненіе пяти чувствъ столько же относится къ физическому, сколько и къ нравственному воспитанію, оно составляетъ общую ихъ связь и служитъ переходомъ отъ одного къ другому.

Упражняя *зрѣніе*, дѣти научаются замѣчать, сравнивать; всѣ они видятъ одни и тѣже предметы, но не всѣ одинаково на нихъ смотрятъ: отсюда про-

исходитъ великая разница, между ними находящаяся. Ребенокъ, который глядитъ на все такъ, безъ примѣчанія, незнаетъ употребленія своихъ глазъ — орудій разсудка: что́бы должно было служить ему обширнымъ поприщемъ изученія, то́ дѣлается для него только поводомъ къ разсѣянности; онъ становится неспособнымъ размышлять и пропускаетъ съ глупымъ равнодушіемъ предметы, которые наиболѣе должны были бы возбудить его любопытство. Между тѣмъ какъ для ребенка научившагося смотрѣть, вникать, — все подаетъ случай къ пріобрѣтенію новыхъ понятій, къ упражненію разума.

Усовершенствованіе зрѣнія достигается наблюденіемъ разстояній, размѣровъ, перспективы, главнѣйше же *черченіемъ* и *рисованіемъ* (особенно съ натуры), которое должно быть для дѣтей не частною наукою, принадлежащею, какъ думаютъ, исключительно одному таланту; но общимъ занятіемъ: оно нужно для образованія органа зрѣнія вообще; оно управляетъ имъ; пріучаетъ его наблю-

дать положеніе, размѣръ, формы, пропорціональность частей, всѣ мѣлочныя подробности каждаго предмета; замѣчать виды вещей въ различномъ разстояніи и въ различныхъ отношеніяхъ съ другими предметами; словомъ, образуетъ *глазомѣръ*. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ не должно заставлять дѣтей копировать вещи, для нихъ незнакомыя; лучше избирать для рисованія предметы обыкновенно ихъ окружающіе, переходя отъ прямолинейныхъ къ криволинейнымъ, отъ отдѣльныхъ фигуръ, къ групамъ и перспективѣ, то есть: отъ легкаго къ труднѣйшему (v); въ такомъ дѣйствіи откроется особенная практическая логика, логика замѣчательности, которая имѣетъ свое достоинство и собственное и относительное, ибо по аналогіи и естественной связи въ идеяхъ распространится со временемъ и на важные предметы.

Упражненіе *слуха* производится посредствомъ упражненія *голоса* и *музыкою*. Оно состоитъ не въ томъ только, чтобы научить ухо распознавать звуки;

но постигать тоны, аккорды, мелодію, гармонію и ихъ различныя выраженія. Все это находится въ голосѣ.

Пріучайте дѣтей съ самыхъ юныхъ лѣтъ къ хорошему выговору — и вы чрезъ то пріучите ихъ внимательно слушать другихъ и самаго себя и лучше обдумывать то, что хотятъ сказать. Старайтесь, чтобы звуки вашего голоса были мѣрны, просты, гармонированы — и звуки ихъ голоса будутъ такими же, изъ подражанія; избѣгайте всякихъ восклицаній рѣзкихъ, криковъ грубыхъ, шумныхъ, нестройныхъ — и они также будутъ избѣгать этого; ибо всякая подобная выходка съ ихъ стороны будетъ дика для ихъ собственнаго слуха — странна, непривычна для нихъ самихъ.

Ученіе *пѣнію* и *музыкѣ* есть также достояніе каждаго (iv) и даже необходимость при первоначальномъ воспитаніи. Весьма ошибаются, считая эти предметы роскошью: безъ нихъ нельзя образовать уха; они развиваютъ всѣ безчисленныя,

нѣжныя его принадлежности и даютъ имъ правильность; сверхъ того *пѣніе* и *разговоръ* (*) способствуютъ дѣйствіямъ легкихъ и укрѣпляютъ грудь; наконецъ *музыка* вообще, также какъ и рисованье, возбуждаетъ въ ребенкѣ внимательность и научаетъ его сравнивать, выбирать. Это тотъ же языкъ — языкъ звуковъ, возвышающихъ и успокоивающихъ душу, дѣйствующихъ на ея органы, а черезъ нихъ и на органы тѣла: *музыка* и *пѣніе* имѣютъ магическую власть — помогать движенію мускуловъ, приводить его въ тактъ и правильность, уменьшая тѣмъ самымъ усталость и придавая болѣе бодрости въ занятіяхъ. Это законъ природы. Прислушайтесь къ мастеровому, къ рабочему человѣку — онъ поетъ во время труда; войска идутъ съ бо́льшимъ духомъ при звукахъ музыки; да и самые танцы на балѣ, столь продолжительные и изнуряющіе физическія силы, возможно ли было бы

(*) *Разсказы* или, что называлось въ древности, *ораторство.*

безъ нея вынести? По этому-то въ гимнастическихъ упражненіяхъ весьма удачно соединяютъ пѣсни, повторяемыя хоромъ, съ общими дѣйствіями многихъ вмѣстѣ.

Между тѣмъ, кромѣ наукъ, необходимыхъ дворянину для общаго его образованія (IV), кромѣ усовершенствованія талантовъ, умягчающихъ нравы и составляющихъ всю прелесть общежитія, въ этой семейной школѣ давали маленькимъ *Добрѣвымъ* понятіе о промышленности, домоводствѣ, практической сельской экономіи, садоводствѣ и разныхъ ремеслахъ и рукодѣльяхъ; старшая дочь вела сама счетъ домашнему хозяйству; нерѣдко также посылали ихъ и на кухню: — отчего столъ у *Добрѣвыхъ* былъ всегда превкусный, а кухня содержалась въ удивительной чистотѣ и опрятности.

Дѣдушка говаривалъ своимъ внучатамъ: — «Вы готовитесь на службу Царскую, друзья мои; слѣдовательно вы должны имѣть всѣ познанія, нужныя для воина, судьи и Русскаго дворянина

вообще. Но вы со временемъ возвратитесь, можетъ быть, въ деревню и сдѣлаетесь помѣщиками или и на службѣ еще получите такое назначеніе, гдѣ нужны вамъ будутъ свѣдѣнія и въ ремеслахъ и въ художествахъ и въ рукодѣльяхъ и въ такихъ наукахъ, какъ напримѣръ: промышленность, торговля, сельское хозяйство; по этому нехудо, ежели пріобрѣтете заранѣе, по крайней мѣрѣ, понятіе о подобныхъ предметахъ, тѣмъ болѣе, что это сдѣлается вовся безъ потери времени: нужно же для разсудка отдохновеніе, а для тѣла движеніе — вы и то и другое найдете въ практическихъ упражненіяхъ какими нибудь ремеслами. Наконецъ вы неможете знать, куда васъ закинетъ судьба и въ какихъ вы будете обстоятельствахъ: потому что судьбы Божіи неисповѣдимы; слѣдовательно, чѣмъ болѣе вы обогатитесь свѣдѣніями, тѣмъ болѣе приготовите себя ко всѣмъ переворотамъ счастія — и тѣмъ для васъ же самихъ будетъ лучше.»

«И такъ не пренебрегайте ни какими

знаніями, а старайтесь изучать все, что бы вамъ въ жизни ни встрѣтилось: чѣмъ человѣкъ свѣдущѣе и на все способнѣе, тѣмъ онъ полезнѣе для общества и для себя самого. Помните всегда пословицу: *вѣкъ живи, — вѣкъ учись* (IV).»

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Можетъ быть, со временемъ, я найду возможность издать въ свѣтъ тѣ *журналы* и *руководства*, которые составляли по различнымъ предметамъ маленькіе *Добровы*, а вмѣстѣ съ ними и ихъ добрый *дѣдушка*; теперь же передаю въ точности всѣ его мысли на счетъ *начальнаго воспитанія*, (II и III) весь *порядокъ*, которому подчинилъ онъ ежедневные труды и забавы своихъ внучатъ, и всю *систему* его ученія въ разговорахъ съ дѣтьми, во время прогулокъ по прелестнымъ окрестностямъ *Веребокъ*, или во время бесѣдъ съ ними въ своемъ кабинетѣ.

Цѣль моя въ этомъ случаѣ: показать необходимость соединенія (IV), — подобно какъ сіе сдѣлано въ общественныхъ заведеніяхъ, — *умственнаго воспитанія* съ *нравственнымъ* и *физическимъ* и выгоду приспособлять къ образованію юношества, упрощенную *систему ученія* или объясненія понятій, называемую *сократическою* или *разговорною* (V), съ присоединеніемъ къ тому *взаимныхъ упражненій* дѣтей между собою, сходно способу *Ланкастера* (VI), и *практическихъ повтореній* уроковъ, по руководству *Жакото* (VII).

Счастливымъ себя почту, ежели родители извлекутъ изъ этого нѣсколько дѣльныхъ мыслей, коихъ принаровленіе къ кругу *домашняго воспитанія* послужитъ къ его большей общности, простотѣ, занимательности и соглашенію съ понятіями и потребностями дѣтей въ различныхъ возрастахъ и состояніяхъ; ежели труды мои будутъ способствовать къ обращенію должнаго вниманія родителей и воспитателей на столь важный предметъ, составляющій первое

звѣно благосостоянія каждаго, начало усовершенствованія человѣка во всѣхъ его отношеніяхъ, и ежели наконецъ этотъ слабый очеркъ подастъ имъ случай къ развитію собственныхъ своихъ познаній, по этой части чтеніемъ или опытностію пріобрѣтенныхъ.

Въ лицѣ *дѣдушки* соединены всѣ тѣ качества, которыя знаменитые педагоги почитаютъ необходимыми для *наставниковъ* и *воспитателей* юношества. Обязанности, на нихъ возлагаемыя — весьма тяжки; требованія велики; но и тѣ и другія равняются важности званія наставника и отвѣтственности, принимаемой имъ предъ Богомъ и людьми; воспитатели юношества, удовлетворяющіе вполнѣ всѣмъ требованіямъ, добросовѣстно и въ точности исполняющіе свою должность, очень рѣдки: они суть истинные благодѣтели юнаго поколѣнія.

Впрочемъ тягость этой обязанности значительно бы уменьшилась, а польза для дѣтей увеличилась, если бы ее приняли на себя сами родители, въ особен-

ности матери, природою и любовью предназначаемыя исключительно къ такому труду. Пора кажется убѣдиться, что значеніе родителей должно быть совмѣстно съ значеніемъ воспитателей: неужели первые, безъ всякой ревности, могутъ раздѣлять съ послѣдними любовь и справедливую признательность дѣтей своихъ? Неужели отецъ и мать не захотятъ собственнымъ, непосредственнымъ вліяніемъ обезпечить судьбу своего поколѣнія? Неужели не постараются они сильными узами воспитанія неразрывно скрѣпить кровный союзъ дѣтской съ ними любви и преданности? — Отвѣтъ на это не можетъ быть чуждъ сердцу родительскому.

ОЧЕРКИ,

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ.

I.

Общій взглядъ на ходъ воспитанія въ Европѣ.

—

Не съ давняго времени въ нашемъ отечествѣ и даже во всей Европѣ стали обращать вниманіе на *первоначальное воспитаніе*. Прежде схоластическій образъ ученія, принадлежащій исключительно кастѣ ученыхъ, былъ единственнымъ способомъ для *просвѣщенія ума* и единственнымъ предметомъ попеченія наставниковъ и родителей; о гармоническомъ соединеніи образованія всѣхъ вообще умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ способностей и усовершенствованіи, такъ сказать, всего человѣка, мало думали, оставляя обыкновенно качества сердца и души на

произволъ судьбы — на обдѣлку обстоятельствамъ.

Нравоученіе читалось только въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; но оно не было приспособлено къ возрасту, понятіямъ и чувствамъ юношества, не было внушаемо его языкомъ, не было представляемо въ привлекательныхъ формахъ и звучало для него однимъ сухимъ, скучнымъ наставленіемъ, не находя отвѣта въ пылкихъ, молодыхъ сердцахъ. Изрѣдка являвшіяся нравоучительныя книжки для дѣтей, частныя по выбору предметовъ и способу ихъ изложенія, неудовлетворительныя по слогу, безъ общей цѣли и системы мало соотвѣтствовали потребностямъ юношества, котораго нравы и характеръ, безъ предварительнаго воспитанія, подпадалъ въ послѣдствіи подъ зависимость случайнаго, посторонняго вліянія.

Нѣкотораго рода оригинальныя правила и образъ мыслей, хотя сохранялись иногда въ немногихъ семействахъ, переходя отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ, какъ нѣкія завѣтныя, освя-

щенныя давностію памятники, вмѣстѣ съ семейными предразсудками, безъ очищенія, безъ сообщенія другимъ и приспособленія ко времени; но они повторялись въ потомкахъ — какъ повторяются черты лица въ длинномъ ряду фамильныхъ портретовъ — слабо и можно сказать по привычкѣ, не имѣя никакого прочнаго основанія; часто измѣнялись отъ случайности, легко и вовся исчезали, смотря по обществу, которое окружало молодаго человѣка, не находящаго руководства, гдѣ бы могъ изучить трудную науку жизни.

Низшіе же классы, напримѣръ простый рабочій народъ, едвали еще и донынѣ не имѣютъ одного смутнаго понятія о добрѣ и злѣ, только по темнымъ слухамъ до нихъ изрѣдка долетающимъ: и эти понятія тѣмъ грубѣе, тѣмъ нелѣпѣе, чѣмъ они невѣжественнѣе, чѣмъ менѣе развиты въ нихъ внутреннія дѣятельныя силы природнаго ума и характера, чѣмъ менѣе обузданы въ нихъ страсти.

Состояніе вообще образованія, къ со-

жалѣнію, слишкомъ рѣзкими чертами отдѣляютъ чернорабочіе классы народа отъ прочихъ.

Въ такомъ же точно небреженіи оставалась и другая важная отрасль народнаго воспитанія: его *здоровье* и усовершенствованіе *тѣлесныхъ силъ*. Лечить недуги больные предоставляли врачамъ, а нерѣдко шарлатанамъ и обманщикамъ; о предупрежденіи же болѣзней почти никто и не заботился. Неизчислимы пагубныя слѣдствія такого непростительнаго равнодушія, происходившаго впрочемъ отъ недостатка общихъ по этому предмету свѣдѣній! Доколѣ *народная Гигіена* не сдѣлается начальною наукою, общеупотребительною книгою, доступною для неученыхъ, и не освѣтитъ ихъ умовъ простыми, но спасительными своими совѣтами; до тѣхъ поръ трудно ожидать въ этомъ отношеніи какого либо улучшенія.

Воспитаніе въ высшемъ сословіи вредитъ здоровью ребенка своею лишнею изнѣженностію и недостаткомъ въ движеніи; дѣти же простолюдиновъ не-

рѣдко гибнутъ отъ слишкомъ грубыхъ испытаній, которымъ подвержено ихъ младенчество, и еще чаще страдаютъ отъ невнимательности къ нимъ ихъ родителей. Тѣлесные органы какъ тѣхъ, такъ и другихъ недостигаютъ возможнаго для нихъ совершенства, потому что упражненіе ихъ не подчинено постепенности законовъ природы: въ одномъ случаѣ оно представляетъ недостаточную, слишкомъ слабую дѣятельность силѣ мускуловъ и мышцъ, въ другомъ напротивъ несвойственными нѣжному дѣтству трудами и напряженіемъ оно слишкомъ рано огрубляетъ составы и принадлежности всѣхъ органовъ, поставляя тѣмъ непреодолимое препятствіе ихъ естественному развитію.

Гимнастика, столь извѣстная древнимъ, недавно стала появляться въ Европѣ; а еще позже въ Россіи, гдѣ едва только нынѣ вводится въ употребленіе между дѣтьми просвѣщеннѣйшаго круга людей.

Вообще можно опредѣлить нѣсколь-

кими десятками лѣтъ назадъ эпоху, въ которую измѣнилась идея *воспитанія*. Почти до начала нынѣшняго столѣтія ученые старались объ успѣхахъ наукъ болѣе въ теоретическомъ, нежели практическомъ отношеніи, незаботясь приспособлять ихъ къ нуждамъ и выгодамъ каждаго; оттого просвѣщеніе было высокимъ достояніемъ нѣкоторыхъ, недоступнымъ для большей части людей: *всѣ* въ немъ неучаствовали. Было одно образованіе высшаго класса; но общаго и спеціальнаго *начальнаго воспитанія* — не существовало.

Съ тѣхъ же поръ, когда открытія въ областяхъ наукъ начали болѣе и болѣе входить въ практическія дѣлопроизводства людей и убѣдили ихъ въ выгодѣ такого соединенія наукъ съ промыслами, — съ тѣхъ самыхъ поръ возникла идея упрощать сколь возможно результаты ученыхъ изысканій и изслѣдованій: тогда явились *народныя руководства* по всѣмъ отраслямъ искуствъ, художествъ, ремеслъ, торговли.

Благодѣтельная идея сближенія тру-

довъ всѣхъ сословій неостановилась въ своемъ развитіи на одномъ соединеніи ихъ взаимныхъ выгодъ; она проникнула далѣе: попечительность правительствъ и человѣколюбіе просвѣщенныхъ, благонамѣренныхъ людей, отозвались на ближайшія нужды, на благороднѣйшія стремленія человѣчества.

Въ общія и спеціальныя училища, учреждаемыя повсюду для различныхъ состояній, стали вводить систему образованія болѣе свойственную ходу природы, болѣе разнообразную — по разнообразности даровъ ея человѣку и его потребностей, болѣе общую и соотвѣтствующую его назначенію; но нигдѣ и никогда правительство не заботилось такъ, какъ у насъ и въ настоящее время о распространеніи народной образованности, о доставленіи повсемѣстныхъ, удобныхъ и дешевыхъ къ тому средствъ, умноженіемъ во всѣхъ концахъ обширной Имперіи разнаго рода учебныхъ заведеній, предназначаемыхъ для различныхъ классовъ націи.

Вмѣсто бывшаго односторонняго схо-

ластическаго ученія — плоды усовершенствованія разливаются нынѣ спасительнымъ бальзамомъ и на способности души и сердца и на органы тѣлесные; вмѣсто теоретическаго, умственнаго образованія одного сословія — всѣ призываются питаться этою нравственною манною: способы, для того представляемые, столь разнообразны и такъ приспособлены къ настоящему положенію каждаго, что и дворянинъ и купецъ и ремесленникъ и земледѣлецъ и фабрикантъ и скотоводъ могутъ найти подъ рукою все нужное для пріобрѣтенія свѣдѣній, необходимыхъ или полезныхъ въ ихъ кругѣ дѣйствія.

Воспитаніе и ученіе потеряли свою тожественность и послѣднее оказалось только частію перваго.

Весь человѣкъ сдѣлался предметомъ воспитанія; а жизнь — въ полномъ смыслѣ — цѣлію.

Но болѣе всего — какъ это впрочемъ и быть должно — обратило на себя вниманіе *начальное воспитаніе*. О немъ стали разсуждать законодатели и уче-

ные: изданы дополнительныя по этой части узаконенія и учрежденія; возникли новыя методы, болѣе или менѣе полезныя, но вообще преимуществующія предъ методою старою, по ея совершенной односторонности; явились разнаго рода сочиненія, какъ теоретическія для руководства не только воспитателей юношества, но даже самыхъ родителей, такъ и практическія для чтенія воспитанниковъ всѣхъ возрастовъ, гдѣ предметы ученья, служащія къ просвѣщенію ума, старались соединить съ теплою христіанскою нравственностію и такимъ образомъ слить въ одно гармоническое дѣйствіе усовершенствованіе всѣхъ способностей человѣческихъ. Казалось: долгое невниманіе въ великомъ дѣлѣ начальнаго воспитанія навлекло справедливый упрекъ на человѣчество, которое тѣмъ съ большею ревностію устремилось по этой новой стезѣ.

II.

О дѣтскомъ возрастѣ и приличномъ ему образованіи.

—

Выпишемъ мнѣніе *Г. Ястребцова*, которое кажется намъ весьма правильно и отчетисто выражено. (Зри книгу его: о системѣ наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ, назначаемымъ къ образованнѣйшему классу общества, 2 изд., 1833 г., стр. 224 — 234).

«Отроческому возрасту предшествуетъ дѣтскій. *Дѣтство*, какъ извѣстно, продолжается до *семи* лѣтъ. (*) Сей возрастъ

(*) По моему предположенію собственно только до *шести* лѣтъ; ибо *зрѣлое* дѣтство, не можетъ считаться дѣтствомъ: что созрѣло, то уже не молодо. (Примѣч. автора).

можно подраздѣлить на четыре эпохи: на *дѣтство грудное*, *незрѣлое*, *созрѣвающее* и *зрѣлое*. (*)»

«Младенецъ въ продолженіи *груднаго* дѣтства живетъ еще какъ бы не собственною жизнію, а материнскою; только существуетъ онъ не внутри, а снаружи, не въ утробѣ, а на грудяхъ матери. Сей возрастъ, оканчивающійся въ 10-мъ мѣсяцѣ по рожденіи младенца на свѣтъ, до насъ теперь не касается.»

«*Незрѣлое* дѣтство продолжается отъ

(*) «Читатель не долженъ удивляться многочисленности эпохъ дѣтства. Человѣкъ, въ первыя времена своего существованія, развивается, превращается изъ одного вида въ другой, съ неимовѣрною быстротою. Если бы онъ росъ во всю жизнь свою такъ скоро, какъ ростетъ въ первые дни по зачатіи своемъ; то, лучше Александра Македонскаго, *касался бы одною рукою до восходящаго солнца*, *другою до заходящаго*. Сравнимъ младенца только-что родившагося на свѣтъ, безсмысленнаго, просто животнаго, съ младенцемъ, въ которомъ загорѣлась уже искра разума; какое различіе! Какое сей послѣдній младенецъ оставилъ за собою пространство! Онъ переступилъ черезъ бездну, отдѣляющую существо разумное отъ безсловеснаго.

Судя по этой уже одной аналогіи (замѣтимъ мимоходомъ) полагаемъ, что натуралисты сдѣлаютъ нѣкогда гораздо болѣе, чѣмъ теперь сдѣлано подраздѣленій для низшихъ формъ какъ растительнаго, такъ и животнаго царства. На сколько уже частей распался Линнеевскій классъ cryptogamia! (примѣч. Д. Ястр.)

послѣдней четверти перваго года до третьяго и начинается покушеніемъ дитяти отдѣлиться уже отъ матери, оставить ея груди и стать ногою на землю, которая сдѣлается, съ того времени, мѣстомъ его пребыванія. Въ концѣ сей эпохи, въ которой пробуждается собственная жизнь дитяти, оно произноситъ уже нѣкоторыя отдѣльныя слова. Умственныя занятія происходятъ въ семъ возрастѣ только посредствомъ игрушекъ.»

«*Созрѣвающее* дѣтство простирается до 6-го или 7-го года. Оно проявляется, со стороны ума, *рѣчью* или словеснымъ выраженіемъ мыслей, положеній. Сначала дитя произноситъ (и любитъ это дѣлать) нѣсколько дѣйствительныхъ словъ съ примѣсью непонятныхъ звуковъ. Сіи непонятные звуки зависятъ, вѣроятно, не отъ одной только физической неспособности выговаривать нужныя слова, но и отъ смутныхъ представленій ума и, такъ сказать, перерывовъ въ связи мыслей. Потомъ дитя говоритъ безъ непонятныхъ звуковъ. *Здѣсь время на-*

можно подраздѣлить на четыре эпохи: на *дѣтство грудное*, *незрѣлое*, *созрѣвающее* и *зрѣлое*. (*)»

«Младенецъ въ продолженіи *грудного* дѣтства живетъ еще какъ бы не собственною жизнію, а материнскою; только существуетъ онъ не внутри, а снаружи, не въ утробѣ, а на грудяхъ матери. Сей возрастъ, оканчивающійся въ 10-мъ мѣсяцѣ по рожденіи младенца на свѣтъ, до насъ теперь не касается.»

«*Незрѣлое* дѣтство продолжается отъ

(*) «Читатель не долженъ удивляться многочисленности эпохъ дѣтства. Человѣкъ, въ первыя времена своего существованія, развивается, превращается изъ одного вида въ другой, съ неимовѣрною быстротою. Если бы онъ росъ во всю жизнь свою такъ скоро, какъ ростетъ въ первые дни по зачатіи своемъ; то, лучше Александра Македонскаго, *касался бы одною рукою до восходящаго солнца, другою до заходящаго.* Сравнимъ младенца только-что родившагося на свѣтъ, безсмысленнаго, просто животнаго, съ младенцемъ, въ которомъ загорѣлась уже искра разума; какое различіе! Какое сей послѣдній младенецъ оставилъ за собою пространство! Онъ переступилъ черезъ бездну, отдѣляющую существо разумное отъ безсловеснаго.

Судя по этой уже одной аналогіи (замѣтимъ мимоходомъ) полагаемъ, что натуралисты сдѣлаютъ нѣкогда гораздо болѣе, чѣмъ теперь сдѣлано подраздѣленій для низшихъ формъ какъ растительнаго, такъ и животнаго царства. На сколько уже частей распался Линнеевскій классъ cryptogamia! (примѣч. Д. Ястр.)

послѣдней четверти перваго года до третьяго и начинается покушеніемъ дитяти отдѣлиться уже отъ матери, оставить ея груди и стать ногою на землю, которая сдѣлается, съ того времени, мѣстомъ его пребыванія. Въ концѣ сей эпохи, въ которой пробуждается собственная жизнь дитяти, оно произноситъ уже нѣкоторыя отдѣльныя слова. Умственныя занятія происходятъ въ семъ возрастѣ только посредствомъ игрушекъ.»

«*Созрѣвающее* дѣтство простирается до 6-го или 7-го года. Оно проявляется, со стороны ума, *рѣчью* или словеснымъ выраженіемъ мыслей, положеній. Сначала дитя произноситъ (и любитъ это дѣлать) нѣсколько дѣйствительныхъ словъ съ примѣсью непонятныхъ звуковъ. Сіи непонятные звуки зависятъ, вѣроятно, не отъ одной только физической неспособности выговаривать нужныя слова, но и отъ смутныхъ представленій ума и, такъ сказать, перерывовъ въ связи мыслей. Потомъ дитя говоритъ безъ непонятныхъ звуковъ. *Здѣсь время на-*

чинать учить его. (*) Если дитя можетъ сообщать другимъ свои мысли; то конечно способно и принимать ихъ: легче принимать, чѣмъ сообщать. Но ученье въ семъ возрастѣ должно быть производимо съ крайнею осторожностью: Впрочемъ способности дитяти сдѣлали огромные шаги впередъ. Сперва напр. оно играло только съ вещами, съ неодушевленною природою, теперь играетъ съ дѣтьми, съ природою одушевленною. Съ *пятаго* года (**) оно переходитъ отъ впечатлѣній *пространства* уже ко впечатлѣніямъ *времени* и потому охотно слушаетъ разсказы связныхъ (но фантастическихъ) произшествій.»

«Въ это время впечатлѣнія не такъ летучи какъ прежде; неизглаживаются

(*) Весьма справедливо. Подобное раздѣленіе возраста по развитію способностей гораздо было бы правильнѣе обыкновенно принятаго у насъ раздѣленія по лѣтамъ; но это зависитъ отъ наблюденій самихъ родителей и воспитателей. (Примѣч. авт.)

(**) Съ пятаго года до *зрѣлаго* дѣтства, мы бы опредѣлили еще эпоху *дозрѣвающаго* дѣтства, если бы не старались быть краткими, и небоялись обременить вниманіе читателя слишкомъ многими подраздѣленіями. (Прим. Д. Я.)

тотчасъ, какъ приходятъ. Дитя начинаетъ мало по малу освобождаться отъ рабства чувствъ; устремляется производить отъ себя, чертить фигуры, словомъ, выражаетъ чувственнымъ образомъ понятія окружающей его внѣшности. Но все еще впечатлѣваемость и память несравненно сильнѣе самохотѣнія — и дитя слѣдуетъ влеченію природы безъ дальнѣйшаго размышленія. Его дѣятельность не знаетъ себѣ никакой цѣли, а заключается только въ безотчетномъ упражненіи силъ своихъ, изощреніи чувствъ, укрѣпленіи памяти, достиженіи бо́льшаго самочувствія. Въ физическомъ отношеніи сей возрастъ отличается особенною гибкостью и движимостью мышцъ, находящихся въ безпрестанной дѣятельности. Сонъ меньше продолжителенъ, чѣмъ въ предъидущихъ эпохахъ; однако дитя спитъ еще много. Сначала оно имѣетъ нужду, сверхъ ночнаго сна, спать днемъ часа три; потомъ спитъ днемъ не болѣе часа; а съ пятаго года, или около, перестаетъ вовся спать днемъ.»

«Все это показываетъ, что воспитаніе въ *созрѣвающемъ* дѣтствѣ не много должно обращаться на умственную сторону дитяти. Однако и этого возраста не должно пропустить для наукъ или умственной работы.»

»До *пяти* лѣтъ можно занимать дитятю: игрушками и сообществомъ съ дѣтьми, даваньемъ способовъ производить изъ себя, строить, чертить и т. д.; чтеніемъ басенъ и сказочекъ, и подобными разсказами; прыганьемъ подъ музыку, какъ приготовленьемъ къ танцованью; приготовленіемъ къ натуральной исторіи, показывая и нѣсколько изъясняя естественные предметы (животныя, растенія, минералы) или картинками или, что гораздо лучше, натурою (минералы особенно изображаются дурно фигурами); языками отечественнымъ и иностранными, посредствомъ изустныхъ только разговоровъ.»

«Потомъ должно прибавить, стѣснивъ нѣсколько или измѣнивъ прежнія занятія: читанье и писанье, по наивозможно скорѣйшимъ методамъ, чтобы

не терять по-напрасну времени; латинскій и греческій алфавиты (*); объясненіе фигуръ и тѣлъ геометрическихъ; объясненіе разныхъ изображеній, относящихся до наукъ и художествъ вообще, до натуральныхъ, физическихъ и механическихъ наукъ въ особенности. Сперва изъ механики, напримѣръ, довольно знать дѣтямъ, что такое клинъ, что такое блокъ, что называется маховымъ колесомъ и т. д.»

«Потомъ: зоологію, ботанику и минералогію, въ собственномъ ихъ видѣ; счисленье; сколько можно, общую и Русскую Грамматику; грамматическое изученье иностранныхъ языковъ; рисованье съ натуры; танцованье въ собственномъ его видѣ.»

«Потомъ, но уже въ *зрѣломъ* дѣтствѣ: анатомію; чтеніе біографій; черченье; сочиненія на Русскомъ языкѣ съ уроковъ, словесныя; музыку.»

«*Зрѣлое* дѣтство есть такая эпоха жи-

(*) Эти спеціальные предметы не составляютъ, по моему мнѣнію, существенной необходимости для домашняго начальнаго воспитанія. (Прим. авт.)

зни, когда дѣтскія способности переходятъ въ отроческія. Мы небудемъ назначать наукъ (кромѣ сейчасъ показанныхъ) для сего возраста, такъ какъ и для всего отроческаго. Предоставляемъ это самимъ родителямъ или наставникамъ, которые точнѣе насъ могутъ это сдѣлать, зная опредѣлительно дарованія и степень способностей дѣтей своихъ или воспитанниковъ. Мы искали здѣсь объяснить только начало (principium) расположенія наукъ, а не подробности онаго; и потому достаточно было для нашей цѣли показать нѣкоторый образецъ распредѣленія наукъ соразмѣрно съ дѣтскими способностями. Замѣтимъ только еще, что въ отрочествѣ (которое можно подраздѣлить на двѣ эпохи: отъ 7 до 11, и отъ 11 до 14, или 15 лѣтъ) (*) появляется уже нѣкоторая степенность (способная для продолжительнѣйшихъ и

(*) Согласно идеѣ воспитанія, кажется, правильнѣе раздѣлить сіи возрасты слѣдующимъ образомъ: *младенчество*: отъ рожденія до 1 года, отъ 1 до 3-хъ, отъ 3-хъ до 6 лѣтъ; *дѣтство*: отъ 6 до 9, отъ 9 до 12, отъ 12 до 15 лѣтъ; наконецъ *юношество*: отъ 15 до 18, и отъ 18 до 21-го года; — ибо черезъ каждые *три* года замѣчается большая перемѣна. (Прим. авт.)

труднѣйшихъ передъ прежнимъ уроковъ); память, особенно передъ концемъ сего возраста, достигаетъ до высочайшей естественной своей степени (этого не надобно потерять); воля управляетъ произвольнѣе мышцами, отчего происходитъ большая ловкость пальцевъ и вообще движеній (этимъ должно воспользоваться для механическихъ музыкальныхъ упражненій или, по требованію обстоятельствъ, для ручныхъ работъ). Съ двѣнадцатаго года: раскрывается голосъ для пѣнія (пѣніе, музыка); охота просто къ знанію или любопытство, превращается въ охоту къ ученію; увеличивается значительно сила соображенія и дѣлается переходъ отъ эмпиріи къ отвлеченію, переходъ, совершающійся вполнѣ уже въ юношествѣ (это особенно способствуетъ численнымъ и вообще математическимъ выкладкамъ.)»

«Объ эстетическомъ чувствѣ не упоминали мы для того, что оно собственно принадлежитъ юношескимъ лѣтамъ, а чрезвычайно слабо не только въ дѣтскомъ, но и въ отроческомъ возрастѣ.

Трудъ нашъ приходитъ къ концу. Думая, что теорія наша основана на положительныхъ началахъ, мы осмѣливаемся надѣяться, что она будетъ нѣкогда принята. Но сіе *нькогда*, можетъ быть весьма еще отдалено. Привычка и пристрастіе къ старому препятствуютъ сильно всякому нововведенію. Но не потому ли цивилизація восточная осталась назади передъ западною, что востокъ отвергалъ полезныя нововведенія, а западъ принималъ ихъ? Въ природѣ, и въ обществѣ людей, ничего нѣтъ неподвижнаго; все имѣетъ движеніе, все преобразовывается. И наши мнѣнія, привычки, вкусъ, нужды нынѣ вовся не тѣ, какія были прежде; зачѣмъ же оставаться при прежней системѣ ученія? Согласно ли это съ правилами разсудка? Мы хотимъ, и должны быть людьми XIX столѣтія: зачѣмъ же мы учимся быть ими по преданіямъ XVIII или XVII вѣка? Какъ согласить такую несообразность? Сія несообразность оказываетъ важныя и пагубныя дѣйствія; она, между прочимъ, причиною того,

что нынѣшнее состояніе обществъ такъ неопредѣлительно, зыбко. Все выдвинулось изъ первоначальнаго мѣста своего, но ничто не утвердилось на новомъ. Мы живемъ (*) въ ужасной эпохѣ перехода и увеличиваемъ ея опасности несоотвѣтственностію ученія съ ея требованіями. Время кончиться старинной, готической, такъ сказать, системѣ умственнаго воспитанія; пора приспособить ее къ нашей современности. Все несвоевременное дурно. «Если мы не болѣе еще терпимъ вреда,» — говоритъ одинъ англійскій писатель, — «то потому только, что одинакое дѣйствіе учителей нашихъ измѣняется до нѣкоторой степени отъ дѣйствія всей массы общества. Воспитаніе не зависитъ единственно отъ той или другой системы, отъ того или другаго лица; оно, такъ сказать, падаетъ со всѣхъ сторонъ, какъ роса небесная.» Но опытъ доказалъ намъ, скажутъ, пользу сей старинной системы ученія: она приготовила и произвела

(*) Это писано было въ 1833 году. (Прим. авт.)

Трудъ нашъ приходитъ къ концу. Думая, что теорія наша основана на положительныхъ началахъ, мы осмѣливаемся надѣяться, что она будетъ нѣкогда принята. Но сіе *нькогда*, можетъ быть весьма еще отдалено. Привычка и пристрастіе къ старому препятствуютъ сильно всякому нововведенію. Но не потому ли цивилизація восточная осталась назади передъ западною, что востокъ отвергалъ полезныя нововведенія, а западъ принималъ ихъ? Въ природѣ, и въ обществѣ людей, ничего нѣтъ неподвижнаго; все имѣетъ движеніе, все преобразовывается. И наши мнѣнія, привычки, вкусъ, нужды нынѣ вовся не тѣ, какія были прежде; зачѣмъ же оставаться при прежней системѣ ученія? Согласно ли это съ правилами разсудка? Мы хотимъ, и должны быть людьми XIX столѣтія: зачѣмъ же мы учимся быть ими по преданіямъ XVIII или XVII вѣка? Какъ согласить такую несообразность? Сія несообразность оказываетъ важныя и пагубныя дѣйствія; она, между прочимъ, причиною того,

что нынѣшнее состояніе обществъ такъ неопредѣлительно, зыбко. Все выдвинулось изъ первоначальнаго мѣста своего, но ничто не утвердилось на новомъ. Мы живемъ (*) въ ужасной эпохѣ перехода и увеличиваемъ ея опасности несоотвѣтственностію ученія съ ея требованіями. Время кончиться старинной, готической, такъ сказать, системѣ умственнаго воспитанія; пора приспособить ее къ нашей современности. Все несвоевременное дурно. «Если мы не болѣе еще терпимъ вреда,» — говоритъ одинъ англійскій писатель, — «то потому только, что одинакое дѣйствіе учителей нашихъ измѣняется до нѣкоторой степени отъ дѣйствія всей массы общества. Воспитаніе не зависитъ единственно отъ той или другой системы, отъ того или другаго лица; оно, такъ сказать, падаетъ со всѣхъ сторонъ, какъ роса небесная.» Но опытъ доказалъ намъ, скажутъ, пользу сей старинной системы ученія: она приготовила и произвела

(*) Это писано было въ 1853 году. (Прим. авт.).

множество отличныхъ людей. Она ли приготовила и произвела ихъ? — спросимъ. Природа не творитъ ли великихъ людей, не только отличныхъ, не смотря ни на какія препятствія или системы? Гдѣ родился Колумбъ? Не страна ли религіозной нетерпимости произвела Ласъ-Казаса? Жан-Жакъ Руссо, сынъ часовщика, человѣка добраго, но простаго, не помнилъ, по его признанію, какъ выучился читать, и первымъ чтеніемъ его были романы; Шекспиръ, сынъ бѣднаго продавца шерсти, Торнвальдсенъ, сынъ каменьщика, не назначались, кажется, фортуною къ тому, чѣмъ они сдѣлались послѣ; натуралистъ Линне отданъ былъ въ дѣтствѣ отцемъ учиться сапожному ремеслу; механистъ Аркрайтъ (Arkwright), котораго генію Англія наиболѣе обязана тѣмъ, что ея хлопчато-бумажныя фабрики вырабатываютъ ежегодно на 40 милліоновъ стерлинговъ (тысячу милліоновъ рублей), былъ до тридцати лѣтъ простымъ цирюльникомъ; нашъ Ломоносовъ, крестьянскій сынъ, также до 16-ти лѣтъ

возраста занимался, съ отцемъ своимъ, не науками, а рыбною ловлею. Не должно ли заключить изъ сихъ примѣровъ, что сильный умъ или великія дарованія побѣждаютъ всѣ враждебныя обстоятельства, которыми судьба какъ будто старается иногда ихъ уничтожить? Но хотя природа такъ могущественна; однако никто не скажетъ, что ей вовся не нужно содѣйствовать. Кто не согласится, напротивъ, что надобно стараться помогать ей, сколько возможно болѣе и лучше.»

«Другое важное препятствіе для принятія въ употребленіе предлагаемой теперь системы дѣтскаго ученія, заключается въ средствахъ исполненія, по недостатку приличныхъ сочиненій и учителей. Учителей мало, сочиненій вовся нѣтъ. Но то и другое явится, если захотятъ родители; явится конечно не вдругъ, но вѣрно: только бы сдѣланы были первыя усилія со стороны отцевъ и воспитателей и только бы опытъ одобрилъ, передъ ними, сіи усилія. Мы сами сдѣлали бы тогда, можетъ быть,

нѣкоторыя покушенія, въ этомъ родѣ сочиненій.»

«Мы уже съ своей стороны испытали нѣсколько нашу теорію на опытѣ.» —

III.

О порядкѣ ученія.

—

Большая часть знаменитѣйшихъ педагоговъ полагаютъ, что дѣти отъ 6 (*) до 12 лѣтъ должны начинать ежедневное ученіе въ 9 или 8 часовъ утра, — 12-ти же лѣтъ и далѣе въ 7 часовъ, — и оканчивать въ обоихъ случаяхъ къ 12-ти ч., возобновляя оное послѣ обѣда

(*) Я здѣсь ни слова не говорю о младенцахъ отъ рожденія до 6 лѣтъ; ибо этотъ возрастъ не требуетъ еще полнаго тройственнаго воспитанія, но ограничивается физическимъ и отчасти нравственнымъ: только съ 6 лѣтъ въ дѣтяхъ начинаютъ вообще распускаться — ежели можно въ этомъ случаѣ такъ выразиться — *всѣ* вполнѣ способности и силы, составляющія человѣка; до тѣхъ же поръ нѣкоторыя изъ нихъ прозябаютъ въ зародышѣ, неявляя еще никакого признака существованія.

отъ 3-хъ до 6-ти часовъ вечера. Чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ короче и разнообразнѣе должны быть уроки; такъ что почти до 9-ти лѣтняго возраста упражненія должны мѣняться каждые *полъ часа*, чтобы неутомлять одной и той же способности, еще слабой и не могущей переносить долгаго напряженія; по мѣрѣ развитія способностей и усовершенствованія ихъ, уроки должны увеличиваться, непревышая впрочемъ никогда двухъ часовъ сряду для каждаго предмета. Подкрѣпленіемъ этому правилу служитъ распредѣленіе ученія въ разнаго рода общественныхъ заведеніяхъ Европы, для различныхъ возрастовъ предназначенныхъ. Первые уроки въ днѣ должны относиться къ наукамъ, развивающимъ *разсудокъ* или *мышленіе*, наприм: математическимъ, логическимъ, Грамматическому изученію отечественнаго языка, основаніямъ сельскаго хозяйства, торговли и промышленности; потомъ слѣдуютъ предметы, дѣйствующіе преимущественно на *память*, какъ способность, служащую къ подкрѣпле-

нію разсудка: исторія, географія, статистика, иностранные языки, и т. д.; послѣ того являются науки, образующія *совѣсть, волю, нравственность, вкусъ, воображеніе*: религія, нравоученіе, словесность, черченіе и рисованіе; наконецъ онѣ смѣнятся еще занимательнѣйшими для дѣтей и легчайшими, относящимися опять болѣе къ *памяти*, какъ способности, подкрѣпляющей исчисленныя качества, или къ *чувственной опытности*: Священная исторія и разное чтеніе; чистописаніе (каллиграфія); музыка и пѣніе; рукодѣлья и нѣкоторыя ремесла; наконецъ основанія Ботаники, Зоологіи, Минералогіи и даже опытной Физики, Химіи и пр. Гимнастика и различныя игры, перемѣшанныя съ уроками, особливо въ первомъ возрастѣ, составляютъ время умственнаго отдохновенія. Эта послѣдовательность основана на постепенности утомленія физическихъ и моральныхъ силъ ребенка.

Въ концѣ книги приложены *таблицы занятій* цѣлаго дня, для трехъ дѣтскихъ или какъ называетъ Д. *Ястреб-*

цовъ отроческихъ возратовъ отъ 6 до 9,— до 12 и — до 15 лѣтъ, составленныя по лучшимъ руководствамъ и соображенныя съ потребностями высшаго класса націи и съ различными у насъ временами года.

Само собою однако разумѣется, что способностей нельзя ограничить въ точности лѣтами: тутъ приняты общіе сроки возрастовъ; но нерѣдко случается, что иный ребенокъ 8-ми лѣтъ уже смѣтливѣе 10-ти лѣтняго; принаровленіе предлагаемыхъ правилъ къ практикѣ зависитъ отъ силы развитія физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ качествъ дѣтей, на чемъ родители должны основывать все воспитаніе.

Таблицы заключаютъ въ себѣ окончательную программу *общаго* домашняго *образованія* молодыхъ людей высшаго сословія. Пятнадцати-лѣтній возрастъ принятъ въ семъ случаѣ предѣломъ потому, что шестнадцати-лѣтнимъ, по нашимъ законамъ, уже предоставляется право на вступленіе въ службу: остается годъ для спеціальнаго

приготовленія къ избранному поприщу. Впрочемъ, такъ какъ у насъ мальчики обыкновенно оканчиваютъ воспитаніе въ казенныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; то и зависитъ отъ воли родителей сдѣлать выборъ свѣдѣній, сообразно съ курсами того или другаго рода училищъ, откинувъ высшіе предметы ученія, въ послѣдней таблицѣ поименованные.

Для воскресныхъ и праздничныхъ дней занятій не назначается; но въ оные можно, подъ видомъ бесѣдъ, разговоровъ или даже игръ, дѣлать испытанія дѣтямъ во всемъ, ими пройденномъ, а время отъ времени — по третямъ года или при продолжительныхъ праздникахъ — и формальные экзамены, съ назначеніемъ различныхъ поощреній отличившимся. Въ эти же дни дѣти обыкновенно изготовляютъ сочиненія и переводы для чтенія по вечерамъ или занимаются любимѣйшими своими предметами, не считая того ученьемъ.

IV.

О начальномъ образованіи вообще и раздѣленіи онаго по классамъ народа.

—

Физическое, нравственное и *умственное воспитаніе* человѣкъ или получаетъ въ юности отъ родителей и наставниковъ или даетъ въ послѣдствіи самъ себѣ. Первое изъ нихъ есть, такъ сказать, *основное* и вмѣстѣ съ тѣмъ *вспомогательное* въ нашей жизни: оно направляетъ способности, содѣйствуетъ гармоническому, а иногда и несоразмѣрному, ихъ развитію; образуетъ нашъ взглядъ на вещи; учитъ извлекать изъ нихъ пользу; приготовляетъ насъ къ жизни и составляетъ ея основаніе. Каковъ заложишь фундаментъ — такова будетъ и храмина! Слѣдовательно

вспомогательное или *основное воспитаніе* есть важнѣйшее и труднѣйшее дѣло людей, священный долгъ преходящаго поколѣнія грядущему. Но и это *вспомогательное воспитаніе* раздѣляется еще на *начальное* — пріобрѣтаемое ребенкомъ иногда въ начальныхъ училищахъ, преимущественно же въ нѣдрахъ своего семейства, подъ надзоромъ родителей, которые располагаютъ имъ, дѣлаютъ планъ и кладутъ первый камень того основанія, на коемъ въ послѣдствіи воздвигнется цѣлое зданіе его усовершенствованія, — и *оконча-тельное* — получаемое молодымъ человѣкомъ рѣдко дома, но большею частію въ общественныхъ заведеніяхъ и служащее постепеннымъ переходомъ къ усовершенствованію непосредственному. —

Въ этой книгѣ только одно *начальное основное воспитаніе* составляетъ предметъ разсужденій; остальное же не входитъ въ ея содержаніе.

Нѣкоторые полагаютъ, что весь народъ долженъ имѣть общее просвѣще-

ніе, одинакое для всѣхъ его классовъ; другіе же напротивъ думаютъ, что низшія сословія, воздѣлывающія землю, пасущія стада и вообще занимающіяся тяжелою, грубою работою, не должны имѣть никакого образованія: — и тѣ и другіе очень ошибаются.

Если отвергнуть неподвижность Китайцевъ и предположить для массы народа усовершенствованіе; то неоспоримымъ является слѣдствіемъ, что въ этомъ усовершенствованіи должны соразмѣрно участвовать всѣ его отдѣльныя части или классы, каждый собственно въ своемъ отношеніи, дабы цѣлое не потеряло стройности и не сдѣлалось уродливымъ феноменомъ. Во всемъ должна существовать гармонія: она есть свойство красоты вещественной и нравственной; условіе равновѣсія, силы и правильности дѣйствія. Низшіе классы не могутъ, конечно, гоняться за высокими теоріями генія; но и не должны въ практическихъ своихъ занятіяхъ отставать отъ вѣка: иначе труды ученыхъ будутъ имъ безполезны, а ихъ работы

недостаточны, неприличны для высшихъ классовъ; одно сословіе не будетъ удовлетворять потребностямъ другаго, каждое изъ нихъ пойдетъ особнякомъ — и связь общества нарушится.

Въ этомъ случаѣ весьма справедливо говоритъ Русская поговорка: *«не то хорошо, что хорошо; а то хорошо, что къ чему пригодно.»*

Цѣль воспитанія простаго народа, конечно, не состоитъ въ обширной учености или въ поверхностномъ и безполезномъ многознаніи; но въ свѣдѣніяхъ, ему собственно приличныхъ, сообразныхъ съ его назначеніемъ, соотвѣтственныхъ обстоятельствамъ и отношеніямъ его ко всему обществу; въ благоразумномъ, нравственномъ и религіозномъ образованіи. Наставленіе простолюдиновъ должно ограничиваться въ наше время не многими самонужнѣйшими основными понятіями, къ общей цѣли народнаго просвѣщенія клонящимися.

Прилично образованныя физическія и нравственныя силы народа — для Государства истинная прибыль: люди,

съ полезными, свойственными ихъ назначенію познаніями, суть надежнѣйшіе и мужественнѣйшіе защитники Государства, справедливѣйшіе судьи, вѣрнѣйшіе исполнители закона, зажиточнѣйшіе домоводцы, лучшіе земледѣльцы, честнѣйшіе торговцы, искуснѣйшіе мастеровые, художники, заводчики и фабриканты; словомъ: полезные, добрые, благомыслящіе подданные.

И такъ *образованію каждаго класса* необходимо надлежитъ быть: съ одной стороны, *приличнымъ его собственному назначенію и кругу его дѣйствій*; а съ другой, *соразмѣрнымъ просвѣщенію и потребностямъ всѣхъ прочихъ частей народа.*

Отсюда и *воспитаніе* для каждаго изъ этихъ классовъ различно, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ, первыхъ его началъ; эти-то начала составляютъ *общую* часть *первоначальнаго образованія*; а прочее ученіе дѣлается *особеннымъ* или, что называется, *спеціальнымъ. Окончательное образованіе* должно быть все, въ полномъ смыслѣ, *спеціальное* — какъ

Народъ Русскій, относительно идеи воспитанія, можно раздѣлить на *три отдѣла*: 1-й, *низшій классъ* — крестьяне государственные и помѣщичьи, дворовые люди, низшіе ремесленники, промышленники и всѣ прочіе, занимающіеся грубою, черною работою; 2-й, *средній классъ* — мѣщане, цѣховые, высшіе промышленники и ремесленники, заводчики и фабриканты, купечество (почетные граждане) и мѣлкопомѣстное дворянство; 3-й, *высшій классъ* — духовенство, дворянство и высшее или образованнѣйшее купечество (негоціанты, банкиры и проч.).

Согласно съ этимъ распредѣленіемъ сословій и *начальное* пріуготовительное ихъ *образованіе* должно заключать въ себѣ слѣдующіе предметы, раздѣляясь на *общее* и *особенное* для каждаго изъ *трехъ отдѣловъ*.

ОБЩЕЕ НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

(*Въ обширномъ смыслѣ для всей націи.*)

1. *Природный языкъ:* чтеніе и письмо.

2. *Религія:* Чтеніе Библіи, объясненіе 10-ти заповѣдей, потомъ основанія катехизиса, Символъ вѣры, молитвы. (Преподаваніе производится духовенствомъ).

3. *Математика:* Счисленіе, 4 правила ариѳметики, понятіе о дробяхъ и въ особенности объ именованныхъ числахъ, объясненіе прямыхъ и кривыхъ линій, плоскостей и тѣлъ, приспособленное къ упражненію каждаго.

4. *Нравоученіе:* Простыя правила нравственности Христіанской въ примѣрахъ, изъ быту каждаго заимствованныхъ; искорененіе общихъ и мѣстныхъ предразсудковъ, дурныхъ наклонностей и пороковъ.

5. *Гигіена:* Простыя наставленія для сохранія здоровья; объясненіе обыкновеннѣйшихъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ; указаніе причинъ и ближайшихъ простыхъ средствъ помощи; отвращеніе вредныхъ привычекъ.

6. *Естествознаніе:* а) мѣстная *зоологія*, *ботаника* и *минералогія*: познаніе мѣстной природы и ея произведеній, касательно пользы ихъ или вреда, воздѣлыванія и хожденія, преимущественно же въ промышленномъ и медицинскомъ отношеніяхъ; б) первыя начала или основанія *Физики* (особливо *Механики*), *Химіи* и *Геогнозіи*: объясненіе общихъ свойствъ и силъ природы, ихъ дѣйствій, кряжей земли, годныхъ для различнаго употребленія, наконецъ простыхъ орудій, коими человѣкъ пользуется въ своихъ работахъ, и способовъ изобрѣтенныхъ имъ для измѣненія качествъ и вида природы.

7. *Гимнастика:* Тѣлесныя упражненія вообще; игры, рукодѣлья и проч.

8. *Образованіе пяти чувствъ*, въ особенности *зрѣнія* и *слуха:* глазомѣръ, пѣніе.

Изъ программы этой мы видимъ, что все вообще *физическое* и *нравственное воспитаніе* составляетъ главнѣйшій предметъ *общаго начальнаго образованія*, *умственное* же входитъ въ него только

отчасти — въ основаніяхъ *роднаго языка* и *математики*, клонящихся преимущественнѣе къ развитію мышленія, нежели къ просвѣщенію ума, и въ началахъ *естествознанія*, относящихся до чувственной опытности и мѣстныхъ потребностей, а не до обширности въ теоретическихъ свѣдѣніяхъ и классификаціи всѣхъ произведеній природы.

Собственно *ученіе* производится только въ предметахъ, къ тремъ первымъ отраслямъ свѣдѣній относящихся, а именно: къ *языкознанію*, *религіи* и *математикѣ*; о прочихъ же — всѣ сословія получаютъ нужныя понятія или чрезъ чтеніе *начальныхъ руководствъ* и *народныхъ книжекъ*, для каждаго изъ сихъ сословій нарочно составленныхъ; или чрезъ практическія упражненія и работы, которыя уже зависятъ не столько отъ теорій, сколько отъ опытовъ; или наконецъ чрезъ наставленія и примѣры самихъ отцовъ и матерей: только дѣйствуя на сихъ послѣднихъ и, такъ сказать, приготовляя ихъ съ юности къ выполненію всѣхъ своихъ важныхъ о-

бязанностей можно постепенно улучшить нравы, бытъ, состояніе, труды нашихъ поселянъ, ремесленниковъ, торговцовъ, да и всего вообще народа.

Особенное начальное образованіе.

Особенность или *спеціальность образованія* заключается въ *способѣ* и *объемѣ* наставленія.

Самый *способъ* объясненія общихъ начальныхъ предметовъ, необходимыхъ во всякомъ сословіи, и практическое въ нихъ упражненіе могутъ быть различны по различію классовъ народа, стѣснены или распространены по мѣрѣ потребности каждаго изъ нихъ и отношенія къ цѣлому обществу, приспособлены къ ихъ понятіямъ, быту и языку. Они даже еще разнообразятся, смотря по свойствамъ, способностямъ, силамъ и полу каждаго въ частности: — но тутъ уже все зависитъ отъ внимательѣ-

ности самихъ родителей или наставниковъ.

Объемъ наставленія долженъ согласоваться совершенно съ тою цѣлію, къ которой кто предназначается, и состоитъ какъ въ большемъ или меньшемъ развитіи общихъ, такъ и въ добавленіи къ нимъ особенныхъ предметовъ ученія, необходимаго для человѣка въ томъ или другомъ состояніи.

Въ главныхъ чертахъ своихъ *спеціальное образованіе* раздѣляется соотвѣтственно *тремъ классамъ* народа.

а) *Особенное начальное образованіе низшаго класса народа.*

Для людей крестьянскаго и тому подобныхъ сословій, вообще по губерніямъ, весьма достаточно одно начальное, основное ученіе: *законъ Божій*, *чтеніе*, *писаніе* и *начала ариѳметики*, т. е. *счисленіе*, *сложеніе*, *вычитаніе*, *умноженіе* и *дѣленіе* — преимущественно на щетахъ, биркахъ и т. п., — и *именованныя количества*, какъ то: мѣры

разстоянія и емкости, вѣсъ на безмѣнѣ и вѣсахъ и т. д., обывателямъ же городовъ и мануфактурныхъ или ремесленныхъ селеній, а также дворовымъ людямъ въ богатыхъ помѣстьяхъ, конечно весьма полезно было бы имѣть кромѣ того, хотя нѣкоторое понятіе о началахъ *геометріи*, *зодчества*, *механики*, *химіи* и нѣкоторыхъ другихъ *естественныхъ наукахъ*, смотря по мѣстнымъ надобностямъ; но это уже болѣе относится къ роскоши познанія, нежели къ существенной *въ наше время* необходимости.

Нравственное и *физическое воспитаніе* простолюдиновъ должно все ограничиваться приспособленіемъ къ нимъ только однихъ общихъ началъ и пріученіемъ съ малолѣтства къ *трудолюбію*, *воздержности*, *бережливости*, *покорности* и *перенесенію* всякаго рода *неудобствъ*, какъ въ отношеніи *климата* и *способовъ жизни*, такъ и *грубыхъ ихъ занятій*, дабы ни тѣ, ни другія не были имъ въ тягость.

Что же касается до *реальнаго обра-*

зованія, т. е. до *практическихъ упражненій*, составляющихъ главный предметъ *воспитанія* низшаго класса, коего *цѣлію* долженъ быть преимущественно *матерьяльный трудъ*; то въ этомъ отношеніи представляются для него совсѣмъ отличныя отъ прочихъ сословій потребности. Ему нужны, точное познаніе, особенная ловкость и навыкъ во всѣхъ ежедневныхъ грубыхъ работахъ, кругъ его дѣятельности заключающихъ: умѣнье ходить за разнаго рода растеніями и животными, воздѣлывать и обработывать тѣ или другія кряжи земли, выдѣлывать различныя произведенія въ видѣ сырыхъ матерьяловъ и т. п.; наконецъ — для удобствъ жизни — крестьянину необходимо самому разумѣть какъ выстроить избу, сладить телѣгу, соху, плугъ, борону, сшить себѣ платье, сварить кушанье и проч.; — для успѣшности же работъ — понимать свойства и дѣйствія того или другаго рода мельницъ, какія гдѣ по мѣстности въ употребленіи, молотиленъ, вѣялокъ и другихъ простыхъ машинъ и орудій;

мастерски пахать, боронить, жать, косить, метать ометы, класть скирды, молотить; словомъ сказать: *поселянинъ или низшій ремесленникъ и промышленникъ долженъ разумѣть все, что относится до его сельскаго или городскаго быта и промысла.* Нѣкоторые изъ нихъ, особливо находящіеся въ числѣ дворни, нерѣдко имѣютъ сверхъ того еще иныя отдѣльныя предназначенія: они рыболовы, охотники, пчеловоды, скотники, птичники, огородники и т. п.; но это уже главнѣйше зависитъ отъ расположенія и способности каждаго къ тому или другому роду промысловъ.

Руководство юношества въ подобныхъ *упражненіяхъ* должно согласоваться со всѣми этими потребностями и собственно составляетъ *спеціальность образованія низшаго класса народа.*

При этомъ случаѣ весьма умѣстнымъ считаю замѣтить, что въ нашемъ отечествѣ *метода образованія* вообще рабочихъ и промышленныхъ классовъ должна быть совершенно различна отъ прочихъ Государствъ. Тамъ множество лю-

дей сближено на маломъ пространствѣ — у насъ не столь большое въ относительномъ смыслѣ число ихъ разсѣяно на необозримой поверхности; тамъ метода Белла и Ланкастера сдѣлала повсюду изумительные успѣхи, — у насъ она находитъ естественное и потому непреодолимое препятствіе въ мѣстности: нельзя соединять такого большаго количества дѣтей вмѣстѣ, ибо невозможно свозить ихъ въ одну школу на время ученья изъ дальныхъ селъ и деревень; слѣдовательно поневолѣ должно обучать ихъ, хотя не совсѣмъ по-одиначкѣ, но однако весьма малыми группами, — а для этого потребуются цѣлыя полчища начальныхъ учителей; что невозможно. Сіе неудобство, конечно, отвращается въ нѣкоторомъ отношеніи благодѣтельными мѣрами, къ умноженію приходскихъ и уѣздныхъ училищъ принятыми, учрежденіемъ реальныхъ классовъ, и наставленіемъ народа посредствомъ лицъ духовнаго сословія. Съ этой стороны сдѣлано все, что возможно; но съ другой есть еще средство, которое у насъ во-

вся не испытано или по крайней мѣрѣ неимѣетъ до сихъ поръ ни цѣли, ни должнаго направленія.

Взглянемъ на ежедневный опытъ и извлечемъ это средство изъ самаго хода вещей: ежели сличите число грамматеевъ въ низшихъ классахъ за 30, 20 и 10 лѣтъ тому назадъ съ настоящимъ ихъ количествомъ — вы удивитесь быстротѣ, съ которою распространяется у насъ повсемѣстно знаніе Русской грамматы! Давно ли трудно было найти одного писаря въ богатомъ, многолюдномъ селеніи? Теперь вы ихъ найдете во многихъ мѣстахъ десятками, даже нерѣдко встрѣтите цѣлыя села, въ которыхъ всѣ читаютъ и пишутъ, особливо по губерніямъ мало- и худо-земельнымъ, гдѣ занятія жителей составляютъ исключительно мѣлкая торговля, промыслы и рукодѣлья. Но тотъ, кто умѣетъ только *читать*, уже находитъ полезное употребленіе празднаго своего времени, обыкновено истребляемаго во вредъ души и тѣла, и имѣетъ уже *наставника въ книгахъ*: вотъ *средство*, которымъ

можно воспользоваться для образованія каждаго, соотвѣтственно его назначенію, потребностямъ, быту и цѣли его жизни въ обществѣ. Въ этомъ отношеніи случай или собственный произволъ рѣдко ведетъ къ пользѣ и почти никогда не находитъ скоро истиннаго пути, дѣйствуя на удачу — ощупью. Младенчество вездѣ и во всемъ должно быть руководимо; но оно всегда само укажетъ наблюдательности наставника свойства необходимаго для него руководства. Наша младенчествующая часть націи уже начинаетъ читать; но какое подготовляется ей *чтеніе?* Съ одной стороны безполезныя, суевѣрныя и вовся не нравственныя идеи, облеченныя въ формы, имъ понятныя, ласкающія ихъ грубую чувственность, разсказываемыя ихъ языкомъ или размалеванныя яркими красками лубочнаго искуства, притомъ дешевыя и доступныя во всѣхъ отношеніяхъ для самаго бѣднаго и невѣжественнаго читателя; а съ другой — результаты опыта, относящіеся къ практическимъ занятіямъ этихъ со-

словій, идеи и свѣдѣнія полезныя, могущія усовершенствовать ихъ трудъ, характеръ, наклонности, нравственность; но изображенныя языкомъ и примѣрами для нихъ совершенно чуждыми, зарытыя въ толстыхъ волюмахъ теоретической учености, заимствованныя не изъ ихъ собственнаго быту и промышленности, а изъ иноземной практики, непринаровленныя ни къ нашему климату, ни къ почвѣ, ни къ степени образованія, даже неприспособленныя къ нашимъ нуждамъ и потребностямъ, а притомъ дорогія, недоступныя во всѣхъ отношеніяхъ для простолюдиновъ.

Чтобы уменьшить вліяніе книжекъ безполезныхъ, неимѣющихъ цѣли и ни къ чему неведущихъ, облеките въ приличныя формы, направьте къ пользѣ и постепенному усовершенствованію простыя, точныя познанія нашей мѣстности, нашихъ промысловъ, нашей собственной опытности, нашей нравственности, — даже не пренебрегите для дешевизны и лубочнымъ искуствомъ при распространеніи этихъ общеполезныхъ

свѣдѣній; — тогда предъ вами откроется въ полномъ развитіи тотъ *способъ самоученія*, который у. насъ существовать можетъ, ибо онъ намъ естественъ и по мѣстоположенію и по образу жизни, который уже у насъ и существуетъ, неимѣя только должнаго направленія и приличнаго руководства.

При быстрыхъ успѣхахъ, какіе дѣлаетъ въ настоящее время среди сословій крестьянъ, мѣщанъ, особенно же купцовъ и ремеслепниковъ *чтеніе Русской грамматы* и, можно даже сказать, страсть къ чтенію (въ чемъ могъ я убѣдиться собственнымъ опытомъ, проѣзжая недавно нѣкоторыя губерніи Россіи) — *изданіе народныхъ сочиненій* или *руководствъ* (этому уже была сдѣлана слабая попытка) разумѣется дешевыхъ, принесло бы двоякую пользу: во-первыхъ, оно послужило бы къ распространенію познаній точныхъ, необходимыхъ для промышленныхъ сословій, въ слѣпотѣ невѣжества ищущихъ усовершенствованія въ мѣлкихъ, частныхъ опытахъ, непередаваемыхъ отъ одного

къ другому и неимѣющихъ никакой цѣли, никакой общности и связи, никакихъ важныхъ послѣдствій; во-вторыхъ, эти книжки отвлекли бы, можетъ быть, народъ отъ чтенія безполезныхъ и нелѣпыхъ романовъ, въ ихъ духѣ и понятіяхъ писанныхъ, отъ вздорныхъ сказокъ, такъ щедро разливающихъ вездѣ и обо всемъ ложныя понятія, и отъ лубочныхъ картинъ съ нелѣпыми объясненіями. Какого плода можно ожидать отъ подобнаго чтенія, кромѣ суевѣрія, разврата, превратности сужденій и истребленія всякой идеи о прямыхъ обязанностяхъ этого класса людей? Даже чтеніе газетъ, столь употребительное вездѣ, вмѣсто распространенія общаго просвѣщенія, не приводитъ ли большую часть изъ нихъ къ весьма забавнымъ и вовся безполезнымъ толкамъ? Каждое сословіе имѣетъ свой взглядъ на вещи, свой образъ мыслей и понятій, свою степень образованности, даже свой языкъ: писать для одного состоянія — не значитъ еще писать для всѣхъ. Большая часть нынѣш-

нихъ писателей для народа не знаетъ его потребностей въ этомъ отношеніи; ихъ басни издаются безъ строгаго выбора предметовъ и имѣютъ вредныя слѣдствія. Первое развитіе умственныхъ и нравственныхъ способностей, такъ называемой, низшей читающей публики — начинается на романахъ и сказкахъ! Не должно ли этимъ младенчествующимъ читателямъ дать полезную цѣль, указать настоящій путь? Въ этомъ смыслѣ, какъ уже выше сказано, безспорно ощутительную принесло бы пользу *изданіе* какъ *народныхъ сочиненій и руководствъ по различнымъ отраслямъ хозяйства, искуствъ, художествъ, ремеслъ и торговли*, такъ и *ручныхъ книжекъ народной Гигіены, съ присовокупленіемъ самыхъ простыхъ правилъ нравоученія*; подобныя книжки писанныя языкомъ простолюдиновъ, были бы истиннымъ сокровищемъ при настоящемъ положеніи умовъ, нравовъ и образѣ жизни нашихъ поселянъ.

—

б) *Особенное начальное образованіе средняго класса народа.*

Для мѣщанъ, высшихъ цеховыхъ ремесленниковъ, промышленниковъ и торговцовъ, равно какъ и для мѣлкопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ дворянъ, — нерѣдко составляющихъ во многихъ мѣстахъ Россіи многолюдныя селенія и неимѣющихъ иногда другой собственности, кромѣ одного своего двора и нѣсколькихъ десятинъ земли, — вовся не нужно того блестящаго просвѣщенія, какое отличаетъ высшія части общества и возможно только при достаткѣ. *Назначеніе* этого класса людей состоитъ *въ усовершенствованіи всякаго рода промышленнаго труда*: слѣдовательно и *воспитаніе* ихъ юношества должно имѣть цѣлію *личный трудъ каждаго, расчетливость, оборотливость* и притомъ строгую *честность*, словомъ сказать: *издѣлія* и *торговлю*.

Физическое и *нравственное* образованіе средняго класса уже нѣсколько превышаетъ образованіе низшаго, ограничиваясь впрочемъ также основными,

общими предметами, съ приспособленіемъ ихъ токмо къ роду жизни и занятій каждаго изъ среднихъ сословій.

Разница между этими двумя отдѣлами націи состоитъ въ томъ, что простолюдину нужно болѣе силы для количества труда, а человѣку средняго состоянія — болѣе умѣнья для качества онаго; тотъ извлекаетъ сырые матерьялы, — этотъ переработываетъ ихъ и измѣняетъ въ безчисленныя виды; тотъ имѣетъ дѣло съ произведеніями природы, — этотъ съ силами и свойствами ея; тотъ трудится на мѣстѣ, — этотъ переноситъ свою дѣятельность; тотъ получаетъ вознагражденіе отъ трудовъ и природы, — этотъ отъ трудовъ, времени, пространства и смѣтливости.

Изъ этого слѣдуетъ, что *классъ среднихъ званій есть источникъ всякаго рода промышленной дѣятельности и всякаго рода богатства*; отсюда какъ потребности его, такъ и познанія, ихъ степень, объемъ и направленіе — неисчислимо разнообразны: для него нельзя опредѣлить какихъ либо наукъ, ис-

куствъ или художествъ особенно. Нѣтъ! ему нужна вся практическая энциклопедія — и не столько въ стройной системѣ, сколько на дѣлѣ и опытѣ; не общая для всѣхъ членовъ, составляющихъ это разноцвѣтное звѣно народное, но раздробленная на части, раздѣленная по цехамъ и товариществамъ, какъ раздѣлены и самыя ихъ занятія. Ибо само собою разумѣется, что готовящійся въ сапожники не долженъ заниматься зодчествомъ; торгашу нѣтъ никакой нужды въ предварительномъ знаніи устройства машинъ и употребленія паровъ; точно также какъ повару — въ выдѣлкѣ кожъ или металловъ; а фабриканту и заводчику можно весьма обойтись безъ искуства кроить фраки или со вкусомъ накалывать на шляпки по послѣднему фасону цвѣты и ленты. Всякому нужно свое ученіе: здѣсь въ полномъ развитіи господствуетъ идея раздѣленія труда.

Такимъ образомъ ясно видно, какъ трудно опредѣлить для этого класса народа съ точностію черты его образова-

нія, спеціальнаго до величайшей дробности, особливо же наставленія въ практическихъ занятіяхъ; постараюсь однако сдѣлать въ этомъ случаѣ хотя важнѣйшій очеркъ.

Къ общимъ начальнымъ предметамъ: *чтенію, письму, закону Божію,* и проч. преимущественно надлежитъ прибавить, противъ низшаго класса: *черченіе*, *рисованіе* съ натуры, а для таланта и *живопись.*

Въ нѣкоторыхъ же сословіяхъ весьма полезны свѣдѣнія въ *Нѣмецкомъ* и даже другихъ *языкахъ*, какъ наприм. въ *Англійскомъ* и нѣсколько въ *Латинскомъ*, для узнанія усовершенствованій, сдѣланныхъ въ Европѣ по части мануфактуръ, выдѣлки разныхъ веществъ и матерій, а также номенклатуры, употребляемой при объясненіи разныхъ красильныхъ и другихъ химическихъ составовъ или простыхъ медикаментовъ: ученые въ этомъ случаѣ имъ не помогутъ; — пока сами фабриканты и заводчики наши нестанутъ читать иностранныхъ книгъ, извлекать своихъ вы-

годъ изъ заграничныхъ опытовъ, а главное *приспособлять* ихъ *къ нашимъ произведеніямъ и описывать собственные опыты и успѣхи*; до тѣхъ поръ не будетъ у насъ ни оригинальныхъ по этимъ частямъ руководствъ и твореній, ни даже языка ремесленнаго, заводскаго или скотоврачебнаго; до тѣхъ поръ не избавимся мы въ этомъ случаѣ ни Латинизмовъ, ни Германизмовъ, ни Галлицизмовъ (*); не сыщемъ родныхъ звуковъ для выраженія безпрестанно размножающихся нашихъ потребностей и способовъ къ ихъ удовлетворенію; съ непростительною безпечностію на вѣкъ затеряемъ употребленіе мѣстныхъ названій и словъ, творческою силою нужды тамъ и сямъ водворяемыхъ.

Наиболѣе же всего могутъ быть полезны для средняго класса: *прикладная математика*, *Естествознаніе и Ста-*

(*) Чувствую, что въ общемъ только, взглядѣ на *начальное воспитаніе*, принужденъ уже уступить силѣ вкоренившихся въ нашемъ языкѣ иностранныхъ выраженій; ибо въ противномъ случаѣ долженъ былъ бы употреблять слова, несоотвѣтствующія всѣмъ оттѣнкамъ понятій, или вводить новыя, неизвѣстныя и сдѣлаться такимъ образомъ слишкомъ темнымъ и непонятнымъ.

тистика, въ видахъ и отрасляхъ, его кругу занятій приличныхъ, наприм: *бухгалтерія* (счетоводство) *и всѣ торговыя и камеральныя науки*: *Геометрія*, *Физика* (особливо *Механика*) и *Химія*, приспособленныя къ ремесламъ, искуствамъ, и художествамъ; мѣстныя *Геогнозія и Естественная исторія*, касательно животноводства, огородничества, садоводства, лѣсоводства, винодѣлія, шелководства, горныхъ промысловъ, и проч. *Скотоврачебное искуство* и *Фармацевтика*; *Статистика* отечественная и сосѣднихъ земель въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ; *Географія Россійскаго Государства*, въ особенности по части сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній; наконецъ *Технологія*, *Зодчество* и другія подобныя науки.

Сверхъ того многіе изъ этого класса уже не могутъ пренебрегать и *юридическимъ образованіемъ*, хотя не общимъ, но по крайней мѣрѣ до познанія обязанностей каждаго цѣха и товарищества касающимся; ибо ихъ трудъ часто требуетъ сообщества, подрядовъ и безпре-

станныхъ сношеній съ лицами всѣхъ состояній, а также нерѣдко и съ присутственными мѣстами.

Что же касается до *реальныхъ* (практическихъ) *занятій*, т. е. ремеслами, рукодѣльями, искуствами, художествами, словомъ сказать: собственно до *промышленностнаго образованія*; то оно въ полномъ своемъ развитіи принадлежитъ *среднему классу націи*. Исчислять всѣ предметы необходимаго для того наставленія было бы излишне: ибо все, что только относится до промысловъ, издѣлій и ихъ сбыта, все входитъ въ кругъ его дѣятельности, а слѣдственно и въ кругъ воспитанія юношества.

Въ среднемъ классѣ народа и *женское образованіе* отлично отъ низшаго: тамъ оно совершенно почти одинаково съ мужскимъ, потому что жены простолюдиновъ занимаются по большей части тѣмъ же, чѣмъ и они сами; здѣсь женщины не раздѣляютъ трудовъ мужчинъ, рѣдко даже участвуютъ въ нихъ, но вспомоществуютъ промышленности мужей своихъ *домоводствомъ*, *руко-*

дѣльми и ремеслами, имъ свойственными.

Физическое и *нравственное воспитаніе женщинъ* этого класса должно быть нѣсколько нѣжнѣе и выше воспитанія простой крестьянки, а *эстетическое* — особенно въ большихъ городахъ и столицахъ, гдѣ такъ сильно властвуетъ во всемъ мода — доведено до возможной для нихъ утонченности вкуса; наконецъ *ученіе* ихъ, обыкновенно оставляемое въ совершенномъ небреженіи, должно согласоваться съ занятіями, къ каковымъ онѣ предназначаются, не теряя при томъ изъ виду и семейныхъ обязанностей.

Мнѣ остается только присовокупить, что при исчисленіи предметовъ образованія средняго класса народа, который такъ разнообразенъ по своему составу, цѣли и потребностямъ, я взялъ въ размѣръ высшія его сословія; прочія, смотря по своему предназначенію, болѣе или менѣе должны приближаться къ сословіямъ людей, занимающихся черною работою.

Воспитаніе дѣтей вообще, но преиму-

щественно реальное, какъ уже выше замѣчено, должно сообразоваться или съ ихъ особыми наклонностями и свойствами или съ тѣмъ, къ чему хотятъ ихъ приготовить.

«Бѣда, коль пироги пачнетъ печи сапожникъ;
А сапоги тачать пирожникъ:
Ужъ дѣлу не пойти на ладъ.
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.»

Вотъ прекрасное и истинное изображеніе состоянія недоучекъ и переучекъ — обыкновенныхъ, даже неминуемыхъ явленій полупросвѣщенія, несоотвѣтствующаго ни состоянію и потребностямъ народа, ни отношеніямъ сословій его между собою.

в) *Особенное начальное образованіе высшаго класса народа.*

До сихъ поръ разсматривали мы части народа промышленностныя, рабочія, торговыя; теперь является классъ

потребляющій, распорядительный, совершенствующій; тамъ силы вещественныя, коммерческія; здѣсь силы нравственныя, творческія: какое различіе въ назначеніяхъ! какая противуположность въ нуждахъ, бытѣ, занятіяхъ, въ составѣ.

Въ высшемъ отдѣлѣ массы людей, составляющихъ государство, вы встрѣтите и пастыря — блюстителя чистоты нравовъ, сѣятеля Слова Божія въ сердцахъ народныхъ, и воина — блистающаго оружіемъ и доблестію, опору спокойствія внѣшняго, и судію — твердаго исполнителя закона, ограду спокойствія внутренняго, и сельскаго хозяина — основу народнаго благосостоянія, и мудреца — двигателя умовъ, и поэта — двигателя сердецъ, и банкира или негоціанта — двигателя трудовъ и капиталовъ, и высшаго фабриканта, заводчика, спекулатора — душу промышленной дѣятельности, и талантъ — роскошь націи; и наконецъ ловкаго, милаго, образованнаго молодаго человѣка — красу и прелесть гостинной. Ка-

кой разноцвѣтный вѣнокъ — достойное окружіе главы общества, блистательное подножіе трона власти! Сколько разнородныхъ, драгоцѣнныхъ камней и металловъ онъ въ себѣ совмѣщаетъ и какова должна быть отдѣлка этихъ сокровищъ, усыпающихъ лучшее звѣно народное!

Неудивляйтесь же, что свѣтъ требуетъ много отъ юныхъ питомцевъ, готовящихся къ такимъ высокимъ предназначеніямъ: вы сами составляете частицу этого свѣта, вы собою поддерживаете, увеличиваете его неимовѣрныя требованія; неудивляйтесь также и той обширности трудовъ, которая предстоитъ нѣжному дѣтству будущихъ представителей своего вѣка; убѣдитесь въ необходимости этихъ трудовъ съ самаго ранняго возраста для дѣтей вашихъ и подайте руку опытной помощи слабому юношеству, которое должно нѣкогда достойно замѣнить васъ на мірскомъ поприщѣ, не лишайте ихъ родительскаго вашего руководства; не отымайте у нихъ на пустяки драгоцѣннаго времени, ко-

тораго вы не въ состояніи будете имъ ни чѣмъ вознаградить; пріучите ихъ видѣть, понимать и не тяготиться тѣмъ, что они должны подъять, дабы отвѣтствовать нѣкогда всѣмъ требованіямъ, какія будутъ къ нимъ обращены, дабы со славою разыграть высокую, полезную роль, имъ предназначенную.

Высшій классъ народа есть источникъ всякаго рода дѣятельности умственной и нравственной; а потому и воспитаніе его столько же различно отъ воспитанія прочихъ классовъ, сколько различествуютъ между собою силы ума, воли, вкуса, отъ силъ матерьяльныхъ и промышленностныхъ. Тутъ уже цѣлію воспитанія дѣлается общее высшее предназначеніе человѣка, жизнь его во всестороннемъ своемъ развитіи. Я старался показать въ моей книжкѣ важность необходимаго для этаго класса наставленія, составныя части и систему: главное желаніе мое есть и было — обратить на этотъ предметъ все вниманіе родителей и наставниковъ; здѣсь же повторю только для общей связи, нѣ-

сколько подробнѣе отрасли образованія, свойственныя высшимъ сословіямъ, совокупно означенныя въ краткой *таблицѣ воспитанія.*

Образованіе высшаго класса заключаетъ въ себѣ и *общую часть*, принадлежащую юношеству всего класса безъ исключенія, и *особенную* или *спеціальную*, относящуюся до предназначенія различныхъ его сословій или до цѣли каждаго лица въ частности.

I. *Общее начальное образованіе всего высшаго класса народа* (въ тѣсномъ смыслѣ) заключаетъ въ себѣ все въ полномъ объемѣ *физическое* и *нравственное* воспитаніе и основную часть *умственнаго*, а именно:

1. Усовершенствованіе *пяти чувствъ.*

2. *Гигіену* и
3. *Гимнастику*, } приспособленныя къ образу жизни и занятій юношества въ высшихъ сословіяхъ.

4. Чистѣйшее и совершеннѣйшее образованіе совѣсти: *религію.*

5. Усовершенствованіе качествъ души,

сердца, характера и воли: *нравоученіе*, основанное на догматахъ нашей вѣры.

6. Все *общественное и свѣтское образованіе*, въ самыхъ тонкихъ его оттѣнкахъ: свѣдѣнія политическія, гражданственныя, юридическія; знаніе людей, свѣта, отношеній и связей общественныхъ. Конечно дѣтскій возрастъ еще неспособенъ для подобныхъ наставленій, хотя впрочемъ и тутъ уже вкореняются первыя законы скромности, вѣжливости; но въ отроческихъ и юношескихъ лѣтахъ необходимо дать молодымъ людямъ нѣкоторыя точныя правила и внушить имъ твердыя идеи, особенно о чести, благородствѣ, долгѣ, преданности къ Вѣрѣ и Престолу, любви къ отечеству, и т. п., для искорененія многихъ вредныхъ свѣтскихъ предразсудковъ и обыкновеній. Этою отраслію нравственнаго воспитанія пренебрегать никакъ недолжно: ибо она объясняетъ обязанности и права каждаго въ обществѣ, научаетъ свѣтскимъ приличіямъ, обращенію съ высшими, равными и низшими, даетъ истинное мнѣніе

о другихъ и самомъ себѣ, словомъ сказать — составляетъ *науку общежитія* и нерѣдко имѣетъ сильное вліяніе на судьбу человѣка.

7. Общія, но точныя и на отечественной опытности основанныя понятія о разнаго рода *промышленности*, въ особенности *сельскомъ хозяйствѣ*, *технологіи и торговлѣ*.

8. Энциклопедію *искуствъ и художествъ*; а въ частности: музыку, пѣніе, рисованіе, черченіе, основанія архитектуры и т. д.

9. Точное и правильное знаніе *Русскаго языка* и *словесности* — общее для всѣхъ разнорѣчивыхъ племянъ, наше отечество составляющихъ; далѣе: *живые языки*, преимущественно Французскій, Нѣмецкій и Англійскій; а наконецъ изъ *мертвыхъ*: Славянскій и отчасти Латинскій. Для упражненія же — чтеніе образцовыхъ Русскихъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, съ приспособленіемъ содержанія ихъ къ занятіямъ различныхъ сословій; выписки, подражанія, переводы, сочиненія.

10. Образованіе способности мышленія: *Логику*; но не въ сухой теоріи, доступной только для глубокомысленнаго философа; а въ практическомъ примѣненіи ко всѣмъ дѣйствіямъ, ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни; въ подчиненіи этой способности поступковъ, такъ чтобы всякій привыкалъ съ ребячества *прежде разсуждать, чѣмъ говорить и дѣлать*; словомъ, объясниться простѣе, по-Русски — *ученіе уму-разуму*.

11. Наконецъ *науки* въ собственномъ смыслѣ. Первое мѣсто занимаетъ въ ученіи *Естествознаніе*: Минералогія, Ботаника, Зоологія, начала Физики и Химіи; ибо что можетъ быть необходимѣе, простѣе и ближе для каждаго, какъ не изученіе природы въ ея произведеніяхъ, свойствахъ и дѣйствіяхъ? — Потомъ слѣдуетъ *Математика*: Ариѳметика, Алгебра, Геометрія и Тригонометрія; *Географія* и *Статистика* общая и отечественная въ особенности; наконецъ *Исторія*: священная, церковная, политическая и (въ краткомъ обзо-

рѣ) наукъ, искуствъ и художествъ. Это исчисленіе весьма немногимъ превышаетъ полный курсъ преподаванія въ нашихъ Гимназіяхъ и вообще во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

«Какая бездна наукъ! скажетъ иной: этого много и для взрослаго! отвѣчаемъ: И одной науки много для взрослаго, если бы захотѣть того, чтобы истощить весь запасъ ея свѣдѣній. Науки всѣ безконечны, потому что всѣ имѣютъ предметомъ природу, а природа границъ неимѣетъ. Слѣдовательно дѣло не въ томъ, чтобы выучиться какой нибудь наукѣ, а въ томъ чтобы выучиться какимъ нибудь предметамъ изъ наукъ.» — «Вся энциклопедія, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть одна наука, которой учится родъ человѣческій. Люди, въ разныхъ возрастахъ, учатся нѣкоторымъ предметамъ изъ сей обширной науки; дѣтямъ приличны наиболѣе изъ ней свои особенные предметы.» — (Мысли Д. Ястребцова.)

Не страшитесь громкихъ названій наукъ: въ нихъ для каждаго возраста есть

свои рамки. Смѣшно и вредно напитать умъ ребенка ученостію, ему несвойственною; но неменѣе вредно и жалко не дать ему основнаго понятія о какомъ нибудь предметѣ, до общаго образованія касающемся: это небреженіе горестно отзовется въ послѣдствіи, когда онъ съ недостаточнымъ запасомъ силъ и свѣдѣній будетъ принужденъ бороться съ собственными нуждами и съ требованіями несострадательнаго свѣта, когда онъ увидитъ участь свою увядшую — какъ растеніе при засухѣ, померкшую — какъ свѣтильникъ безъ масла; поздно будетъ тогда приниматься за то, чтобы долженъ былъ пріобрѣсть еще въ дѣтствѣ: какъ выходить на поприще труда и дѣятельности — безъ умѣнья и орудій? Что же дѣлать, ежели требованія общества такъ чрезмѣрны и ежели измѣнить ихъ невозможно? Остается только предуготовлять будущее наше поколѣніе съ возможно раннихъ лѣтъ къ выполненію всѣхъ условій, для его же собственныхъ выгодъ; указывать и разчищать ему путь къ

познаніямъ, но не дѣлая этаго пути слишкомъ легкимъ, игрушечнымъ, а пріучая дѣтей постигать важность и необходимость дѣятельности, дабы они мало по малу свыкались съ трудомъ и не чуждались его тягостей, дабы они въ самыхъ успѣхахъ своихъ находили и награду и утѣшеніе.

II. *Спеціальное начальное образованіе сословій, высшій классъ народа составляющихъ,* заключается только въ примѣненіи общаго для нихъ образованія къ положенію, наклонностямъ, свойствамъ, полу, назначенію и образу жизни каждаго въ частности и въ сообразномъ тому развитіи одной или другой отрасли воспитанія; напр: духовенству нужно преимущественно религіозно-нравственное образованіе; для высшаго купечества — промышленностное; для сословія художниковъ — эстетическое; наконецъ для всѣхъ дворянъ вообще, особенно же имѣющихъ помѣстья, — промышленностное и ученое; въ частности же, смотря по ихъ положенію и роду занятій: для готовящихся къ воен-

ной службѣ — науки военныя и прочныя основанія физическаго воспитанія; для готовящихся къ гражданской службѣ — преимущественнѣе всего образованіе гражданственное и юридическое, и т. д.

Изъ этого замѣтить можно, что *спеціальное начальное образованіе* непримѣтно сливается съ *окончательнымъ*, которое пріобрѣтается молодыми людьми отчасти въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, отчасти же дома или въ обществѣ, на самой практикѣ, и уже болѣе начинаетъ зависѣть отъ собственныхъ наблюденій, нежели отъ посторонняго наставленія: тутъ науки и прочія отрасли воспитанія дробятся на безконечное множество частей, сообразно съ нуждами и потребностями человѣчества.

Но при этомъ случаѣ нельзя пропустить безъ особеннаго вниманія той разительной противуположности, которая господствуетъ обыкновенно въ идеяхъ родителей, при избраніи спеціальнаго,

окончательнаго образованія для дѣтеи своихъ.

Съ одной стороны, когда молодый человѣкъ вступаетъ уже въ тѣ лѣта, гдѣ ему нужно *особенное образованіе*, тогда, безъ достаточнаго пріуготовленія и безъ всякаго изученія самаго себя, ему предоставляется предварительно избрать поприще жизненной дѣятельности, чтобы согласовать съ тѣмъ свое ученіе; для этаго не долженъ ли онъ угадать свое предназначеніе, принявъ сначала къ глубокому соображенію, какъ внутреннія свои качества и способности, такъ и всѣ внѣшнія обстоятельства? Первое непосильное требованіе свѣта отъ молодаго человѣка и послѣднее, гдѣ могъ бы онъ еще ожидать помощи отъ совѣта родителей! — Между тѣмъ какъ большая изъ нихъ часть, — по весьма справедливому можетъ быть убѣжденію или по добросовѣстному сознанію того, что они для сей цѣли недостаточно изслѣдовали нравственныя силы и характеръ дѣтей своихъ, — отдаетъ въ этомъ случаѣ рѣшительный выборъ уже про-

изволу самой юности, ограничиваясь одними общими разсужденіями. Счастливъ тотъ, кто не ошибется въ этомъ выборѣ и угадаетъ стезю, ему назначенную!

Съ другой же стороны, этотъ важный шагъ — переходъ отъ начальнаго къ окончательному воспитанію — какъ легко безразсудно у насъ иногда дѣлается: нерѣдко поприще человѣка рѣшено уже въ его колыбели — въ пеленкахъ, связывающихъ первыя его движенія! Необдуманныя слова родителей: — «*Онъ у насъ будетъ тьмъ-то!*» — порожденныя временными мнѣніями, называемыми въ общемъ выраженіи *предразсудками*, уже пеленаютъ его участь своими тягостными свитками, которые окрѣпнутъ въ настойчивомъ исполненіи односторонней идеи, вопреки противорѣчію природы и доказательствамъ случаевъ, сожмутъ своими оковами въ посредственность, даже въ ничтожность дивное предназначеніе той или другой способности и произведутъ вредъ и зло, вмѣсто добра и пользы. Мечты родите-

лей о судьбѣ дѣтей -- сущая для нихъ гибсль, если онѣ основываются не на ихъ способностяхъ и положеніи въ свѣтѣ, а на какомъ-то ложномъ понятіи о томъ или другомъ состояніи или просто на блестящихъ химерахъ!

Надо дать молодому человѣку прочное, основательное, всестороннее воспитаніе, дабы правила его не были шатки ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни; надо развить въ немъ всѣ дары природы: укрѣпить физическія силы; утвердить разумъ — хозяиномъ мнѣній, совѣсть — руководительницею поступковъ, сердце — храмомъ высокихъ христіанскихъ чувствъ, волю — твердымъ оплотомъ этихъ источниковъ нашихъ дѣяній; заблаговременно пріучить юношу къ трудолюбію, умѣренности, осторожности — и потомъ, призвавъ благословеніе Божіе, поднять вѣтрило на ладьѣ новаго мірскаго плавателя, передавъ въ укрѣпленныя его длани и руль и весло!

V.

О системѣ образованія сократической или разговорной.

—

Система ученія, основанная на самоубѣжденіи посредствомъ послѣдовательныхъ заключеній здраваго разсудка, переходящаго отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ частнаго къ общему, отъ легчайшаго къ труднѣйшему, называется *сократическою* или *разговорною*.

Слѣды ея видны въ самой глубокой древности: величайшій изъ языческихъ мудрецовъ, Сократъ, употреблялъ ее въ своей школѣ, достигнувшей возможной

для человѣка степени развитія ума и возвысившейся до понятія о единомъ. Началѣ всѣхъ началъ и до идеи о вѣчности.

Имѣя цѣлію, заставить дѣтей самихъ доходить до всѣхъ тѣхъ истинъ, которыя имъ хотятъ внушить, наставники должны непремѣнно привлекать ихъ занимательностію ученія, соблюдая между тѣмъ постепенность, сообразную ихъ возрасту и понятіямъ: только предметъ, возбуждающій удовольствіе можетъ занимать долгое время мысли, тогда какъ предметъ непріятный, всякій старается сколь возможно скорѣе удалить изъ памяти; но доставитъ ли удовольствіе кому нибудь то, что несообразно съ его понятіями, въ чемъ не принимаетъ онъ никакого участія, что совершенно выходитъ изъ его сферы? И такъ необходимыя условія *сократическаго способа образованія* суть: занимательность, а слѣдовательно и простота, постепенность и разговорная форма объясненія, приспособленная къ дѣтскому возрасту — въ вопросахъ и отвѣтахъ.

Польза этой *системы* неисчислима во всѣхъ отношеніяхъ: развивая въ человѣкѣ способности постепенно, совокупно, правильно, она даетъ ему образованіе прочное, глубокое, всестороннее; представляя ему трудъ въ занимательномъ видѣ, указывая послѣдовательный ходъ и практическую пользу познаній, она съ дѣтства пріучаетъ его къ трудолюбію, къ порядку и основательности въ сужденіяхъ и поступкахъ; она поддерживаетъ безпрестанно дѣятельность умственную и нравственную, съ которыми соединено столько чистыхъ, разнообразныхъ удовольствій: она неутомляетъ слишкомъ способностей: ибо, слѣдуя природному ихъ развитію и помогая только исподволь усовершенствованію, не требуетъ отъ нихъ излишняго напряженія; она удаляетъ отъ дитяти обильный источникъ недостатковъ и пороковъ, заключающійся въ безпрестанной противуположности желаній его съ обязанностями, въ бездѣйствіи и скукѣ, которыя рождаютъ: отвращеніе отъ занятій, лѣность, безпечность, невнима-

тельность, лукавство, ложь, непокорность и своенравіе; она легко врѣзываетъ въ памяти ребенка свѣдѣнія, имъ самимъ пріобрѣтенныя: ибо трудно забыть то, до чего достигъ собственнымъ изслѣдованіемъ и размышленіемъ, тѣмъ болѣе когда избраны были для этаго предметы обыкновенно насъ окружающіе: всякая вещь служитъ тогда напоминовеніемъ постигнутыхъ изъ нея теоретическихъ истинъ; всякая мысль влечетъ за собою повтореніе прежнихъ идей, посредствомъ естественныхъ соединеній понятій, къ каковымъ пріученъ его разсудокъ; она возбуждаетъ въ молодомъ человѣкѣ любопытство и страсть къ пріобрѣтенію основательныхъ знаній, слѣдовательно отклоняетъ его отъ поверхности и хвастливаго педантизма; она сверхъ того оказываетъ благодѣтельное дѣйствіе даже на самихъ наставниковъ, содѣлывая ихъ обязанность не столь сухою и однообразною, давая имъ возможность узнавать ближе и короче своихъ учениковъ, возвышая ихъ въ глазахъ сихъ послѣднихъ и притомъ

нетребуя отъ нихъ при преподаваніи слишкомъ большихъ познаній, даже можно сказать ничего, кромѣ *здраваго смысла*, почему и оказывается наиболѣе способною при обученіи дѣтей ихъ родителями; наконецъ въ общественныхъ, особливо же начальныхъ и народныхъ училищахъ, она весьма удобно можетъ быть соединяема съ *методою взаимнаго обученія* или *Ланкастерскою*, и *методою Жакото*, составляющими собственно только видоизмѣненія одной и той же *системы*. По этому-то она, въ новѣйшее время, съ тѣхъ поръ какъ явились Франклинъ, Баконъ, Лейбницъ, Декартъ и сняли школьныя оковы съ мысли, сдѣлала столь блистательные успѣхи въ просвѣщеніи Европы, обративъ его отъ теоріи къ практикѣ, отъ формъ и словъ въ наукахъ къ знаніямъ точнымъ, прикладнымъ, полезнымъ въ общемъ быту человѣка, — и возвысилась надъ развалинами *Схоластики*, основывавшей все ученіе преимущественно на одной только памяти человѣка. — Съ разрушеніемъ прежняго *школьнаго* или

схоластическаго способа ученія, наук и стали сливаться съ дѣлопроизводствами людей и ихъ промышленностію; искуства, художества двинулись быстро къ усовершенствованію; возникла идея упрощать результаты ученыхъ изысканій и изслѣдованій, приспособляя ихъ ко всѣмъ состояніямъ. Таковы благодѣтельныя слѣдствія, оказанныя въ матерьяльной жизни нашей перемѣною прежняго односторонняго способа распространенія познаній: нѣтъ сомнѣнія, что тѣ же результаты послѣдуютъ для умственной и нравственной жизни нашихъ потомковъ, ежели только къ системѣ воспитанія будутъ приспособлены превосходныя методы упрощенія ученья, обдуманныя и обработанныя нынѣ знаменитѣйшими писателями Европы, по части воспитанія, каковы: Навиль, Базедовъ, Песталоцци, Дежерандо, Де-Лабордъ, Ламе-Флери, Жирардъ, Шаппіусъ, Мюльгаузенъ, Аббатъ Готье и его ученики, Кампе, Жакото, Бель и Ланкастеръ, Миссъ Эджевортъ, Нимейеръ, Евальдъ, Динстеръ, Бредовъ,

Зальцманъ, Шмидтъ, Лоссіусъ, Крумахеръ; у насъ: Шишковъ, Карамзинъ, Ильинъ, Измайловъ, Ишимова, Ястребцовъ, Ободовскій, Язвинскій и другіе.

VI.

О методѣ взаимнаго и современнаго обученія — Ланкастера и Белла.

—

Учить чему нибудь или преподавать науки можно тремя различными способами: 1. *Особенно* или лично каждому ученику; 2. *Современно* или въ одно и то же время многимъ вмѣстѣ и 3. *Взаимно* учениками между собою.

Первый способъ употребляемъ былъ преимущественно во время схоластической системы ученія: занятія учащихся ограничивались тѣмъ, чтобы выслушать, затвердить и разсказать на память урокъ, большею частію слово въ слово, какъ онъ написанъ въ книжкѣ; дѣти, прослушавъ учителя, упражнялись, т. е. твердили наизусть заданные имъ уро-

VI.

О методѣ взаимнаго и современнаго обученія — Ланкастера и Белла.

—

Учить чему нибудь или преподавать науки можно тремя различными способами: 1. *Особенно* или лично каждому ученику; 2. *Современно* или въ одно и то же время многимъ вмѣстѣ и 3. *Взаимно* учениками между собою.

Первый способъ употребляемъ былъ преимущественно во время схоластической системы ученія: занятія учащихся ограничивались тѣмъ, чтобы выслушать, затвердить и разсказать на память урокъ, большею частію слово въ слово, какъ онъ написанъ въ книжкѣ; дѣти, прослушавъ учителя, упражнялись, т. е. твердили наизусть заданные имъ уро-

ки, порознь, каждый самъ по себѣ, какъ кто хотѣлъ, *не современно* и *не взаимно*, безъ строгаго раздѣленія учениковъ на отдѣлы по ихъ познаніямъ и способностямъ, безъ подчиненія ихъ занятій дисциплинѣ, безъ возбужденія въ нихъ соревнованія и наконецъ безъ распредѣленія между ними трудовъ такимъ образомъ, чтобы каждый изъ нихъ помогалъ другому. Такъ было и въ школахъ и въ семействахъ.

Вторый и третій способы, хотя и были уже тогда извѣстны; ибо нерѣдко учители, для облегченія собственныхъ трудовъ своихъ, выбирали болѣе успѣвшихъ изъ дѣтей себѣ въ помощь, особенно при большемъ числѣ учениковъ; часто же и сами дѣти соглашались взаимно обучать другъ друга тѣмъ предметамъ, которые кто изъ нихъ лучше понималъ, и упражнялись по нѣскольку человѣкъ разомъ; но занятія сіи не подлежали общимъ правиламъ, а зависѣли отъ произвола учителя или соглашенія между собою учениковъ. Хотя нѣкоторые воспитатели и начальни-

ки учебныхъ заведеній въ идеяхъ своихъ и даже на дѣлѣ приближались къ той правильности и къ тѣмъ основаніямъ, которыя составляютъ *способъ взаимнаго и современнаго обученія*; но онъ не находилъ еще общаго и столь совершеннаго примѣненія какъ нынѣ — съ начала этого столѣтія; словомъ сказать: правильной, обдуманной и обработанной *методы* еще несуществовало.

Маловажная причина была началомъ важнаго изобрѣтенія: недостатокъ учителей въ Индійскихъ владѣніяхъ Англіи, самъ собою указалъ необходимость замѣнить ихъ простотою и порядкомъ механизма въ преподаваніи, приспособивъ его къ обученію многихъ разомъ.

Выдумана или, лучше сказать, изъ самихъ учениковъ составлена умственная машина, помощію которой могутъ скоро и твердо впечатлѣваться въ умахъ ихъ основанія наукъ и искуствъ, приведенныя въ раздѣленіе, облегчающее изученіе.

И такъ *метода взаимнаго и совре-*

валось сначала религіею, чтеніемъ, письмомъ и 4-мя первыми дѣйствіями ариѳметики; послѣ она была приспособлена къ грамматическому изученію отечественнаго и другихъ языковъ, а наконецъ къ преподаванію, исторіи, географіи, даже рисованія и черченія и прочихъ предметовъ какъ общаго, такъ и спеціальнаго начальнаго образованія. Для этого употребляются — вмѣсто книгъ — особыя стѣнныя таблицы, собственно съ тою цѣлію для различныхъ наукъ составленныя; — вмѣсто же бумаги и чернилъ — песокъ, аспидныя доски и другія принадлежности.

Свойства этого *способа* состоятъ въ томъ, что обученіе производится: *взаимно*, т. е. болѣе успѣвшіе изъ учениковъ объясняютъ науку другимъ, и *современно*, ибо такъ какъ ученики занимаютъ мѣсто учителей, то и представляется возможность обучать въ одно и то же время всѣхъ учениковъ одного класса, каково бы ихъ число ни было.

Основанія *методы* заключаются: въ *раздѣленіи занятій* соотвѣтственно ус-

пѣхамъ и способностямъ, что весьма удобно въ многочисленнѣйшихъ школахъ: дѣти для того распредѣляются на *классы*, соблюдая сколь возможно, чтобы въ каждомъ находились ученики съ одинаковыми успѣхами, дабы одинакія ихъ занятія обратились имъ въ пользу; въ *раздѣленіи надзора* надъ школьнымъ порядкомъ и дисциплиною, которые поручаются *надзирателямъ*, выбираемымъ изъ среды самихъ же учениковъ, такъ что одинъ учитель, при ихъ помощи, а вмѣсто его даже и 14-ти лѣтній мальчикъ, можетъ управлять школою въ 1000 и болѣе человѣкъ; въ *устройствѣ хода ученія*, подчиненнаго твердымъ, единообразнымъ правиламъ, ибо всѣ общія движенія производятся вмѣстѣ и по командѣ; наконецъ въ *соревнованіи* учениковъ между собою для полученія *почетныхъ мѣстъ* въ классѣ: это поддерживаетъ ихъ общую дѣятельность, потому что каждый изъ нихъ, небудучи задерживаемъ нерадѣніемъ или недостаткомъ въ дарованіяхъ прочихъ своихъ сотоварищей, занимаетъ всегда то

мѣсто, на которое онъ пріобрѣтаетъ право своимъ знаніемъ и внимательностію во всякое время; а не единожды въ годъ, при публичныхъ испытаніяхъ, какъ это дѣлается въ училищахъ, слѣдующихъ другимъ методамъ. Съ перемѣною мѣста измѣняется и получаемое наставленіе.

Въ этихъ главныхъ началахъ сходствуютъ между собою почти совершенно обѣ *методы Белла* и *Ланкастера*: ихъ различіе состоитъ только въ самомъ устройствѣ надзора, въ способѣ и планѣ преподаванія собственно закона Божія.

Общая польза обоихъ однородныхъ способовъ — очевидна: въ одно и то же время можетъ обучаться большее число дѣтей, нежели по другимъ методамъ, посредствомъ гораздо меньшаго количества учителей; причемъ, кромѣ времени, сохраняются еще труды и издержки; ученики въ школахъ по этимъ способамъ устроенныхъ, заняты безпрестанно, постепенно и всегда соотвѣт-

ственно ихъ способностямъ; уроки ихъ кратки, разнообразны, приспособлены къ понятію ребенка и не дѣйствуютъ ко вреду его здоровья; дѣти побуждаются къ безпрерывной дѣятельности сами собою, предохраняясь тѣмъ отъ разсѣянности и всѣхъ ея послѣдствій; обучаются съ удовольствіемъ, подражая себѣ подобнымъ; соревнуютъ безъ возбужденія ложной гордости, потому что ребенокъ, бывшій учителемъ и надзирателемъ въ низшемъ классѣ, дѣлается ученикомъ въ своемъ собственномъ; яснѣе понимаютъ и незабываютъ выученнаго, ибо оно основывается не на одной памяти, но на всѣхъ ихъ способностяхъ, а повтореніе пройденнаго неограничивается однимъ сухимъ ученіемъ наизусть, но производится чрезъ объясненіе и толкованіе другимъ; пріучаются къ повиновенію, порядку и строгой подчиненности, а между тѣмъ рѣдко подвергаются наказаніямъ, которыя обыкновенно состоятъ въ лишеніи почетныхъ мѣстъ или переводѣ изъ верхняго класса въ нижній, ежели ребенокъ

оказывается неспособнымъ къ продолженію въ немъ ученія.

Эта *метода* съ большою выгодою можетъ быть введена въ домашнее *начальное воспитаніе*, особенно въ большихъ семействахъ, гдѣ родители или наставникъ не могутъ, по различію возраста, а слѣдовательно и понятій, всегда заниматься всѣми дѣтьми разомъ, но должны удѣлять время для каждаго порознь, при чемъ занятія прочихъ остаются на ихъ собственномъ произволѣ, безъ всякаго соревнованія и безъ видимой для нихъ цѣли; со введеніемъ же *способа взаимнаго обученія* дѣти будутъ пріохочиваться къ наукамъ, потому что старшіе должны будутъ толковать ихъ младшимъ: а что можетъ быть для дѣтей полезнѣе подобнаго упражненія? Тутъ раскроется весь ихъ разсудокъ, весь образъ мыслей, всѣ способности; изъ ихъ собственныхъ объясненій тотчасъ можно видѣть, хорошо ли они поняли предметъ, ими выученный, съ какой точки зрѣнія на него смотрятъ, какъ о немъ судятъ? Даже и

при одномъ ребенкѣ эта метода можетъ имѣть мѣсто: воспитатель долженъ сравняться возрастомъ съ своимъ воспитанникомъ, долженъ дѣлаться то старшимъ, то младшимъ его товарищемъ; то объяснять ему новыя для него понятія, то слушать собственныя его о нихъ толкованія, принимая видъ незнающаго.

Приспособленіе этой *методы* можетъ быть сдѣлано не только къ *умственному*, но *нравственному* и *физическому воспитанію* дѣтей. Вотъ важный и обширный предметъ, представляющійся родителямъ для размышленія и опыта. Но для этого нужно изучить эту прекрасную *методу* въ большей подробности, нежели какъ она здѣсь изложена — въ общемъ только своемъ очеркѣ.

Для примѣра сообщу здѣсь слышанное мною отъ одной умной моей знакомки: ея родственница, имѣя большое семейство и маленькое состояніе, дала дѣтямъ своимъ прекрасное воспитаніе, занимаясь ими сама и содержа при нихъ, въ помощь себѣ, одну только

няньку; языкамъ же Французскому, Нѣмецкому и Англійскому выучила ихъ принимая къ себѣ въ домъ бѣдныхъ сиротокъ — иностранокъ, неумѣющихъ говорить по Русски. Вотъ и метода взаимнаго обученія на практикѣ.

Впрочемъ вообще можно сказать, что образованіе матерями своихъ дѣтей тѣмъ еще у насъ удобнѣе, что въ многихъ провинціяхъ Россіи женщины, какъ замѣчено, образованнѣе и болѣе читаютъ, нежели мужчины.

VII.

О методѣ всеобщаго ученія — Жакото.

Родъ человѣческій доходилъ тяжелымъ путемъ до всякаго улучшенія или открытія: сколько заблужденій, препятствій, трудовъ, усилій, неудачъ предшествовало всегда достиженію какой либо истины, какой либо полезной выдумки! Въ трудахъ и ошибкахъ изыскивать счастливую, правильную идею есть законъ опыта, а пытаніе — непремѣнное условіе усовершенствованія; это правило относится къ образованію какъ всего человѣчества, такъ и каждаго человѣка въ частности.

Весьма ошибаются, думая, что въ ученіи дѣло все уже сдѣлано, когда объ-

яснены юношѣ результаты всѣхъ долговременныхъ изысканій и изслѣдованій вѣковъ минувшихъ, между тѣмъ какъ отъ него сокрыть тотъ путь, по которому достигнули этихъ выводовъ.

Это тоже самое, ежели бы вы, завязавъ глаза какому нибудь юношѣ, провели его чрезъ невѣдомыя подземелья въ храмину богатствъ и, показавъ ихъ, вывели его отуда такимъ же образомъ: онъ видѣлъ блескъ, необъятность, роскошь, сокровищъ; но не могъ взять ихъ всѣ съ собою, а унесъ только ни на что не нужныя мишурныя погремушки, привлекающія обыкновенно взоры юноши; въ немъ осталось смутное, поверхностное свѣдѣніе о томъ, что онъ мелькомъ видѣлъ; въ немъ только возбуждена жажда къ этому несмѣтному богатству; но ему недано ни какой возможности имъ пользоваться; входъ въ эту храмину для него недоступенъ; она не можетъ служить ему убѣжищемъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни; онъ не почерпнетъ изъ нея даже необходимаго для своего существованія: ибо имѣлъ

подъ руками сокровища ея тогда, когда еще не зналъ на что могутъ онѣ быть ему пригодны, когда неимѣлъ ни опытности жизни, ни даже понятія о будущихъ своихъ нуждахъ и положеніи, въ какомъ можетъ со временемъ находиться.

Молодый человѣкъ оставилъ сокровищницу, захвативъ кое-что на удачу, не запасшись вполнѣ всѣмъ, что ему будетъ въ послѣдствіи необходимо: разумѣется онъ и не могъ этого сдѣлать, неимѣя дара предузнавать будущее. Скажите, къ чему же послужило ему пребываніе въ этой храминѣ, ежели не къ грустному убѣжденію, что онъ потерялъ всѣ средства, могущія удовлетворить возбужденное въ немъ желаніе лучшаго?

Но укажите этому юношѣ постоянное сообщеніе съ источникомъ мудрости, богатствъ и удовольствій; чтобы онъ могъ возвращаться къ нему во всякое время и при всѣхъ случаяхъ жизни; а для того дайте первоначально пройти ему самому, съ открытыми глазами, по мрачному, извилистому пути

валось сначала религіею, чтеніемъ, письмомъ и 4-мя первыми дѣйствіями ариѳметики; послѣ она была приспособлена къ грамматическому изученію отечественнаго и другихъ языковъ, а наконецъ къ преподаванію, исторіи, географіи, даже рисованія и черченія и прочихъ предметовъ какъ общаго, такъ и спеціальнаго начальнаго образованія. Для этого употребляются — вмѣсто книгъ — особыя стѣнныя таблицы, собственно съ тою цѣлію для различныхъ наукъ составленныя; — вмѣсто же бумаги и чернилъ — песокъ, аспидныя доски и другія принадлежности.

Свойства этого *способа* состоятъ въ томъ, что обученіе производится: *взаимно*, т. е. болѣе успѣвшіе изъ учениковъ объясняютъ науку другимъ, и *современно*, ибо такъ какъ ученики занимаютъ мѣсто учителей, то и представляется возможность обучать въ одно и то же время всѣхъ учениковъ одного класса, каково бы ихъ число ни было.

Основанія *методы* заключаются: въ *раздѣленіи занятій* соотвѣтственно ус-

пѣхамъ и способностямъ, что весьма удобно въ многочисленнѣйшихъ школахъ: дѣти для того распредѣляются на *классы*, соблюдая сколь возможно, чтобы въ каждомъ находились ученики съ одинаковыми успѣхами, дабы одинакія ихъ занятія обратились имъ въ пользу; въ *раздѣленіи надзора* надъ школьнымъ порядкомъ и дисциплиною, которые поручаются *надзирателямъ*, выбираемымъ изъ среды самихъ же учениковъ, такъ что одинъ учитель, при ихъ помощи, а вмѣсто его даже и 14-ти лѣтній мальчикъ, можетъ управлять школою въ 1000 и болѣе человѣкъ; въ *устройствѣ хода ученія*, подчиненнаго твердымъ, единообразнымъ правиламъ, ибо всѣ общія движенія производятся вмѣстѣ и по командѣ; наконецъ въ *соревнованіи* учениковъ между собою для полученія *почетныхъ мѣстъ* въ классѣ: это поддерживаетъ ихъ общую дѣятельность, потому что каждый изъ нихъ, небудучи задерживаемъ нерадѣніемъ или недостаткомъ въ дарованіяхъ прочихъ своихъ сотоварищей, занимаетъ всегда то

мѣсто, на которое онъ пріобрѣтаетъ право своимъ знаніемъ и внимательностію во всякое время; а не единожды въ годъ, при публичныхъ испытаніяхъ, какъ это дѣлается въ училищахъ, слѣдующихъ другимъ методамъ. Съ перемѣною мѣста измѣняется и получаемое наставленіе.

Въ этихъ главныхъ началахъ сходствуютъ между собою почти совершенно обѣ *методы Белла* и *Ланкастера*: ихъ различіе состоитъ только въ самомъ устройствѣ надзора, въ способѣ и планѣ преподаванія собственно закона Божія.

Общая польза обоихъ однородныхъ способовъ — очевидна: въ одно и то же время можетъ обучаться большее число дѣтей, нежели по другимъ методамъ, посредствомъ гораздо меньшаго количества учителей; причемъ, кромѣ времени, сохраняются еще труды и издержки; ученики въ школахъ по этимъ способамъ устроенныхъ, заняты безпрестанно, постепенно и всегда соотвѣт-

ственно ихъ способностямъ; уроки ихъ кратки, разнообразны, приспособлены къ понятію ребенка и не дѣйствуютъ ко вреду его здоровья; дѣти побуждаются къ безпрерывной дѣятельности сами собою, предохраняясь тѣмъ отъ разсѣянности и всѣхъ ея послѣдствій; обучаются съ удовольствіемъ, подражая себѣ подобнымъ; соревнуютъ безъ возбужденія ложной гордости, потому что ребенокъ, бывшій учителемъ и надзирателемъ въ низшемъ классѣ, дѣлается ученикомъ въ своемъ собственномъ; яснѣе понимаютъ и незабываютъ выученнаго, ибо оно основывается не на одной памяти, но на всѣхъ ихъ способностяхъ, а повтореніе пройденнаго неограничивается однимъ сухимъ ученіемъ наизусть, но производится чрезъ объясненіе и толкованіе другимъ; пріучаются къ повиновенію, порядку и строгой подчиненности, а между тѣмъ рѣдко подвергаются наказаніямъ, которыя обыкновенно состоятъ въ лишеніи почетныхъ мѣстъ или переводѣ изъ верхняго класса въ нижній, ежели ребенокъ

оказывается неспособнымъ къ продолженію въ немъ ученія.

Эта *метода* съ большою выгодою можетъ быть введена въ домашнее *начальное воспитаніе*, особенно въ большихъ семействахъ, гдѣ родители или наставникъ не могутъ, по различію возраста, а слѣдовательно и понятій, всегда заниматься всѣми дѣтьми разомъ, но должны удѣлять время для каждаго порознь, при чемъ занятія прочихъ остаются на ихъ собственномъ произволѣ, безъ всякаго соревнованія и безъ видимой для нихъ цѣли; со введеніемъ же *способа взаимнаго обученія* дѣти будутъ пріохочиваться къ наукамъ, потому что старшіе должны будутъ толковать ихъ младшимъ: а что можетъ быть для дѣтей полезнѣе подобнаго упражненія? Тутъ раскроется весь ихъ разсудокъ, весь образъ мыслей, всѣ способности; изъ ихъ собственныхъ объясненій тотчасъ можно видѣть, хорошо ли они поняли предметъ, ими выученный, съ какой точки зрѣнія на него смотрятъ, какъ о немъ судятъ? Даже и

при одномъ ребенкѣ эта метода можетъ имѣть мѣсто: воспитатель долженъ сравняться возрастомъ съ своимъ воспитанникомъ, долженъ дѣлаться то старшимъ, то младшимъ его товарищемъ; то объяснять ему новыя для него понятія, то слушать собственныя его о нихъ толкованія, принимая видъ незнающаго.

Приспособленіе этой *методы* можетъ быть сдѣлано не только къ *умственному*, но *нравственному* и *физическому воспитанію* дѣтей. Вотъ важный и обширный предметъ, представляющійся родителямъ для размышленія и опыта. Но для этого нужно изучить эту прекрасную *методу* въ большей подробности, нежели какъ она здѣсь изложена — въ общемъ только своемъ очеркѣ.

Для примѣра сообщу здѣсь слышанное мною отъ одной умной моей знакомки: ея родственница, имѣя большое семейство и маленькое состояніе, дала дѣтямъ своимъ прекрасное воспитаніе, занимаясь ими сама и содержа при нихъ, въ помощь себѣ, одну только

няньку; языкамъ же Французскому, Нѣмецкому и Англійскому выучила ихъ принимая къ себѣ въ домъ бѣдныхъ сиротокъ — иностранокъ, неумѣющихъ говорить по Русски. Вотъ и метода взаимнаго обученія на практикѣ.

Впрочемъ вообще можно сказать, что образованіе матерями своихъ дѣтей тѣмъ еще у насъ удобнѣе, что въ многихъ провинціяхъ Россіи женщины, какъ замѣчено, образованнѣе и болѣе читаютъ, нежели мужчины.

при одномъ ребенкѣ эта метода можетъ имѣть мѣсто: воспитатель долженъ сравняться возрастомъ съ своимъ воспитанникомъ, долженъ дѣлаться то старшимъ, то младшимъ его товарищемъ; то объяснять ему новыя для него понятія, то слушать собственныя его о нихъ толкованія, принимая видъ незнающаго.

Приспособленіе этой *методы* можетъ быть сдѣлано не только къ *умственному*, но *нравственному* и *физическому воспитанію* дѣтей. Вотъ важный и обширный предметъ, представляющійся родителямъ для размышленія и опыта. Но для этого нужно изучить эту прекрасную *методу* въ большей подробности, нежели какъ она здѣсь изложена — въ общемъ только своемъ очеркѣ.

Для примѣра сообщу здѣсь слышанное мною отъ одной умной моей знакомки: ея родственница, имѣя большое семейство и маленькое состояніе, дала дѣтямъ своимъ прекрасное воспитаніе, занимаясь ими сама и содержа при нихъ, въ помощь себѣ, одну только

яснены юношѣ результаты всѣхъ долговременныхъ изысканій и изслѣдованій вѣковъ минувшихъ, между тѣмъ какъ отъ него сокрыть тотъ путь, по которому достигнули этихъ выводовъ.

Это тоже самое, ежели бы вы, завязавъ глаза какому нибудь юношѣ, провели его чрезъ невѣдомыя подземелья въ храмину богатствъ и, показавъ ихъ, вывели его оттуда такимъ же образомъ: онъ видѣлъ блескъ, необъятность, роскошь, сокровищъ; но не могъ взять ихъ всѣ съ собою, а унесъ только ни на что не нужныя мишурныя погремушки, привлекающія обыкновенно взоры юноши; въ немъ осталось смутное, поверхностное свѣдѣніе о томъ, что онъ мелькомъ видѣлъ; въ немъ только возбуждена жажда къ этому несмѣтному богатству; но ему недано ни какой возможности имъ пользоваться; входъ въ эту храмину для него недоступенъ; она не можетъ служить ему убѣжищемъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни; онъ не почерпнетъ изъ нея даже необходимаго для своего существованія: ибо имѣлъ

подъ руками сокровища ея тогда, когда еще не зналъ на что могутъ онѣ быть ему пригодны, когда неимѣлъ ни опытности жизни, ни даже понятія о будущихъ своихъ нуждахъ и положеніи, въ какомъ можетъ со временемъ находиться.

Молодый человѣкъ оставилъ сокровищницу, захвативъ кое-что на удачу, не запасшись вполнѣ всѣмъ, что ему будетъ въ послѣдствіи необходимо: разумѣется онъ и не могъ этого сдѣлать, неимѣя дара предузнавать будущее. Скажите, къ чему же послужило ему пребываніе въ этой храминѣ, ежели не къ грустному убѣжденію, что онъ потерялъ всѣ средства, могущія удовлетворить возбужденное въ немъ желаніе лучшаго?

Но укажите этому юношѣ постоянное сообщеніе съ источникомъ мудрости, богатствъ и удовольствій; чтобы онъ могъ возвращаться къ нему во всякое время и при всѣхъ случаяхъ жизни; а для того дайте первоначально пройти ему самому, съ открытыми глазами, по мрачному, извилистому пути

трудовъ и умственной дѣятельности; освѣщайте только ходъ его свѣтомъ вашей опытности, чтобы онъ на каждомъ шагу ясно видѣлъ и понималъ свое положеніе и всѣ представляющіеся ему предметы; неускоряйте шествіемъ; но руководствуйте въ томъ только, чтобы отдаленность цѣли его неустрашала, чтобы тягость труда неотняла у него рвенія и неподавила силъ, чтобы онъ незаблудился въ извилинахъ и перекресткахъ, неустремился по ложному направленію односторонности; — тогда вы ему сдѣлаете истинное благодѣяніе: вы доставите ему неистощимый запасъ благосостоянія нравственнаго и матерьяльнаго, укажете вѣрное убѣжище отъ нищеты, скуки, заблужденій, пороковъ и всѣхъ золъ, обуревающихъ горизонтъ мірскаго поприща.

Сія-то мысль и составляетъ основаніе *методы Жакото*, называемой *всеобщимъ ученіемъ* и заключающей *сводъ возможныхъ умственныхъ упражненій*, гдѣ дѣятельность въ полномъ смыслѣ отнесена къ ученику, а не къ учителю, един-

ственно токмо провѣряющему и возбуждающему его труды.

Ежели лучшею методою для изученія наукъ можетъ назваться та, которая служитъ къ объясненію, какимъ образомъ онѣ вообще составлялись и обработывались; то *метода Жакото* должна имѣть преимущество предъ другими: будучи весьма удобна для приспособленія ко всякому роду человѣческихъ знаній, она заставляетъ ученика, посредствомъ разнообразныхъ упражненій, приводящихъ въ дѣйствіе память, мышленіе и прочія умственныя способности, раздроблять и потомъ возстановлять всѣ факты, науку составляющіе (*анализъ* и *синтезисъ*), разсматривать ихъ отдѣльно каждый и соединять снова въ той же самой связи, отдавая отчетъ во всякомъ своемъ дѣйствіи и повѣряя неизвѣстное потому уже, что твердо постигнуто и выучено.

Наставникъ по этой *методѣ* не учитъ, а распоряжаетъ занятіями ученика, возбуждаетъ и ревизуетъ ихъ; но учитъ ребенокъ самъ себя. Первый помогаетъ

трудовъ и умственной дѣятельности; освѣщайте только ходъ его свѣтомъ вашей опытности, чтобы онъ на каждомъ шагу ясно видѣлъ и понималъ свое положеніе и всѣ представляющіеся ему предметы; неускоряйте шествіемъ; но руководствуйте въ томъ только, чтобы отдаленность цѣли его неустрашала, чтобы тягость труда неотняла у него рвенія и неподавила силъ, чтобы онъ незаблудился въ извилинахъ и перекресткахъ, неустремился по ложному направленію односторонности; — тогда вы ему сдѣлаете истинное благодѣяніе: вы доставите ему неистощимый запасъ благосостоянія нравственнаго и матерьяльнаго, укажете вѣрное убѣжище отъ нищеты, скуки, заблужденій, пороковъ и всѣхъ золъ, обуревающихъ горизонтъ мірскаго поприща.

Сія-то мысль и составляетъ основаніе *методы Жакото*, называемой *всеобщимъ ученіемъ* и заключающей *сводъ возможныхъ умственныхъ упражненій*, гдѣ дѣятельность въ полномъ смыслѣ отнесена къ ученику, а не къ учителю, един-

ственно токмо провѣряющему и возбуждающему его труды.

Ежели лучшею методою для изученія наукъ можетъ назваться та, которая служитъ къ объясненію, какимъ образомъ онѣ вообще составлялись и обработывались; то *метода Жакото* должна имѣть преимущество предъ другими: будучи весьма удобна для приспособленія ко всякому роду человѣческихъ знаній, она заставляетъ ученика, посредствомъ разнообразныхъ упражненій, приводящихъ въ дѣйствіе память, мышленіе и прочія умственныя способности, раздроблять и потомъ возстановлять всѣ факты, науку составляющіе (*анализъ* и *синтезисъ*), разсматривать ихъ отдѣльно каждый и соединять снова въ той же самой связи, отдавая отчетъ во всякомъ своемъ дѣйствіи и повѣряя неизвѣстное потому уже, что твердо постигнуто и выучено.

Наставникъ по этой *методѣ* не учитъ, а распоряжаетъ занятіями ученика, возбуждаетъ и ревизуетъ ихъ; но учитъ ребенокъ самъ себя. Первый помогаетъ

ему въ томъ только, чего онъ не знаетъ и не можетъ извлечь изъ выученнаго; что же онъ разъ уже видѣлъ, то долженъ находить самъ, безъ всякой сторонней помощи, при каждомъ повтореніи. Учитель не дѣлаетъ собственно никакихъ объясненій; но руководствуетъ ребенка постепенно къ открытію новыхъ понятій чрезъ размышленіе и отнесеніе къ извѣстному; по этому-то самому отъ учителя и не требуется глубокой учености, но одно здравое сужденіе, терпѣливость и умѣніе пріохотить своего воспитанника къ занятіямъ. Ребенку говорятъ: *«смотри!»* и когда онъ посмотрѣлъ, его спрашиваютъ: *«что онъ видѣлъ?»* Дитя само объясняетъ, а не ему разсказываютъ, что предъ его глазами; ибо то, что оно видитъ, ежели только внимательно смотритъ, извѣстнѣе ему лучше, нежели кому другому.

Чтобы растолковать предметъ или идею, надобно показать части, составляющія цѣлое, или факты изображенные этою идеею; тогда ученикъ соединитъ

ихъ въ умѣ и составитъ самъ себѣ понятіе о томъ, чему хотятъ его выучить. Такимъ образомъ всякое новое свѣдѣніе не есть ли для него открытіе? Слѣдовательно *учить* какой нибудь наукѣ начинающаго, значитъ: *заставить его сдѣлать ея открытіе*, раздробивъ ее сначала на составныя части и факты и возстановивъ потомъ въ прежнемъ порядкѣ и видѣ.

Вотъ что значитъ *учить* по методѣ *Жакото*; теперь посмотримъ, что значитъ *помнить* или, лучше сказать, *находить* то, что однажды уже сдѣлалось извѣстнымъ.

Совершенство памяти состоитъ не только въ сохраненіи всѣхъ представленій ума, но и въ возобновленіи ихъ по волѣ, въ какое бы то время ни было. Эта способность основывается на *связи идей:* чтобы извлекать пользу изъ того, что единожды узнано, недостаточно соединять идеи съ выученными словами, а надобно ихъ связывать между собою; пока онѣ существуютъ въ памяти каждая по одиначкѣ, отдѣльно од-

на отъ другой, — онѣ рѣдко представляются и мало приносятъ помощи; но ежели соединить ихъ десятками, сотнями, группами — тогда стоитъ только припомнить одну изъ нихъ и всѣ прочія, съ нею связанныя, въ ту же минуту явятся въ воображеніи. Чѣмъ болѣе схвачено въ памяти *соотношеній между идеями*, тѣмъ болѣе сдѣлано въ нихъ *соединеній* и тѣмъ легче находить ихъ одну посредствомъ другой; такъ что еслибы мы умѣли сообщать методически между собою всѣ понятія, нами пріобрѣтенныя, память наша достигла бы полнаго развитія, какое только она имѣть способна, и всѣ тѣ свѣдѣнія, которыми на каждомъ шагу можемъ мы себя обогащать, были бы всегда въ нашемъ распоряженіи.

Для достиженія этого, *Жакото* предлагаетъ множество разнородныхъ *упражненій*, какъ для представленія каждаго понятія во всѣхъ отношеніяхъ съ другими понятіями, такъ и для пріученія способности воспоминать, къ безпрестанной и разнородной дѣятельности.

Впрочемъ каково бы ни было количество основныхъ началъ методы, можно ихъ раздѣлить на *три* главныя отдѣла; а именно: на *Мнемоническій, Аналитическій* и *Синтетическій*; потому что главное свойство всѣхъ ея правилъ или возвращаться къ предъидущимъ урокамъ или вызывать новыя разсужденія.

Первая часть *Мнемоническая*, способствующая дѣйствію памяти, заключается въ томъ, чтобы *выучить наизусть* какую нибудь книгу или *избранный текстъ* и *протверживать* его каждый день: посредствомъ безпрестанныхъ и разнообразныхъ повтореній составляются въ памяти *соединенія понятій или идей.*

Къ этому отдѣлу относятся слѣдующія упражненія:

1. Читать и списывать.
2. Учить наизусть.
3. Ежедневно повторять выученное.
4. Разсказывать словесно и письменно.
5. Сравнивать и относить все къ то-

му, что принято за *образецъ* или за основаніе ученія и уже твердо выучено.

6. Перечитывать по сигналамъ: тихо, скоро, громко, съ разстановкою, по частямъ, въ разбивку.

7. Писать съ прописи, подъ диктовку и изъ памяти, сначала средними, потомъ крупными буквами. (*)

8. Отыскивать извѣстное, т. е. одинакія буквы, слоги, слова, фразы, мысли и предметы въ различныхъ мѣстахъ избранной книги или *образца*.

9. Находить и затверживать корни словъ.

10. Затверживать выраженія, обороты, изреченія и цѣлыя большія фразы.

11. Повторять или употреблять ихъ въ одинаковыхъ случаяхъ.

Вторая часть, *Аналитическая*, заставляетъ ученика *раздроблять на части* то, что онъ выучилъ, размышлять и различать самому слова, идеи, предметы и отношенія, ихъ соединяющія.

(*) Не лучше ли, кажется, начинать съ крупнаго почерка? Рука привыкнетъ идти вольнѣе и тверже. (Прим. авт.)

Дѣйствіе обращено отъ общаго къ частностямъ.

Вотъ упражненія, въ этой части заключающіяся:

1. Дѣлать Анализъ или раздробленіе реченій на слова, словъ на слоги, слоговъ на буквы.

2. Изучать буквы, слогва, и ихъ употребленіе.

3. Изучать значеніе и свойства словъ.

4. Дѣлать раздробленіе (анализъ) смысла реченій на факты или частные случаи и примѣры.

5. Сравнивать или отыскивать сходство и различіе.

6. Относить неизвѣстное къ извѣстному.

7. Размышлять о вновь встрѣчаемыхъ словахъ, идеяхъ и правилахъ.

8. Чрезъ размышленіе, отнесеніе къ извѣстному и сравненіе, находить истинный смыслъ фразъ, оборотовъ, словъ и ихъ конструкціи или расположенія.

9. Вникать и постигать частности и подробности.

10. Сужденія и правила провѣрять по извѣстнымъ уже понятіямъ и фактамъ.

11. Оправдывать или провѣрять всѣ свои дѣйствія посредствомъ ссылокъ на *образецъ*.

12. Повѣрять, понялъ ли ученикъ смыслъ словъ, фразъ или выраженій.

Третья часть, *Синтетическая*, руководствуетъ ребенка въ *составленіи* различныхъ *сочиненій* изъ собраннаго имъ запаса понятій, идей и выраженій; т. е. заставляетъ его переходить отъ фактовъ и частностей къ общему.

Упражненія, къ ней относящіяся, состоятъ въ томъ, чтобы:

1. Дѣлать повѣрку правилъ и теоріи какой нибудь науки по *образцовому тексту*, когда извѣстны всѣ факты и ихъ подробности.

2. Объяснять реченія разсужденіями, слова фразами, слоги и буквы словами.

3. Извлекать общія сужденія, правила и истины изъ фактовъ или частныхъ случаевъ.

4. Обобщивать идеи, т. е. составлять

опредѣленія, напр: *что такое храбрость, добродѣтель?* и проч.

5. Развивать мысли.

6. Дѣлать подражанія принятому руководству и оправдывать всѣ мысли и выраженія по выученному *образцу*.

7. Составлять письменныя разсужденія и правила.

8. Объяснять синонимы словъ, т. е. тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ сходныя значенія; напр: *умножить* и *увеличить*; *радоваться* и *веселиться*; *горесть* и *огорченіе*. — Также и слова, противоположныя въ смыслѣ, какъ: *добро* и *зло*; *красота* и *безобразіе*; *жизнь* и *смерть*.

9. Объяснять сходство (синонимы) выраженій и мыслей: *поражень горестью, убитъ горестью, томимъ горестью* и *погруженъ въ горесть*.

10. Находить сходство въ разсужденіяхъ, намѣреніяхъ или цѣли сочиненій, наприм: *горе ребенка* и *горе честолюбца*; *рѣчь Телемака къ Ацесту* (въ 1-й книгѣ) и *рѣчь его же къ Сезострису* (во 2-й книгѣ).

11. Объяснять сходство плана въ сочиненіяхъ: *расположеніе и формы трагедіи, комедіи, поэмы, сказки, ораторской рѣчи, математическаго предложенія* и проч. (*)

12. Дѣлать примѣненія или какъ называетъ *Жакото переводы* по даннымъ сюжетамъ; напр: *Телемакъ побѣждаетъ льва*, принаровить: *добродѣтель побѣждаетъ страсть; описаніе бури на морѣ*, примѣнить *къ описанію терзаній совѣсти; картину весны*, къ *картинѣ юности; огорченіе Калипсы объ отъѣздѣ Телемака*, къ *слезамъ дитяти о потерѣ любимой игрушки* или *къ отчаянію человѣка, погубившаго молодость свою въ праздности.*

13. Дѣлать сравненія или параллели и портреты, писать разсказы, рѣчи, разговоры, письма.

14. Облекать свои идеи въ форму повѣсти, романа, драмы, оды, описательнаго или лирическаго стихотворенія и проч: — словомъ: дѣлать всякаго рода

(*) Объяснять различіе и противуположность (9, 10 и 11).

сочиненія; возстановлять теоретически науки.

15. Поступать такимъ же образомъ, отыскивая сверхъ того, безъ помощи другихъ, предварительно сюжеты для опредѣленій, подражаній, синонимовъ, переводовъ, разсужденій; портретовъ, сравненій и всѣхъ родовъ сочиненій.

16. Оправдывать, повѣрять всѣ свои дѣйствія по лучшимъ *образцамъ* и отдавать во всемъ отчетъ.

Всѣ эти *упражненія* представлены здѣсь въ видѣ примѣра; ихъ должно разнообразить и умножать какъ въ числѣ, такъ и въ порядкѣ, неупуская однако изъ виду основныхъ *правилъ всеобщаго ученія*:

а) *Учить и повторять безпрестанно, чтобы не забыть.*

б) *Сравнивать и относить все къ тому образцу, который принятъ руководствомъ въ ученіи.*

Изъ всего сказаннаго можно замѣтить, что ученіе по *методѣ Жакото* производится посредствомъ безпрестанныхъ и разнообразныхъ *практическихъ*

упражненій разсудка: разумѣется получишь основательное и прочное образованіе, ежели съ должною внимательностію пройдешь по этому длинному пути умственныхъ занятій, повторяя ихъ разнообразно въ каждомъ возрастѣ и при изученіи каждаго предмета. Дѣло наставника въ этомъ случаѣ только направлять труды своего воспитанника, отъ котораго зависитъ уже все остальное.

Самое скучное и утомительное для ребенка заключается въ приступѣ, когда должно выучить наизусть избранную для руководства книгу или нѣсколько первыхъ ея главъ, дабы потомъ относить все вновь встрѣчаемое къ выученному и посредствомъ сравненія съ извѣстнымъ, узнавать неизвѣстное. Но эта непріятная работа — которую впрочемъ можно соединить съ посторонними поощреніями — весьма непродолжительна; послѣ того останется протверживать ежедневно старое и разнообразить дальнѣйшія *упражненія*, неспѣша однако впередъ; но стараясь убѣдиться,

что все пройденное твердо выучено, хорошо понято и глубоко врѣзалось въ памяти. Чѣмъ медленнѣе двигаешся въ ученіи, тѣмъ основательнѣе, вѣрнѣе и быстрѣе будетъ успѣхъ.

Чтобы научиться *читать* довольно выучить твердо знаки одной или двухъ страницъ; а чтобы *писать* довольно умѣть написать нѣсколько строкъ. Когда это сдѣлано, тогда и отыскань уже ключъ къ самообразованію; остальныя занятія клонятся или къ развитію разсудка или къ утвержденію въ памяти разъ постигнутаго.

Для *образца* принято почти вездѣ, согласно выбору *Жакото*, прекрасное твореніе Фенелона — *Телемакъ*; но это не законъ: всякая другая книга можетъ служить основаніемъ *всеобщаго ученія*, по принятой у *Жакото* аксіомѣ: *«все находится во всемъ;»* по этому лучше выбирать *образецъ* отечественный. Конечно весьма полезно было бы составить особыя руководства, собственно приноровленныя къ этой методѣ упражненій; но пока этого не сдѣлано, на-

добно довольствоваться тѣмъ, что есть подъ рукою — выборъ зависитъ отъ самихъ наставниковъ; можно однако принять за правило, что лучшая книга для *образца* есть та, въ которой собрано и развито наиболѣе фактовъ, т. е. различныхъ частныхъ случаевъ.

Не распространяясь слишкомъ о свойствахъ, осносаніяхъ и преимуществахъ этой *методы*, описанной Графомъ Ластейри, Ларошемъ, Дюрицомъ и нѣкоторыми нашими педагогами, наконецъ объясненной самимъ *Жакото* въ его урокахъ отечественнаго и иностранныхъ языковъ, математики, музыки и проч:, я скажу только, что она вполнѣ заслуживаетъ вниманіе родителей, особливо бѣдныхъ семействъ, уже однимъ удобствомъ въ примѣненіи къ обученію ими самими дѣтей своихъ, не требуя отъ нихъ ни большихъ издержекъ, ни большихъ познаній.

При этомъ не лишнимъ считаю упомянуть и о мнѣніи *Жакото*, что *«всѣ люди имѣютъ одинакое понятіе.»* —

Мнѣніе сіе возбудило много споровъ въ Европѣ.

«Какъ! неужели нѣтъ Геніевъ, нѣтъ врожденныхъ великихъ способностей? Неужели понятіе Корнеля, Боссюэта, Невтона, Ломоносова, Державина считаете вы одинаковымъ съ моимъ, вашимъ, его понятіемъ?» — воскликнутъ многіе.

«Прежде всякаго отвѣта,» — говорятъ защитники *Жакото* — «спросите этихъ возражателей: развѣ Державинъ написалъ оду Богъ на рукахъ своей кормилицы? Развѣ Корнель сочинилъ Цину въ то время, когда у него прорѣзывался первый зубокъ? Развѣ Боссюэтъ сказалъ надгробное слово Конде вмѣстѣ съ первымъ звукомъ: *папа?* Развѣ Невтонъ нашелъ законъ тяготѣнія и теорію свѣта тогда, какъ только въ первый разъ глаза его увидѣли день? Развѣ Ломоносовъ былъ уже отцемъ нашей словесности, когда, будучи еще ребенкомъ, закидывалъ рыбачьи сѣти въ воду?»....

«Оставя уродцевъ — ибо никогда правило несоставлялось по исключеніямъ —

люди вообще родятся съ одинаковыми зародышами всѣхъ способностей и качествъ, составляющихъ совершенство нравственнаго человѣка; такимъ же образомъ какъ они зачинаются съ одинаковыми зародышами всѣхъ членовъ, необходимыхъ для полноты тѣлесной организаціи.»

«Смѣшно бы показалось, если бы кто вздумалъ утверждать, что у такого-то ребенка зародышь носа, глазъ, рукъ, ногъ, былъ менѣе или болѣе нежели у меня, у васъ и у него.»

«Точно также, можно ли сказать, что зародышь памяти, мышленія или добродушія у одного болѣе, нежели у другаго? Нѣтъ: зародыши едва ль не всѣ равны — а если даже допустить между ними и разность, то она такъ ничтожна, что про нее почти и говорить не стоитъ. Различіе же въ способностяхъ и качествахъ дѣлается въ послѣдствіи отъ неодинаковаго ихъ развитія и направленія, которое творитъ способныхъ и неспособныхъ, умныхъ и глупыхъ, по

лезныхъ и вредныхъ, добрыхъ и злыхъ. Оспоривать эту истину, значитъ: возлагать на промыслъ вину собственнаго нашего нерадѣнія»

«И такъ безъ малѣйшей погрѣшности можно сказать, что *всякій человѣкъ, если онъ только не нравственный уродъ, родится съ одинакимъ зародышемъ понятія и полнымъ количествомъ всѣхъ способностей и качествъ, какъ вообще всѣ люди.*»

«Послѣ этаго, что значатъ слова: — Онъ неспособенъ къ занятіямъ! — У меня недостаетъ памяти, чтобы хорошо учиться! — Эти недостатки врожденные! — Такой-то ровно ни къ чему не способенъ! — если не потачка лѣности или просто недостатокъ доброй воли и твердости въ трудѣ? Увѣрьте цѣлый классъ учениковъ, что природа сотворила ихъ съ низшимъ понятіемъ противъ товарищей — и вы изъ нихъ сдѣлаете сотню лентяевъ; но убѣдите ихъ, что они имѣютъ одинаковыя способности съ прочими и могутъ достигнуть до всякаго познанія, ежели только захо-

тять трудиться, возбудите въ нихъ соревнованіе воли, вскинувъ на нихъ самихъ вину въ случаѣ неудачи, — повѣрьте, что самые тупые, по вашему мнѣнію, не отстанутъ отъ понятливыхъ и удивятъ васъ своими усиліями и успѣхами.

Конецъ.

ТАБЛИЦ

—

ЗАНЯТІ

ОТЪ 6

Stanford University Libraries
3 6105 004 074 048